

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2687-1262

**ЖУРНАЛ ИНТЕГРАТИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ**

JOURNAL OF INTEGRATIVE CULTURAL STUDIES

T. 5 № 1 2023

VOL. 5 No. 1 2023

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2687-1262 (online)
iik-journal.ru
<https://doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1>
2023. Том 5, № 1
2023. Vol. 5, no. 1

Журнал интегративных исследований культуры Journal of Integrative Cultural Studies

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74249,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018
Рецензируемое научное издание
Журнал открытого доступа
Учрежден в 2018 году
Выходит 2 раза в год
16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74249,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018
Peer-reviewed journal
Open Access
Published since 2018
2 issues per year
16+

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 12,1 Мб
Подписано к использованию 20.10.2023

Published at 20.10.2023

При использовании любых фрагментов ссылка
на «Журнал интегративных исследований культуры»
и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the “Journal of Integrative Cultural
Studies” and the author(s) of the material in question.

Редактор *В. М. Махтина*
Редактор английского текста *И. А. Наговицына*
Корректор *А. М. Ходан*
Оформление обложки *О. В. Рудневой*
Верстка *А. М. Ходан*

Санкт-Петербург, 2023
© Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

И. И. Докучаев (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

А. Л. Вольский (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

О. А. Янутш (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

С. Я. Щebrova (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Венкова (Санкт-Петербург, Россия)

А.-К. И. Забулионите (Санкт-Петербург, Россия)

Д. Йонкус (Каунас, Литва)

И. В. Леонов (Санкт-Петербург, Россия)

Л. Н. Летягин (Санкт-Петербург, Россия)

Л. А. Меньшиков (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Г. Михновец (Санкт-Петербург, Россия)

Л. В. Никифорова (Санкт-Петербург, Россия)

Л. А. Прыткова (Бишкек, Кыргызстан)

С. А. Савицкий (Санкт-Петербург, Россия)

О. С. Сапанжа (Санкт-Петербург, Россия)

Д. М. Соболев (Хайфа, Израиль)

К. Фейгельсон (Париж, Франция)

Редакционный совет

Председатель ред. совета

Х. Бирус (Бремен, ФРГ)

И. М. Быховская (Москва, Россия)

А. А. Воскресенский (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Грякалов (Санкт-Петербург, Россия)

Ж. Долгурсурэн (Улан-Батор, Монголия)

Г. В. Драч (Ростов-на-Дону, Россия)

О. В. Евдокимова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Ю. Ендольцева (Москва, Россия)

А. И. Жеребин (Санкт-Петербург, Россия)

В. К. Кантор (Москва, Россия)

И. В. Кондаков (Москва, Россия)

Я. Марзие (Тегеран, Иран)

А. А. Павильч (Минск, Республика Беларусь)

И. Б. Романенко (Санкт-Петербург, Россия)

Х. Рудлофф (Фрайбург, Германия)

Л. Рязанова-Кларк (Эдинбург, Великобритания)

И. П. Смирнов (Германия)

Н. А. Хренов (Москва, Россия)

И. О. Шайтанов (Москва, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Ilya I. Dokuchaev (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Alexei L. Volsky (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Olga A. Yanutsh (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Svetlana Ya. Shchebrova (St Petersburg, Russia)

Alina V. Venkova (St Petersburg, Russia)

Audra-Christina I. Zabulionite (St Petersburg, Russia)

Dalius Yonkus (Kaunas, Lithuania)

Ivan V. Leonov (St Petersburg, Russia)

Lev N. Letyagin (St Petersburg, Russia)

Leonid A. Menshikov (St Petersburg, Russia)

Nadezhda G. Mikhnovets (St Petersburg, Russia)

Larisa V. Nikiforova (St Petersburg, Russia)

Lyudmila A. Prytkova (Bishkek, Kyrgyzstan)

Stanislav A. Savitsky (St Petersburg, Russia)

Olga S. Sapanzha (St Petersburg, Russia)

Denis M. Sobolev (Haifa, Israel)

Christian Feigelson (Paris, France)

Editorial Council

Chairman of the Council

Hendrick Birus (Bremen, Germany)

Irina M. Bykhovskaya (Moscow, Russia)

Alexey A. Voskresensky (St Petersburg, Russia)

Alexey A. Grykalov (St Petersburg, Russia)

Zhamyan Dolgorsuren (Ulan Bator, Mongolia)

Gennadiy V. Drach (Rostov-on-Don, Russia)

Olga V. Evdokimova (St Petersburg, Russia)

Ekaterina Yu. Endoltseva (Moscow, Russia)

Alexey I. Zherebin (St Petersburg, Russia)

Vladimir K. Kantor (Moscow, Russia)

Igor V. Kondakov (Moscow, Russia)

Marzieh Yahyapour (Tehran, Iran)

Alexandr A. Pavilch (Minsk, Belarus)

Inna B. Romanenko (St Petersburg, Russia)

Holger Rudloff (Freiburg, Germany)

Larissa Ryazanova-Clarke (Edinburgh, United Kingdom)

Igor P. Smirnov (Germany)

Nikolai A. Khrenov (Moscow, Russia)

Igor O. Shaytanov (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Семиотика культуры	5
<i>Кожурин А. Я.</i> Кровь и порядок (символические функции крови в истории человеческих сообществ)	5
Диалогика культуры	17
<i>Вэй Ф., Покровская Н. Н.</i> Сетевая коммуникация цифровых инициативных действий как предмет социокультурной регуляции в условиях мобилизационной экономики	17
Аксиология культуры	25
<i>Верминенко Ю. В., Зверев С. Э.</i> Государство vs нация: социально-исторический анализ проблемы	25
Герменевтика культуры	34
<i>Докучаев И. И.</i> Теология как наука о данном и насыщенный феномен в концепции Ж.-Л. Мариона	34
Историческая типология культуры	41
<i>Грановская О. Л.</i> Коммунистический анархизм П. А. Кропоткина в контексте либертарианства Р. Нозика: сравнительный историко-философский анализ	41
Философия культуры	49
<i>Шевченкова А. С.</i> От субъекта-свидетеля к объекту-заместителю. Рецепции эстетических идей Хосе Ортеги-и-Гассета в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана	49
Словарь культуры	55
<i>Янущи О. А.</i> Генезис кинематографа: от первобытности до начала XX века	55
Публикации и переводы	66
<i>Пьюджин О. У. Н.</i> Противопоставления, или Параллель между Благородными Постройками Средних Веков и соответствующими зданиями наших дней, показывающая нынешний упадок вкуса. В сопровождении подобающего текста. Написано О. Уэлби Пьюджином, архитектором. Глава 3–5 (Перевод В. В. Дегтярева)	66

CONTENTS

Semiotics of culture	5
<i>Kozhurin A. Ya.</i> Blood and order: Symbolic functions of blood in the history of human communities	5
Dialogics of culture	17
<i>Wei F., Pokrovskaya N. N.</i> Networking in digital communication for the social initiatives' regulation in the context of mobilization economy	17
Axiology of culture	25
<i>Verminev Yu. V., Zverev S. E.</i> State vs. nation: Socio-historical analysis	25
Hermeneutics of culture	34
<i>Dokuchaev I. I.</i> Theology as a science of the givenness and J.-L. Marion's saturated phenomenon .	34
Historical typology of culture	41
<i>Granovskaya O. L. P. A.</i> Kropotkin's communist anarchism in the context of R. Nozick's libertarianism: Comparative historical and philosophical analysis	41
Philosophy of culture	49
<i>Shevchenkova A. S.</i> From the witnessing subject to the substituting object. Reception of the aesthetic ideas of José Ortega y Gasset in Graham Harman's object-oriented ontology .	49
Dictionary of culture	55
<i>Yanutsh O. A.</i> The genesis of cinema: From primitive societies to the early 20 th century	55
Articles & translations	66
<i>Pugin A. W. N.</i> Contrasts: Or, A Parallel Between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day, Shewing the Present Decay of Taste. Accompanied by appropriate Text. By A. Welby Pugin, Architect. Chapter 3–5 (Translated by V. V. Degtyarev)	66

Check for updates

Семиотика культуры

УДК 30 (304.2)

EDN PAIFAS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16>

Кровь и порядок (символические функции крови в истории человеческих сообществ)

А. Я. Кожурин^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Кожурин, А. Я. (2023) Кровь и порядок (символические функции крови в истории человеческих сообществ). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 1, с. 5–16. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16> EDN PAIFAS

Получена 28 марта 2023; прошла рецензирование 7 апреля 2023; принята 11 мая 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. Я. Кожурин (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье анализируется проблематика «крови» в истории человеческого общества, в процессе его цивилизационного развития. Показывается символическая роль крови в утверждении социального порядка на различных этапах социально-культурного развития. Автор статьи использует для этих целей разнообразный материал — от первобытнообщинного строя до современности. Он, в частности, обращается к обычаю кровной мести. Особое внимание уделено борьбе с данным обычаем в рамках европейской цивилизации — в плане культурно-цивилизационных процессов, происходивших в этом регионе. Автор статьи обращается к материалу древнегреческой истории (утверждение примата закона в рамках полиса), а также к средневековому Западу. В представленной статье рассматривается тема крови в различных религиозных и социальных ритуалах (инициации, свадебные обряды и т. д.). Выделяются основные этапы символического понимания крови в истории (кровь как носитель души, т. н. «общества кровавости», расовая теория). Автор данной статьи исследует символическое значение крови в карательных практиках европейских стран средневековья и эпохи абсолютизма. Особо анализируется переход от «обществ кровавости» (М. Фуко) к современному западному обществу. Показывается закономерность кровавого террора Великой французской революции в этом процессе. В представленной статье уделено внимание и «мифам крови» XIX–XX веков, связанных с идеологией расизма. Данная идеология, пусть и в превращенной форме, продолжает играть свою роль и в современном мире. Речь, в первую очередь, идет о претензиях представителей англо-саксонского мира на собственную «исключительность». Таким образом, рассматриваемая в статье проблематика обнаруживает свою актуальность.

Ключевые слова: кровь, символ, кровная месть, социальный порядок, ритуал, наказание

Blood and order: Symbolic functions of blood in the history of human communities

A. Ya. Kozhurin ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Kozhurin, A. Ya. (2023) Blood and order: Symbolic functions of blood in the history of human communities. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 5–16. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16> EDN PAIFAS

Received 28 March 2023; reviewed 7 April 2023; accepted 11 May 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. Ya. Kozhurin (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article analyzes issues related to the concept “blood” and its transformation throughout the history of human society, i. e., its civilizational development. The article shows the symbolic role of blood in the establishment of social order at various stages of socio-cultural development. The evidence is diverse and spans the time period from the primitive communal system to the present. In particular, the article discusses the custom of blood feud. A special attention is given to how this custom was counteracted by the European civilization through cultural and civilizational processes. The evidence is also taken from ancient Greek history (the assertion of the supremacy of law within the polis) and the medieval West. The article discusses references to the concept “blood” in various religious and social rituals (initiations, wedding rituals, etc.) and highlights the main stages of the symbolic understanding of blood in history (blood as a carrier of the soul, the so-called “society of blood”, racial theory). The article explores the symbolic meaning of blood in punitive practices of the European Middle Ages and the era of absolutism. In particular, it focuses on the transition from the “society of blood” (M. Foucault) to modern Western society. The regularity of the bloody terror of the Great French Revolution in this process is shown. The article also refers to the “blood myths” of the 19th-20th centuries associated with the ideology of racism. This ideology, albeit in a transformed form, continues to play its role in the modern world. Primarily, this is related to Anglo-Saxon claims about their “exclusivity”. This makes the discussion raised in the paper relevant.

Keywords: blood, symbol, blood feud, social order, ritual, punishment

*Кровь, надо знать, совсем особый сок
И.-В. Гете. «Фауст» (Пер. Б. А. Пастернака)*

Введение

Для начала дадим рабочее определение, которое мы без труда найдем в изданиях энциклопедического толка: «Кровь — жидкость, циркулирующая в кровеносной системе животных и человека» (Кровь 1987, 657). Итак, перед нами жидкость, но медико-биологическое определение далеко не исчерпывает интересующую нас реальность, ибо кровь — жидкость особого рода, обладающая символическими функциями. Недаром в ритуалах и мифах большинства народов она сакрализуется. Кроме того, необходимо иметь в виду различные «практики крови», которые мы наблюдаем на всех этапах развития человечества — от первобытного общества до современности.

Вспомним, например, архаическую концепцию, рассматривавшую кровь в качестве носителя жизни илиместилища души. Кровь появляется в момент рождения и, как правило, в момент смерти. Человеку казалось, что она наделена могущественной силой, ее использо-

вали во многих магических ритуалах, при общении с богами и мертвыми. Можно даже утверждать, что древнейшие мифы — мифы крови. Данные аспекты мы, например, обнаруживаем в гомеровской «Одиссее». Речь идет о сцене посещения главным героем загробного царства, где он пытается узнать у душ умерших свою судьбу. В Аиде Одиссей сталкивается с душами, разлучившимися после смерти с телами, которые «бездумными тенями веют» (Одиссея 2000, 118). Можно сказать, что на том свете они влачат самое жалкое существование. Чтобы вернуть этим душам память и способность мыслить, их необходимо напитать кровью. Для этой цели главный герой совершает обряд жертвоприношения. Когда «черная кровь» жертвенных животных полилась, то души усопших, «вылетев вместе бесчисленным роем из ямы, подняли крик несказанный» (Одиссея 2000, 122).

Особое восприятие крови характерно и для Ветхого завета, хотя иудейский и древнегреческий подходы к ней можно трактовать как отличные друг от друга — даже диаметрально противоположные. Весьма показательный отрывок мы обнаруживаем в одной из книг Ветхого Завета, где Иегова обращается к Моисею

со следующими словами: «Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращу лицо Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее, потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает; потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришелец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землю, ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Библия... 1992, Лев. 17: 10–14). Во «Второзаконии» данный запрет повторяется: запрещается есть кровь, ибо она вместилище души. Только одна ситуация допускала прикосновение древнего иудея к крови — жертвоприношение и данное обстоятельство специально оговаривается в соответствующих местах Библии.

Кровь в архаических обществах — обычай кровной мести и попытки его преодоления

Теперь обратимся к тому, как тема крови решалась во взаимоотношениях между людьми. С точки зрения «права» архаическая мифология крови наиболее ярко проявляется в обычае кровной мести, который в ряде регионов мира не искоренен и по сей день. В этой системе ценностных установок кровь представляется непрерывно текущей в жилах людей, связанных единством происхождения, а рана на теле рода должна быть симметрично отражена на враждебной коллективной телесности. Причем принцип индивидуальной ответственности перевешивается принципом «общей крови». Не обязательно покарать самого обидчика — объектом наказания может стать любой мужчина его рода. Также показательно, что обычаи многих народов устанавливали такой порядок, по которому наследник убитого не мог вступить в свои права, не отомстив убийце и его сородичам.

В свете вышесказанного необходимо помнить, что в истории европейского человечества установление правовых норм, как правило, начиналось с искоренения обычая кровной мести. Стремление сберечь драгоценную кровь соотечественников, поставить препоны варварским обычаям предков становится основой новой формы организации социума. Подобную ситуацию мы наблюдаем, например, в Древней

Греции. Вот что писал по этому поводу Ж.-П. Вернан: «Первые признаки нового образа мышления проявляются в решении некоторых правовых вопросов. Так убийство больше не квалифицируется как частное дело, простое сведение счетов между родами; кровная месть, ранее обязательная для родственников убитого и приводящая к фатальной цепочке убийств, заменяется контролируемым наказанием; мера наказания определяется уполномоченными полисом лицами, а также общественностью» (Вернан 1988, 95–96).

С подобной же практикой мы сталкиваемся и в средневековой Европе. Вендетта была уделом тех регионов (преимущественно труднодоступных — Корсика, Сардиния, горные районы Италии и некоторые другие территории) куда не проникло феодальное правосудие. Обычай кровной мести продолжает существовать и в современном мире — в исламских странах, например. Любопытно, что крушение коммунистической системы способствовало его воскрешению в Албании, где сегодня тысячи подростков находятся под угрозой смерти из-за деяний, совершенных их родственниками.

Естественно, что преодолеть кровную месть пытались и народы, не имевшие развитого государственно-правового аппарата. У южных славян, вплоть до XX века, действенной формой отказа от указанного способа «правосудия» был обычай побратимства. Этот обычай можно рассматривать в качестве одного из наиболее распространенных у различных народов способов скрепления данного слова. Показательно, что и здесь не обходилось без использования крови. Вот как описывал его немецкий автор Г. А. Штрак, опирающийся на соответствующие этнографические исследования: «Представители враждующих родов иглой вскрывают себе артерию на правой руке, высасывают друг у друга кровь, обмениваются поцелуями и клянутся друг другу в неизменной верности до гроба» (Кровь в верованиях и суевериях человечества 1995, 40).

Кровь и практики инициации

В интересующем нас аспекте особое восприятие крови проявлялось и в обрядах инициации, которые можно интерпретировать в качестве конституирующих для архаических обществ. Они были характерны для всех народов мира на определенной стадии развития. Впрочем, в превращенных формах инициативные практики характерны и для современного мира — особенно для всякого рода дисциплинарных пространств (вроде армии или тюрьмы). Можно

выделить две основные формы данных обрядов в рамках социальных структур архаического общества — для мужчин и для женщин. В обоих случаях они знаменовали переход на стадию зрелости и имели ярко выраженный кровавый аспект. В этой связи было бы любопытно рассмотреть те различия, которые можно наблюдать в инициативных обрядах для юношей и девушек, а затем выделить общие моменты.

Возрастные инициации представляли собой систему обрядов, знаменующих переход юноши из ранга подростка в ранг взрослого мужчины. Взрослым мужчиной мог считаться лишь человек, прошедший через серию испытаний, большинство из которых носило весьма изощренный и даже мучительный характер. Среди данных испытаний мы встречаем лишение пищи и сна, бичевание и избиение палками, вырывание зубов и волос, кровопускание и обрезание, испытание огнем и подвешивание при помощи крючков, вонзаемых в тело. Таким образом, можно увидеть, что практически все испытания сопровождалось кровопусканием, а сами инициации оказывались своеобразной квинтэссенцией «практик крови».

Следует признать правоту тех исследователей, которые считают, что во время этих испытаний юношам сообщали нормы поведения, существующие в коллективе. Мучительными испытаниями взрослые мужчины стремились добиться от молодых беспрекословного соблюдения данных норм в течение всей их последующей жизни. Представители первобытного коллектива, не прошедшие через обряд инициации считались мальчиками, причем независимо от возраста. Им было строжайше воспрещено вступать в брачные отношения, а нарушение этого запрета в большинстве случаев каралось смертью или изгнанием из племени. Последнее наказание в условиях архаического порядка было практически равносильно смерти.

Другой важнейший аспект инициаций связан со спецификой восприятия «своих» и «чужих», характеризующей архаическое общество. Для представителей первобытного коллектива «чужой» — это враг, от которого следует ждать всевозможных подвохов и даже прямой агрессивности. Ставкой в отношениях с «чужими» становится жизнь и, следовательно, не зазорно применить к ним любое насилие — вплоть до убийства. По отношению к «своим» необходимо было соблюдать иные правила, которые, пусть и с огромным трудом, устанавливались во всех более или менее стабильных обществах. Одной из задач инициаций и было ознакомление с этими правилами юношей. Можно сказать,

что прошедшие обряды инициации узнали правила поведения в отношении «своих», они доказали «чистоту крови», причастность собственному племени. Молодые люди, не выдержавшие испытаний, своей причастности не доказали, на них нельзя рассчитывать в критических ситуациях. Они представляют опасность для соплеменников, а потому не могут быть признаны в качестве полноправных членов коллектива.

Естественно, что в архаическом обществе существовали обряды, знаменовавшие переход девушек в ранг взрослых женщин. Иногда они носили мучительный характер, напоминая те испытания, которым подвергались юноши: некоторые австралийские племена, например, практиковали выбивание зубов девушкам во время инициации. В большинстве случаев, однако, женские инициации носили более мягкий характер, чем аналогичные мужские обряды. Как правило, над девушкой, достигавшей брачного возраста, совершалась операция дефлорации. Племена, стоявшие на низших стадиях развития, поручали проведение данной церемонии женщинам. В одних случаях матери публично дефлорировали своих дочерей при помощи искусственного фаллоса, в других данная процедура совершалась старейшими женщинами.

В патриархальных обществах процедура дефлорации была прерогативой мужчин, причем формы данного обряда эволюционировали в зависимости от уровня развития социума. Так на ранних стадиях функционирования патриархального общества дефлорации носили коллективный характер и приурочивались к большим праздникам. Например, у австралийских аборигенов девушкой, после того как ее ритуально лишали невинности, овладевала группа мужчин. М. Элиаде комментировал данную ситуацию следующим образом: «Искусственная дефлорация, а также церемониальное групповое сношение с молодой девушкой — вероятнее всего, искажения ритуала и ритуалы, изобретенные мужчинами и навязанные женщинам на определенной стадии растущей власти мужчин» (Элиаде 1998, 189).

Одной из форм данного ритуала был так называемый насамонийский обычай: после свадьбы присутствовавшие на ней мужчины овладевали невестой, а жених получал доступ к ней последним. Данный обычай был распространен среди древних жителей Киренаики (именно здесь жили насамоны — одно из ливийских племен, описанных Геродотом в четвертой книге его знаменитой «Истории») и Балеарских островов, полинезийцев и индейцев, а также у ряда африканских народов. Можно утверждать,

что кровь, пролитая при женских инициациях, цементировала новые социальные порядки — патриархальные, закладывала основы будущего цивилизованного мира.

В дальнейшем в роли дефлоратора, как правило, выступали специально уполномоченные представители социума — колдун, жрец, вождь племени. Развитием данной практики было пресловутое «право первой ночи», получившее развитие в различных частях света. Данный обычай существовал на протяжении тысячелетий у народов, которые не общались, да и не могли общаться друг с другом. В ницшевской «Генеалогии морали» (1887) обнаруживаем следующий пассаж, посвященный этому обычаю: «Все хорошие вещи были некогда дурными вещами; из каждого первородного греха вышла какая-то первородная добродетель. Брак, например, долгое время выглядел прегрешением против права общины; некогда платили штраф за столь нескромную потребность присвоить себе женщину (сюда относится, например, *jus primae noctis*, еще и поныне остающееся в Камбодже привилегией жрецов, этих блюстителей “старых добрых нравов”» (Ницше 1990, 485–486).

Интересующий нас обычай рассматривался и как своеобразный способ улучшения породы, «облагораживания» крови. Как указывают современные медиевисты, в европейском средневековье некоторым владетельным графам или герцогам приходилось осуществлять до ста дефлораций в год — расслабляться им было некогда. Впрочем, в некоторых случаях они могли передоверить это право своим сыновьям или вассалам. Этого нельзя сказать об ответственных за дефлорацию в архаических обществах (жрец, колдун, вождь племени и т. д.). Если он оказывался импотентом, то это немедленно становилось известным его соплеменникам и ставило под сомнение не только его власть, но, как правило, и жизнь.

В эпоху феодализма «право первой ночи» получило и юридическое оформление, выступая в качестве одной из форм налогообложения. Его можно было выкупить за определенную плату — деньгами или натуральными продуктами. Я. Гримм приводит характерный документ, фиксирующий действие данного права в Германии эпохи господства феодальных отношений: «Но что касается дворовых людей, то тот из них, кто хочет жениться, должен пригласить управляющего и его жену и управляющий должен ссудить жениху котел, чтобы он мог сварить барана, а также управляющий должен привести на свадьбу воз дров, затем управляющий и его жена должны принести четверть свиного жар-

кого, и когда свадьба кончится, то жених должен предоставить управляющему провести с женой первую ночь или должен откупиться шестью шиллингами и четырьмя пфеннигами» (Бebel 1959, 108).

В странах Западной Европы право первой ночи отменялось по мере отмирания феодальных отношений, хотя и здесь были свои нюансы. Так в Арагоне оно было ликвидировано Фердинандом Католиком в 1486 году, а, например, в Наварре данное право было подкреплено королевским указом в начале XVII века. Причем правителем, издавшим этот указ, был знаменитый Генрих IV, которому либеральная историография еще со времен Вольтера пела осанну как выдающемуся реформатору, стремившемуся облегчить жизнь своих подданных. Сам знаменитый король был известнейшим любителем противоположного пола и количество соблазненных, а то и просто изнасилованных им женщин не поддается учету. Впрочем, в Наварре еще со времен средневековья установилось правило, что первенцы от брака, где было использовано право первой ночи, считались свободными.

Отметим специфику в отношении незаконных детей дворянства и третьего сословия, которая характерна для западноевропейского средневековья. Среди дворян и королевских домов не было принято отказываться от своих побочных детей. Наоборот, для мужчин из знатных родов наличие таких детей было поводом для гордости, главным здесь было признание того обстоятельства, что в их жилах течет «благородная кровь». Знаменитого французского военачальника Столетней войны Дюнуа современники называли «монсеньор бастард», сам он подписывался — «Бастард Орлеанский». Существовали и другие лица, именовавшиеся подобным образом. На побочных детей дворянства распространялось покровительство феодальных порядков. Этим знать отличалась от простолюдинов, которые относились к незаконным детям скорее отрицательно. Можно заметить, что при сравнении данных подходов мы сталкиваемся с противопоставлением «благородной» и «неблагородной» крови, лежащим в основе феодального устройства.

Кровь в других ритуалах

Продолжим изучение роли «крови» в структурировании социальных порядков архаичных обществ. Одним из наиболее распространенных посвященных обычаев, связанных с кровью, было обрезание. Данный обряд был распростра-

нен у многих народов Ближнего Востока и Африки, Центральной и Южной Америки, а также Австралии и Полинезии. В большинстве случаев обрезание — своеобразная резьба по человеческому телу, обозначало возраст вступления в зрелость, торжество мужественности и удаление ненужных кожных складок, которые могли казаться представителям сильной половины человечества чересчур женственными. Орудиями для совершения обрезания служили бритва или нож, а на ранних этапах развития человечества для данной цели использовали заостренную и обожженную на костре палку.

Особое значение имело обрезание для евреев. В иудаизме оно выступает знаменем завета Бога с Авраамом. Несоблюдение данного завета должно было вызвать катастрофические последствия для еврейского народа. Интересно, что в эпоху эллинизма, когда в Иерусалиме и других палестинских городах появились греческие школы и стадионы, то некоторые из иудейских юношей, чтобы меньше отличаться от своих эллинских ровесников, подвергали себя специальной операции, с целью замаскировать следы обрезания. Операция носила достаточно мучительный характер и, естественно, вызывала негодование среди представителей иудейской ортодоксии.

Операции, напоминающей обрезание, подвергались и женщины многих племен. Так, согласно выдающемуся географу Страбону, дело обстоит в Египте I в. до н. э. В современном мире этот обычай распространен у ряда народов, исповедующих ислам (в первую очередь, североафриканских). Суть интересующей нас процедуры заключается в полном удалении клитора и малых половых губ. Смыслом этой операции было лишить женщину органов, наиболее чувствительных к сексуальной стимуляции. Половая близость для женщины оказывается достаточно болезненной, а тем самым устраняется физиологическая основа для беспорядочных половых связей, измен с ее стороны. Можно сказать, что подобная операция призвана предотвратить адюльтер и, тем самым, гарантировать «чистоту крови», появление на свет только законных наследников.

Обращаясь к более близкой нам реальности, выделим восточнославянские представления о крови, получившие яркое воплощение в свадебных обрядах. Речь идет о мифологических воззрениях, неразрывно связывавших дефлорационную кровь с плодородием скота и пашен. Вот как эти представления описывал крупнейший русский этнограф первой половины XX века Д. К. Зеленин: «По народным представлениям,

кровь, пролившаяся при дефлорации новобрачной, благотворно влияет на размножение скота. Поэтому русские нередко стелят брачную постель в овечьем хлеву. У белорусов Сурожского уезда Черниговской губ. записана следующая песня, которую поют в том случае, если окажется, что новобрачная не девственница: «Не чуйця вы кони, // Не чуйця и коровы, // Не чуй наша пашня, // Што к нам курва пришла!» Здесь мы находим отчетливое доказательство того, что нецеломудрие новобрачной плохо влияет на скот и даже на посевы. У украинцев почти повсеместно существует такое представление: если новобрачная скрыла, что она не девственница, в доме падет лошадь или вол» (Зеленин 1991, 336–337).

Дефлорационная кровь может быть рассмотрена как своеобразное жертвоприношение, а жертвоприношения всякого рода играют важнейшую роль в жизни традиционных обществ. Кровопролитие, причем далеко не всегда безобидные, в этих случаях предполагается по определению. Так в качестве жертв использовались преступники, рабы и пленные, а также невинные люди, в том числе и дети, чья кровь считалась особенно любезной богам. Отсюда происходил обычай принесения первенца в жертву тому богу, сыном которого он считался, — вспомним религиозную обязанность девушки отдаться в храме жрецу или чужестранцу, которые выступали в качестве заместителя божества (практика, чрезвычайно распространенная в древности, особенно на Востоке). Юная и «чистая» кровь должна была поддерживать истощающуюся мощь бога (собственного отца), жертвующего собой для поддержания мира и его изобилия. Таким образом, на ранних стадиях развития смертная казнь (= жертвоприношению) имеет характер искупления, очищения и умилостивления божеств.

Кровь и карательные практики («общества кровавости»)

Следующий этап взаимоотношений «крови» и социального порядка наступает тогда, когда светская власть стремится придать смертной казни и наказаниям характер устрашения. Наиболее ярко данный аспект выявляется в эпоху позднего средневековья. Первое, что видел путешественник, въезжая в европейский город того времени, — виселицы с дотлевающими телами повешенных или эшафот с водруженными на нем отрубленными головами, руками, ногами. Специальные таблички указывали имена преступников и их деяния. Публичные пытки

и казни становятся излюбленным зрелищем европейцев. Эта ритуальная жестокость была тем способом, которым власть приучала подданных уважать право, создавала своеобразную юридическую «память» (Ф. Ницше).

Развитие данной установки мы обнаруживаем в политико-юридической практике абсолютистских государств. Абсолютизм, как известно, утверждается на Западе в XVI–XVIII веках. Данная форма правления делает важнейшей прерогативой суверена право «на жизнь и на смерть», то есть пролитие или не пролитие крови. В этом смысле ритуал казни, по мнению М. Фуко, высказанному в работах «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (Фуко 1999) и «Воля к знанию» (Фуко 1996), оказывается более надежным способом легитимизации власти, чем даже обряд коронации. Но если мы вернемся к эпохе западного средневековья, то таким сувереном, обладавшим правом на тело и жизнь подданных, а следовательно, и на их кровь, выступал любой сколько-нибудь значимый феодал.

Средневековый сеньор имел в своих владениях виселицу, причем число столбов и крючков выражало степень, которую ее хозяин занимал в феодальной иерархии. Герцог мог выстроить виселицу с шестью столбами, барон — с четырьмя, шателен — с тремя, а простой сеньор — с двумя. Казни были многочисленны и совершались с необычайной легкостью. В еще большем распространении были многообразные пытки. Уже греческое право, не говоря о римлянах, совокупило пытку и признание. Так, по крайней мере, обстояло дело в отношении рабов. Считалось, что они способны свидетельствовать истину лишь после мер физического воздействия. Средневековье и новоевропейская эпоха, особенно на ее ранней стадии, наследуют данную традицию. Признание выколачивается из души или вырывается из тела — перед нами, используя формулу М. Фуко, взаимная обратимость исповеди и пытки.

В интересующий нас исторический период совершение человеком какого-нибудь проступка связывалось подчас с наличием у него «дурной крови», то есть крови, испорченной различными болезнями, колдовством или дьявольскими кознями. Важную роль в восприятии средневековых людей играла наследственность, которая учитывалась при проведении следствия и вынесении приговора. В особенности подобные аспекты интересовали дознавателей по делам, связанным с ведовством или оборотничеством. Если в роду предполагаемого преступника обнаруживались лица, осужденные по аналогичным процессам («нечистая кровь»), то данное обстоятельство

служило, как правило, весомой уликой против него. Естественно, что правосудие того времени стремилось радикально решить проблему, так что преступники такого рода истреблялись целыми семьями.

В этой связи необходимо отметить важнейший момент архаических представлений, сохранившихся и рамках средневекового миропорядка, — признание коллективной ответственности, когда за проступки главы семейства наказание несли его чада и домочадцы. Вот, например, случай из позднесредневековой эпохи. Людовик XI расправился с сыновьями графа д'Арманьяка (12 и 14 лет, соответственно) следующим образом: они были помещены в карцер («рожок»), в котором было невозможно лежать и даже сидеть, а лишь разместиться на корточках над собственными нечистотами. Раз в неделю их поднимали из «рожка» и избивали до крови, а потом опускали обратно. Раз в три месяца традиционное избивание сопровождалось вырыванием одного зуба, — разумеется, без наркоза и с помощью инструментов того времени. Старший из братьев, в итоге, сошел с ума, а младшему удалось вырваться оттуда лишь после смерти короля. Не трудно представить себе его состояние после перенесенных страданий.

Способы совершения казни теперь должны наводить ужас на зрителей, отбивать охоту у потенциальных преступников к нарушению законов. Отсюда стремление сделать зрелище казни и наказания массовым, обставить их всевозможными церемониями, придать им характер своеобразного нравоучения. В этой системе координат кровь, таким образом, приобрела ярко выраженную педагогическую функцию. Часто наказание носило симметричный или символический характер: поджигателей сжигали на костре; в тело насильника вбивался кол, причем первые три удара наносила его жертва; фальшивомонетчикам заливали в горло расплавленный металл; богохульникам протыкали язык. Нередко соединяли несколько видов казни вместе: подвергали осужденного ординарной и экстраординарной пытке, отрубали одну или обе руки, вырезали язык и рвали тело раскаленными щипцами, вырывали внутренности и т. д.

В европейском средневековье зрелище наказания было важной составной частью духовной пищи народа. Можно назвать данное зрелище спектаклем со своеобразной моралью. Особое значение оно получало, если наказанию подвергалось лицо, принадлежащее к привилегированным сословиям. Вот как комментировал это обстоятельство Й. Хейзинга: «Нередко,

осужденные были важными господами, и тогда народ получал еще более живое удовлетворение от свершения неумолимого правосудия и еще более жестокий урок бренности земного величия, нежели то могло сделать какое-либо живописное изображение Пляски смерти. Власти старались не упустить для достижения эффекта всего спектакля: знаки высокого достоинства осужденных сопровождали их во время этого скорбного шествия» (Хейзинга 1988, 9).

Таким образом, народ отстаивал свое право наблюдать казнь и видеть того, кого казнят, — особенно если речь шла о представителях высших сословий. Следует заметить, впрочем, что сами власти в преддверии и во время проведения экзекуций отводили толпе важную роль: народ призван был оказывать содействие суверену, мстить его врагам. Весьма часто обреченные на наказание подвергались насмешкам и оскорблениям со стороны толпы. Причем властями данное поведение не только не запрещалось, но и поощрялось. Здесь, впрочем, были свои правила. Французский ордонанс 1347 года указывал, что в глаза преступника, осужденного за богохульство, можно бросать грязь и всякого рода нечистоты и запрещал метание тяжелых предметов, которые могли бы ранить или убить осужденного, избавив его тем самым от наказания, согласно судебному приговору. Тем самым четко обозначался суверенитет монарха в деле наказания преступника.

Как мы уже заметили выше, в случае наиболее опасных преступлений соединяли несколько видов казни вместе. Так, когда в 1757 году Дамьен совершил покушение на жизнь Людовика XV, следователи и судьи обратились ко всем судам Франции с просьбой сообщить, какие они употребляют способы пыток и казней. Подобным образом они желали узнать наиболее жестокие из видов наказания, чтобы примерно наказать злоумышленника. В последнем случае речь шла о самом страшном преступлении — цареубийстве, а потому наказание ему должно было представлять сумму всех возможных пыток — по крайней мере, в идеале.

Сохранилось любопытное описание казни Дамьена, принадлежащее перу Д. Казановы. Оно весьма точно передает саму атмосферу рассматриваемой нами эпохи. Знаменитый авантюрист, наблюдавший казнь в обществе парижских дам, писал: «Нам достало упорства битых четыре часа наблюдать сей страшный спектакль. <...> Во время казни Дамьена принужден я был отвести глаза, услышав, как он возопил, лишившись половины тела, но Ламбертини и г-жа ХХХ отворачиваться не стали; но не жестокосердие

было тому причиной. Они объявили, а я сделал вид, что поверил, будто они не питали ни малейшей жалости к сему исчадию, насколько они любили Людовика XV» (Казанова 1990, 376–377).

Кстати, по воспоминаниям большинства современников, женщины взирали на казнь Дамьена с большим спокойствием, чем мужчины. Интересная деталь — в начале XIX века, чтобы довести внучек этих дам до обморочного состояния, достаточно было рассказа о вещах куда менее жестоких. Таким образом, всего лишь за пятьдесят лет европейская ментальность испытала столь серьезную метаморфозу, что ее последствия не могли не сказаться на радикальном изменении системы наказаний. Впрочем, справедливости ради, отметим, что публичные казни продолжались во Франции и весь XIX век, и значительную часть следующего столетия.

Правда, воспитательное значение публичной казни могло получить и прямо противоположное направление. Очень часто самый опасный и ненавистный преступник, достойно ведший себя на эшафоте, превращался в объект восхищения зрителей, которые до этого были готовы растерзать его собственными руками. Можно вспомнить дона Родриго Кальдерона, который, будучи одним из ближайших приближенных Филиппа III, снискал всеобщую ненависть испанцев и под давлением общественного мнения был приговорен к смерти. Опальный министр вошел на эшафот с высоко поднятой головой и изящно скинул капюшон — несомненное свидетельство благородной породы («крови»). Красивый жест превратил его в объект поклонения всей Испании — вещи казненного оказались предметом почитания, наравне с мощами святых, за обладание ими вспыхивала настоящая борьба.

Сказанное о смертной казни можно повторить и в связи с пыткой. Ее можно уподобить своеобразной игре, которую с обвиняемым ведет следователь, ведущий дознание. Данная игра, впрочем, содержит весьма строгие правила, причем на кон здесь ставит не только предполагаемый преступник, но и дознаватель. Если подследственный выдержит пытку, то судья должен отказаться от обвинения — без процедуры признания машина дознания оказывается работающей вхолостую. Данный механизм имел серьезные последствия и далеко за пределами этой эпохи. Именно на процедуры инквизиционного дознания, по мнению М. Фуко, ориентируется зарождающееся в этот период естествознание (Фуко 1999, 331)¹.

¹ Подробнее см. (Арефьев и др. 2018, 153–182).

Подытоживая все сказанное о системе наказаний в европейском обществе эпохи феодализма и сменившего его абсолютизма, необходимо заметить, что пытки и казни выполняли, по сути дела, роль социальной скрепы, носили ярко выраженный воспитательный характер. Перед нами своеобразная педагогика устрашения, направленная не только и даже не столько на осужденного, но на зрителей, в первую очередь. В зрелище публичного наказания суммировались коллективный страх, ужас физического насилия (особенно в случае квалифицированной казни), которые запечатлевались в памяти присутствовавших, демонстрировали им тщету противодействия порядку, установленного сувереном.

Снова обратимся к М. Фуко, который в работе «Воля к знанию» писал: «В течение долгого времени кровь оставалась важным элементом механизмов власти, ее проявлений и ее ритуалов. Для общества, где преобладают системы супружества, политическая форма монархии, дифференциация на сословия и касты, ценность родословных, для общества, где голод, эпидемии и насилия делают смерть неминуемой, — для такого общества кровь представляет собой одну из важнейших ценностей; цена ее определяется ее инструментальной ролью (возможность пролить кровь), ее функционированием внутри порядка знаков (иметь определенную кровь, быть той же крови, согласиться рисковать своей кровью), а также ее непрочностью (легко проливается, способна иссыхать, слишком легко смешивается, быстро поддается порче)». Подводя итог, Фуко называет этот тип социального устройства обществом «кровавости», где в «почете война, где царит страх перед голодом, где торжествует смерть, самодержец с мечом, палач и казнь, где власть говорит через кровь...» (Фуко 1996, 253).

Кровь в процессе перехода к современному обществу на Западе

Переход от традиционного типа общества к современному на Западе сопровождался своеобразным всплеском «кровавости». Мы имеем в виду события Великой французской революции и феномен революционного террора. Несомненно, что их пиком стал судебный процесс Людовика XVI и последовавшая за ним казнь короля. Позволим себе привести выдержку из работы графа Ж. де Местра «Рассуждение о Франции» (1797). В ней знаменитый консерватор писал: «Любое посягательство на суверенитет, сотворенное от имени Нации, всегда есть в большей

или в меньшей степени национальное преступление, ибо всегда Нация в большей или в меньшей степени виновна в том, что некое число мятежников в состоянии совершить преступление от ее имени. <...> Каждая капля крови Людовика XVI обойдется Франции потоками крови. Четыре миллиона Французов, быть может, заплатят своей головой за великое народное преступление — за противорелигиозный и противообщественный мятеж, увенчавшийся цареубийством» (де Местр 1997, 24–25).

Если суммировать жертв якобинского террора, бойни в Вандее, а также убитых в революционных и наполеоновских войнах, то де Местр был не так уж далек от истины. Можно сказать — его пророчество сбылось почти что буквально. Для темы нашей работы показательна та ориентированность на кровь и кровавое воздаяние, которая обнаруживается в этой, да и в других работах выдающегося мыслителя. В своей концепции воздаяния де Местр исходил из того, что первородный грех обрек человека на двойственность полов, а прочие преступления ему суждено искупать кровью, ибо она — нечто среднее между духом и телом. Кровь есть сама жизнь — не даром для большинства религий она является основным средством для жертвоприношений. Таким образом, по мнению де Местра, кровь играла ни с чем несравнимую роль в процессе религиозного воспитания человечества.

Вернемся, однако, к казни короля. Показательно, что и контрреволюционные философы-традиционалисты (кроме Ж. де Местра — Луи де Бональд, Мэн де Биран и др.), и такой ниспровергатель всех устоев как де Сад говорят о ней примерно в одних категориях, — в обоих случаях речь идет о коллективной ответственности. Только для традиционалистов Людовик являлся мучеником, взявшим на себя грехи нации, а для «божественного маркиза» нация, совершившая данное деяние, погружается в состояние неискупимого греха, она связывается своеобразной круговой порукой. Де Сад мотивирует это тем, что убийство монарха сродни как убийству Бога, так и отцеубийству. Разумеется, что из этого события де Сад делает выводы, противоположные его консервативным современникам — необходимость установить республиканский образ правления.

В дальнейшей истории происходит своеобразная смена ориентиров и, по словам М. Фуко, «кровью» буржуазии становится ее секс. Генеалогическая забота дворянства превращается в озабоченность наследственностью буржуазии. При заключении брака одной из важнейших проблем, наряду с требованием социальной

гомогенности и поисками солидного наследства, становится стремление избежать появления неполноценного потомства. Расизм дворянства, подчиняющийся целям консервации (его символом и является забота о «чистоте крови»), сменяется расизмом буржуазии, который французским исследователем трактуется как динамичный (Фуко 1996, 230–231).

Тем не менее, полностью избавиться от наследия тысячелетий не так просто, если вообще возможно. Возникает новый способ отношения к крови, который, в отличие от предшествующих, базируется не на мифологических или религиозных основаниях, а на научных. Впрочем, сама наука в XIX столетии принимает черты квази-религии. В рамках данной установки развиваются такие влиятельные течения как дарвинизм, генетика, расизм и многие другие. «Кровь», пусть и под другими названиями, продолжает играть важную роль в сознании человека «цивилизованного мира».

Расизм как новый миф крови

Прошедший век был богат такими историческими событиями, которые своеобразно подчеркнули значение принципа крови. Роль этого принципа в наши дни также трудно недооценить. Апелляции к «крови» в мире подавляющего господства симулякров полны глубокого смысла. Быть может, это то единственно подлинное, что еще сохраняет свое значение для представителя цивилизованного общества. Более того, в условиях потери духовных корней, отказа от религиозного мировосприятия и великих идеологий, «кровь», по сути дела, и остается единственным действенным принципом объединения. К чему же еще апеллировать, когда другие реальности утратили свое сакральное значение? Разумеется — к крови, которая оказывается наиболее приемлемым, «естественным» принципом объединения. Отсюда — рост расистских, националистических настроений в современном мире.

В этой связи любопытна трактовка, которую «кровь» получает в идеологии немецкого национал-социализма. Идея чистоты «крови», со ссылками на научные концепции — в первую очередь, эволюционную теорию Дарвина, приобрела в рамках подобной установки фундаментальное значение. Более того, четко обозначается тенденция превращения «крови» в объект своеобразного культа. Соответственно, «нечистота крови», ее смешение — прямой путь к деградации, упадку и гибели. Расовая теория превращается у наиболее последовательных

нацистов в своеобразную «религию крови», стремясь приобрести вещественно-конкретный характер архаической религиозности. Достаточно вспомнить рассуждения на эту тему А. Розенберга в его знаменитой работе «Миф XX века» (1930). Вот как звучит одна из основных мыслей нацистского идеолога: «Раса — это подобие души, весь расовый материал — это ценность сама по себе... Расовая история является поэтому историей природы и мистикой души одновременно, а история религии крови — ... великое мировое повествование о подъеме и крушении народов, их героев и мыслителей, их изобретателей и художников» (Розенберг 1998, 21).

Дело не ограничивалось только теорией. Мы имеем в виду не только беспощадное уничтожение представителей чуждых рас. В отношении самих арийцев, оказавшихся неудобными режиму, действовали санкции, которые могут быть интерпретированы как воскрешение архаических представлений о «нечистой» крови. Например, т. н. «Sippenhaft» — судебное преследование всех членов семьи за преступление, совершенное одним из ее членов. Уже на исходе войны (1944 год), когда сдача в плен приобрела массовый характер, все немецкие солдаты должны были подписывать обязательство, в котором они клялись не присоединяться к антифашистским организациям, под угрозой изгнания из народной общности и искоренения их рода (Берников и др. 1993, 484).

Еще более органично расизм оказался укоренен в рамках культуры англосаксонских стран. Здесь необходимо упомянуть нескольких авторов, выдвинувших в XIX веке физическое происхождение в качестве конституирующего принципа мировой истории. Речь идет о шотландце Р. Ноксе и двух американцах — И. Нотте и Дж. Р. Глиддоне. Перу Нокса принадлежала книга «Происхождение человека: Философское исследование влияния расы на судьбы народов» (1850), в которой он провозгласил, что раса — это «все в человеческой истории» (Stocking 1987, 64). Американские авторы написали текст «Типы человечества, или этнологические исследования, основанные на древних памятниках, картинах, скульптурах, черепах и расах» (1854). Особый упор авторы делали на теории полигенеза, которая считала представителей разных рас, произошедшими от разных предков. Соответственно, между представителями белой расы и неграми нет родства. В американских условиях данная теория служила теоретическим обоснованием рабства негров и истребления индейцев.

Заключение

Позднее англо-саксонский расизм старается выглядеть более респектабельно, он скорее принимает социально-культурный характер. Ярко выраженной вариант данной установки был положен в основу Фултонской речи У. Черчилля. Последняя, как известно, была произнесена 5 марта 1946 года и ей принято датировать начало «холодной войны». Главной установкой этой формы расизма в современном мире выступает стремление к изменению ментальности и социальных институтов тех народов, которые еще не приобщились к достижениям либерально-демократического строя, чьи англосаксонские корни очевидны. Можно сказать, что склонность англосаксов к либерально-демократическому устройству обнаруживается в «крови». Именно

на этом основании они считают себя вправе распоряжаться судьбами других народов, которых история обделила таким даром. Современная ситуация лишней раз подчеркивает соответствующие установки элит англосаксонского мира, готовых воевать с Россией до «последнего украинца» («европейца» и т. д.), не жалея чужой «крови».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Арефьев, М. А., Давыденкова, А. Г., Кожурин, А. Я., Алябьева, С. В. (2018) *Курс лекций и методические указания для аспирантов по истории и философии науки*. М.; Берлин: Директ-Медиа, 383 с.
- Бebel, А. (1959) *Женищина и социализм*. М.: Госполитиздат, 592 с.
- Берников, Н. Н., Всеволодов, В. А., Крупеников, А. А. (ред.). (1993) *За Германию — против Гитлера! документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров*. М.: Мемориальный музей немецких антифашистов, 512 с.
- Библия: *Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. (1992) М.: Изд-во Московской патриархии, 1372 с.
- Вернан, Ж.-П. (1988) *Происхождение древнегреческой мысли*. М.: Прогресс, 221 с.
- Гомер (2000) *Одиссея*. М.: Наука, 482 с.
- Де Местр, Ж. М. (1997) *Рассуждения о Франции*. М.: РОССПЭН, 216 с.
- Зеленин, Д. К. (1991) *Восточнославянская этнография*. М.: Наука, 511 с.
- Казанова, Д. (1990) *История моей жизни*. М.: Московский рабочий, 734 с.
- Кровь. (1987) В кн.: А. М. Прохоров (ред.). *Советский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, с. 657.
- Кровь в верованиях и суевериях человечества*. (1995) СПб.: София, 480 с.
- Ницше, Ф. (1990) *Сочинения: В 2-х т. Т. 2*. М.: Мысль, 829 с.
- Розенберг, А. (1998) *Миф XX века: Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени*. Таллинн: Shildex, 528 с.
- Фуко, М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 448 с.
- Фуко, М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 480 с.
- Хейзинга, Й. (1988) *Осень средневековья*. М.: Наука, 540 с.
- Элиаде, М. (1998) *Религии Австралии*. СПб.: Университетская книга, 250 с.
- Stocking, G. W. Jr. (1987) *Victorian Anthropology*. New York: Free Press, 429 p.

References

- Aref'ev, M. A., Davydenkova, A. G., Kozhurin, A. Ya., Alyab'eva, S. V. (2018) *Kurs lektzij i metodicheskie ukazaniya dlya aspirantov po istorii i filosofii nauki [Course of lectures and methodological guidelines for graduate students on the history and philosophy of science]*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 383 p. (In Russian)
- Bebel, A. (1959) *Zhenshchina i sotsializm [Woman and socialism]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 592 p. (In Russian)
- Bernikov, N. N., Vsevolodov, V. A., Krupennikov, A. A. (eds.). (1993) *Za Germaniyu — protiv Gitlera! dokumenty i materialy o sozdanii i deyatel'nosti Natsional'nogo komiteta "Svobodnaya Germaniya" i Soyuza nemetskikh ofitserov [For Germany — against Hitler! Documents and materials on the creation and activities of the National Committee "Free Germany" and the Union of German Officers]*. (1993) Moscow: Memorial'nyj muzej nemetskikh antifashistov Publ., 512 p. (In Russian)

- Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Holy Bible: Containing the Old and New Testaments]*. (1992) Moscow: Moskovskaya patriarkhiya Publ., 1372 p. (In Russian)
- Casanova, G. (1990) *Istoriya moej zhizhi [The story of my life]*. Moscow: Moskovskij rabochij Publ., 734 p. (In Russian)
- De Maistre, J. M. (1997) *Rassuzhdeniya o Frantsii [Reflections on France]*. Moscow: ROSSPAN Publ., 216 p. (In Russian)
- Eliade, M. (1998) *Religii Avstralii [Religion of Australia]*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 250 p. (In Russian)
- Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]*. Moscow: Kastal' Publ., 448 p. (In Russian)
- Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tur'my [To supervise and punish. The birth of a prison]*. Moscow: Ad Marginem Publ., 480 p. (In Russian)
- Gomer (2000) *Odisseya [Odyssey]*. Moscow: Nauka Publ., 482 p. (In Russian)
- Huizinga, J. (1988) *Osen' srednevekov'ya [Autumn of the Middle Ages]*. Moscow: Nauka Publ., 540 p. (In Russian)
- Krov' [Blood]. (1987) In: A. M. Prokhorov (ed.). *Sovetskij entsiklopedicheskij slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary]*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., p. 657. (In Russian)
- Krov' v verovaniyakh i sueveriyakh chelovechestva [Blood in the beliefs and superstitions of mankind]*. (1995) Saint Petersburg: Sofia Publ., 480 p. (In Russian)
- Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya: V 2-kh t. T. 2 [Works: In 2 vols. Vol. 2]*. Moscow: Mysl' Publ., 829 p. (In Russian)
- Rosenberg, A. (1998) *Mif XX veka: Otsenka dukhovno-intellektual'noj bor'by figur nashogo vremeni [The myth of the XX century: An Assessment of the spiritual and intellectual struggle of figures of our time]*. Tallinn: Shildex Publ., 528 p. (In Russian)
- Stocking, G. W. Jr. (1987) *Victorian Anthropology*. New York: Free Press, 429 p. (In English)
- Vernant, J.-P. (1988) *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoj mysli [The Origin of Ancient Greek thought]*. Moscow: Progress Publ., 221 p. (In Russian)
- Zelenin, D. K. (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic ethnography]*. Moscow: Nauka Publ., 511 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Антон Яковлевич Кожурин

SPIN-код: 2278-6398, e-mail: ankozhurin@yandex.ru

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Anton Ya. Kozhurin

SPIN: 2278-6398, e-mail: ankozhurin@yandex.ru

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Диалогика культуры

УДК 331

EDN RUSVYN

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-17-24>

Сетевая коммуникация цифровых инициативных действий как предмет социокультурной регуляции в условиях мобилизационной экономики

Н. Н. Покровская^{1, 2, 3, 4, 5}, Ф. Вэй⁶

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова
(Ленина), 197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5

³ Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого,
195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

⁴ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
190103, Россия, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44-А

⁵ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
236041, Россия, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14

⁶ Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства,
712100, Китай, провинция Шаньси, Янлинь, ул. Тайчень, д. 3

Для цитирования:

Вэй, Ф., Покровская, Н. Н.
(2023) Сетевая коммуникация
цифровых инициативных
действий как предмет
социокультурной регуляции
в условиях мобилизационной
экономики. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 5, № 1, с. 17–24.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-17-24> EDN RUSVYN

Получена 15 марта 2023; прошла
рецензирование 8 июня 2023;
принята 8 июня 2023.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Ф. Вэй,
Н. Н. Покровская (2023).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Развитие цифровых технологий построения социальных взаимосвязей и выстраивание сетевых отношений как новой нормы коммуникационного пространства формируют новый предмет научных исследований. В статье показана логика постановки вопросов к сетевым формам социокультурной регуляции и предложен ряд объектов исследования, которые актуальны в период перехода от глобальной системы к региональным пространствам регуляции и социальной гражданской инициативы.

Актуальность материала связана с противоречием между декларируемой моделью свободного рынка, включая свободу распространения информации, и вскрывшимися фактами цензурирования в ряде социальных сетей, давления нерыночных субъектов (прежде всего, государственных и правительственных органов) на средства массовой коммуникации, в частности, на цифровые площадки обмена информацией, например, через удаление из выдачи на поисковые запросы ссылок на информацию, подлежащую цензурированию, блокирование частных профилей и аккаунтов и сообществ в социальных сетях, если их позиция не соответствовала принятой в правительственных группах (причем, на примере США обнаружилось откровенное противостояние нелегитимными методами между демократической и республиканской партиями).

В статье изучаются кейсы реализации практик двойных стандартов при освещении действий «истэблшмента» как сформировавшейся властной группы с тесной сетью взаимных зависимостей и поддержки, цензурирования информации в сети Интернет и блокировки каналов, в частности, официальных страниц российских органов информации (канала РБК) или власти (Министерства обороны). Показано, что эти практики формируют проблемное поле для изучения как государственных, так и частных коммуникативных возможностей в условиях давления цифровых корпораций. В статье показана роль инициатив граждан как самостоятельной активности. Проблематика эффективности саморегуляции сетевых коммуникаций проиллюстрирована рядом примеров социальных сетей и добровольческой деятельности. Сделан вывод об актуальности исследований сетевых коммуникационных форм с позиций их использования для социокультурной регуляции.

Ключевые слова: регулятивные механизмы, регуляция, сеть, сетевое общество, социокультурные регуляторы, коммуникации, гражданские инициативы

Networking in digital communication for the social initiatives' regulation in the context of mobilization economy

N. N. Pokrovskaja^{1, 2, 3, 4, 5}, F. Wei⁶

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", 5 Professora Popova Str., Saint Petersburg 197022, Russia

³ Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 29 Politekhnicheskaya Str., Saint Petersburg 195251, Russia

⁴ Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44-A Lermontovskij Ave., Saint Petersburg 190103, Russia

⁵ Immanuel Kant Baltic Federal University, 4 Alexandra Nevskogo Str., Kaliningrad 236041, Russia

⁶ North-West A&F University, Yanling, People's Republic of China, No. 3 Taicheng Str., Yangling, Shaanxi 712100, China

For citation:

Wei, F., Pokrovskaja, N. N. (2023) Networking in digital communication for the social initiatives' regulation in the context of mobilization economy. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 17–24. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-17-24> EDN RUSVYN

Received 15 March 2023; reviewed 8 June 2023; accepted 8 June 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © F. Wei, N. N. Pokrovskaja (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The development of digital technologies for building social interactions and the networking as a new norm of the communication space form new field for sociological analysis. The paper shows the research questions to socio-cultural regulation and proposes a number of research objects that are relevant during the transition from the single global system to multiple regional spaces of regulation and social civil initiative.

The contradiction between the declared freedom of information and the revealed facts of censorship determines the relevance of the research of the practices in social media and mass media, through the removal of links and search requests on digital platforms, blocking private accounts if their position differs from the government.

The paper investigates practices of double standards on case studies of mutual dependencies and support of Republicans, or pressure and censoring information on the Internet (the official profiles of Russian information agencies, such as RBC channel, or authorities, e.g. Russian Ministry of Defense) as the influence of digital corporations.

The role of citizens' initiatives as an independent activity relates to the self-regulation of network communications is illustrated by a number of examples of social networks and volunteer activities. The research on network communication forms from the standpoint of their use for sociocultural regulation is relevant.

Keywords: regulative mechanisms, regulation, networking, web society, sociocultural regulatory institutions, communications, citizen initiatives

Введение

Цифровая трансформация поставила ряд вопросов технологической компетентности, вопросы цифрового разрыва широко освещаются в научных исследованиях, при этом обращается внимание в большей мере на знания и умения пользоваться оборудованием и программным обеспечением, на психологические особенности поколений и профессиональных категорий при использовании цифровых технологий, но изучение целевых аспектов нередко упускается из виду, предполагается, что главной (иногда единственной) целью преодоления цифрового разрыва выступает эффективность решения повседневных, бытовых задач жизнедеятельности. Одновременно, в обществе наблюдается активный переход от политической

и общественной активности, проявляемых в физической реальности, к сетевой коммуникации, которая определяет картину мира и интенции, ценностные суждения, регулятивные механизмы выбора дальнейшего поведения в действительности.

Сетевая коммуникация является формой для трансмиссии культурных репрезентаций, определяющих реальное поведение в сфере материальных активов. Накопленный сегодня опыт поколений россиян, находящихся в возрастных категориях старше 40 лет (переживших «перестройку»), позволяет иначе воспринимать принципы мобилизационной экономики, чем их сегодня воспринимает молодежь 20–25 лет, не успевшая пережить развал советской страны и заставшая лишь тяжелое социальное строительство начала 2000-х.

Важным направлением стратегического развития является смягчение межпоколенческого социокультурного ценностно-смыслового разрыва наряду с технологическим цифровым. Для формирования новой мотивационно-аксиологической модели, определяющей инициативную активность, необходимо понимать целевые ориентиры и установки граждан в контексте развития российского общества.

В условиях мобилизационной экономики, когда инициатива граждан является важным фактором развития общества в целом и его хозяйственных подсистем в частности, социальная коммуникация выступает значимым общественным инструментом, отражая механизмы социокультурной регуляции точечных действий активных индивидов и групп.

Теоретический анализ мобилизационного контекста регуляции

Развитие и трансформация информационного общества, повсеместное внедрение цифровых технологий и увеличение прозрачности общественных процессов, потребностей и проблемных зон, сокращение транзакционных издержек для обеспечения прохождения информационных потоков через разнообразные коммуникационные каналы, переосмысление роли человека в экономической системе как самостоятельного, мыслящего, ответственного и творческого участника ставят вопрос о пересмотре социальных структур и признании инициативной гражданской активности в целом как эффективного инструментария решения общественных задач.

Мобилизационная природа развития экономики стран и регионов в течение последних лет прошла два критических момента — глобальный коллапс финансовых институтов и рынков в 2007–2009 гг., поставивший под сомнение эффективность глобальной транснациональной корпоративной модели развития, и пандемию COVID-19, когда глобальное человечество признало превосходство интересов национальных, региональных и местных сообществ над любыми формами вертикальной межгосударственной политической структурно-организационной интеграции.

Мобилизационная экономическая модель, таким образом, стала ответом на ограниченность глобального рынка и надгосударственного регулирования.

По своей сути, мобилизационная общественная модель отражает два основных компонента:

мобилизацию самих граждан в рамках местных и региональных сообществ для решения собственных проблем (что заставило обратиться к инициативным действиям, например, молодых добровольцев в период пандемии, приносящих пожилым людям в близлежащих домах продукты питания) и обращение к активизации государственных и местных органов управления с требованием более четкого обеспечения общественных благ (здравоохранение, образование, обеспечение правопорядка и т. п.) и долгосрочных инфраструктурных решений (коммуникации, энергетика, транспорт и проч.) на местах, с территориальной привязкой.

С точки зрения социологического анализа можно упрощенно определить мобилизационную модель как развитие гражданской инициативы и как расширение плановых инструментов развития хозяйства.

Горизонтальная социальная интеграция стала ответом на внезапное разрушение привычных институциональных форм решения основных задач.

В данном материале социальные инициативы рассматриваются как неформальная деятельность индивидов, выполняющая роль социального института, особенно значимого в цифровой экономике для воспроизводства и развития общества, учитывая личностную самореализацию граждан и точечный адресный характер их действий с учетом понимания локальных особенностей и потребностей, что обеспечивает эффективность решения общественно значимых проблем на основе местной гражданской инициативы.

Методологические подходы и теоретико-концептуальное обоснование анализа социокультурной регуляции в цифровом обществе

Подходы позитивистской и феноменологической методологических систем, парадигмы социального конструктивизма, институционального и деятельностного анализа позволяют обратиться к сетевым коммуникациям как инструменту вовлечения и активизации граждан для осуществления частных инициативных действий.

Социокультурный регулятивный анализ опирается на теоретико-концептуальные основания моделирования и разработанные в прикладных управленческих отраслях и кибернетике социально-коммуникационные модели взаимодействий применительно к анализу

социальных интеракций, а также на семейство постсовременных теорий управления, в центре которых находится ценностно-смысловой анализ.

Нормативные поведенческие аспекты рассматриваются через призму социально-управленческого анализа ответственности и предпринимательской модели поведения, социально-экономических исследований дифференциации подходов к удовлетворению потребностей различных групп населения в условиях экономики знаний, в которой хозяйственная деятельность изучается как включение индивидов в сети создания ценности на основе изменения представлений о мире, интенциональных карт и оценочных суждений.

В ракурсе социокультурного анализа ключевую роль в исследовании регулятивных механизмов играет интерпретация национальных государств как системных субъектов предоставления общественных благ своим гражданам и одновременно как пространств единой социокультурной регуляции, опирающейся на общее символическое содержание (репрезентативно-интерпретативную схему отражения реальности в сознании людей), на комфортный набор поведенческих моделей (картирование нормативных форматов канализации потребностей) и на принятую и близкую для каждого индивида систему ценностно-смысловых оценочных суждений (мотивационно-аксиологическую шкалу).

Инициативные действия граждан трактуются в широком смысле как индивидуальные и групповые деятельностные системы, в формате сетевой горизонтальной организации, сегодня, особенно после пандемии 2020–2022 гг., они выступают значимым социальным институтом, замещающим инструментарий традиционного и современного общества (рынок и государство) в тех проблемных областях, где имеющиеся институты функционируют недостаточно эффективно.

Цифровое сетевое пространство социальных коммуникаций

Цифровые технологии позволяют формировать замкнутые сообщества в сети, в которых образуются не только «информационные пузыри», фильтры на границах которых не пропускают в набор получаемых человеком сигналов из внешней среды, не соответствующих его интересам (и напротив, обеспечивающих быструю реакцию маркетинговой системы на проявление интереса к тому или иному

товару посредством контекстной рекламы), но и «защищающих» восприятие человека от интерпретаций, отличающихся от привычных потребителю. Эта модель теоретически имеет хорошие показатели эффективности за счет саморегуляции: действительно, если человек ищет в поисковой системе нужный ему товар или услугу и затем получает рекламу именно этого продуктового предложения, то такая модель эффективна для обеих рыночных сторон — потенциального покупателя товара и производителя физического или нематериального продукта, желающего обеспечить сбыт.

Но такая идеальная картина не включает в себя нерыночных субъектов.

Например, государственные органы США оказывали системное давление на социальную сеть Twitter¹ по цензурированию в самых различных формах такого контента, который был невыгоден для политических групп, находящихся у власти («истэблшмента»), поддерживающих друг друга. В результате, после приобретения И. Маском данной социальной сети выяснилось, что Twitter² не саморегулировался, а управлялся целенаправленно и осознанно, смещая картину мира и диффузию информацию в пользу демократической партии в США.

Этот пример иллюстрирует смещение инструментальных систем в пользу давления общественного субъекта, собравшего во властных органах представителей конкретной группы: например, налоговые органы сразу же заинтересовались деятельностью компаний И. Маска, как только он публично сообщил 14 октября 2022 г. о нежелании оплачивать функционирование спутниковой связи на Украине, и уже через 3 дня, 17 октября 2022 г., И. Маск обещал Пентагону продолжить обеспечивать связь системы Starlink своей компании SpaceX (Marquardt 2022) и, судя по отсутствию сообщений о продолжившемся давлении на компанию, действительно продолжил предоставлять оборудование и обслуживание спутниковой связи.

Несовершенство саморегуляции связано с системной неравновесностью социальных групп, одни из которых получают в ходе общественных процессов власть над другими, как на основе государственного давления (в приведенных примерах социальной сети Twitter³ и бесплатной спутниковой связи для вооруженных сил разных национальных государств, воюющих на Украине), так и за счет собственного

¹ Заблокирован РКН на основании запроса Генпрокуратуры.

² Заблокирован РКН на основании запроса Генпрокуратуры.

³ Заблокирован РКН на основании запроса Генпрокуратуры.

самостоятельного прямого воздействия субъектов, предоставляющих коммуникационную инфраструктуру, например, поисковая система Google компании Alphabet формирует иные органические выдачи содержательных материалов по российским запросам, чем система Yandex, а сеть Youtube навязывает, даже при просмотре детского контента (мультиков и обзоров детских фильмов), американские политические рекламные ролики с шокирующим контентом (с ужасами кровавых тел, разорванных бомбами), что один из авторов данного текста наблюдала лично со своим 11-летним сыном при просмотре со смартфона ребенка 25–28 февраля 2022 г.

В итоге, можно утверждать, что сетевая коммуникация выступает инструментом не сетевой саморегуляции, а активной информационной войны.

В этих условиях социокультурная регуляция инициативного поведения российских граждан выступает ключевым и, возможно, единственным действенным инструментом предотвращения, например, жертвований противоборствующей стороне из кошелька родителей или выхода молодых граждан, включая несовершеннолетних, на несанкционированные митинги.

Сочетание мировых научных достижений (NASA) и соблазнительные образы западного кинематографа (Hollywood) во второй половине XX века создали в мире идеологический фундамент для иллюзорного обаяния американской цивилизации (Anholt 2010; Pokrovskaia 2012). Социально-коммуникативные практики рекламного продвижения иллюзий западной «гуманистической цивилизации» столкнулись с примерами фактического поведения субъектов общества, фактов силового военного противостояния, например, боевые действия США в Ираке, Ливии, Сирии. Тот факт, что сейчас среди граждан США 16 млн человек являются ветеранами военных действий, а 70% военных баз в мире принадлежит США, привели к накоплению противоречий между заявлениями и фактами и, в итоге, разочарованию в провозглашаемых западных ценностях.

Столкновение с реальностью жизни в США, прибалтийских странах, западной и восточной Европе привело к разочарованию в витринном капитализме, сегодня свидетельством разбитых иллюзий становятся появляющиеся в социальных сетях материалы, отснятые уехавшими в течение 2022 г. из России молодыми людьми.

Формулировка предмета исследований социокультурной регуляции в цифровых сетевых пространствах

С февраля 2022 г. отсутствие правовой защиты частной собственности в западных странах и откровенная враждебность, высказываемая в СМИ к русским по признаку этнической принадлежности стали фактами, накопление которых формирует опыт разочарования в ценностях западноевропейской и североамериканской цивилизации. Этот вакуум необходимо заполнять иным содержанием, с чем, например, успешно справляется китайский и индийский кинематограф и, в целом регулятивная система (как авторы последовательно отмечали в своих исследованиях (Вэй, Покровская 2016; 2018)), но в российском культурном пространстве можно, скорее, говорить об исключительном примере успеха фильма о Чебурашке, за первые недели показа собравшем в российских кинотеатрах рекордные суммы (преодолев на третьей неделе уровень предыдущего лидера, первого фильма «Аватар»).

Идеологическое значение милого мохнатого любителя апельсинов состоит в противостоянии вечных человеческих ценностей, значимых в конкретной цивилизации на территории России (возможно, на постсоветском пространстве), опирается как на утверждение доброты и искренности как социокультурного регулятора, так и на всю системную укорененность и встроенность героя Чебурашки в систему трудового и интеллектуального воспитания (крокодил учил Чебурашку читать, а Чебурашка — вместе решать задачи и строить, конструировать новый мир). В этом смысле стремительный успех Чебурашки связан с утверждением системы ценностей, которые могли бы быть выражены в религиозных регуляторах (Svetlov, Shmonin 2020), но оказались на российском пространстве выражены в мультфильме и фильме.

Можно сделать обобщение, что массовая российская культура отвечает не столько государственной модели изменения социокультурных регуляторов, сколько отличается эволюцией малых культурных форм — в первые же месяцы СВО России на Украине начали публиковаться музыкальные видеоролики (Shaman, Таня Буланова о Вагнере и др.) и формироваться легенды (об отключении микрофона Шамана при его выступлении, когда весь зал подпевал Шаману несколько минут подряд). Эти коллективные действия отражают поддержку не только конкретного действия, но системного

мировоззренческого и геополитического позиционирования.

Наиболее эффективным и точечным, «плакатным» инструментом социокультурной регуляции в сети выступают сегодня мемы. Совершенно очевидно, что культура и история мемов, «мемология» и эволюция мемов как картинок и фраз заместила собой «кухонные концерты» и анекдоты советского периода. Принято изучать «мораль» басен И. А. Крылова, но на протяжении уже почти года российское социокультурное пространство находится в активном инициативном противодействии давлению глобальных сетей (Rutube так и не смог заместить собой Youtube (Бибарс, Абабкова 2022), зато по популярности среди молодежи на первое место вышел Telegram, ВКонтакте успешно заполняется огромными массивами интересных материалов и разнообразных сообществ, что раньше можно было найти скорее в зарубежных социальных сетях) — и до сих пор практически нет значимых аналитических исследований, не говоря о научных исследованиях или научных работах, в области инициативной сетевой коммуникации.

В частности, наряду с мемами, недостаточно изучается новый пласт общественного контента — комментарии под публикуемыми в социальных сетях записями, хотя их прочтение может быть объектом контент-анализа и может дать бесценную информацию для понимания поддержки (через число лайков и подписчиков) тех или иных позиций и идей, с учетом формируемых любым сообществом информационных пузырей (Pokrovskaja, Garin 2022).

Представляется интересным рассмотреть, например, не только призывы выходить на антивоенные митинги, но и публикуемую в социальных сетях информацию о сборах денежных и материальных пожертвований, подарков и детских писем для российских военнослужащих, например, об организациях, где в месте проживания люди собираются для плетения маскировочных сеток.

Целесообразно изучить причины недостаточного распространения информации о таких молодежных тенденциях, как, например, мода на туризм в нестандартные направления, когда фотографиями из Турции уже никого не удивишь, а истории и видеоролики из Арктических территорий вызывают у друзей и подписчиков настоящую жажду приключений и желание последовать примеру путешественника, решившегося попробовать что-то новое и испытывать

себя (что обсуждалось, в частности, на Арктических форумах в 2019–2020 гг. с участием авторов данной статьи (Вэй, Покровская 2021)).

В целом, можно сделать вывод о необходимости переосмысления и научного анализа регулятивных механизмов, определяющих выбор моделей инициативного поведения, с учетом цифровой трансформации общества и расширения сетевых коммуникационных возможностей.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Оба автора осуществляли теоретико-концептуальный анализ, в ходе дискуссий был сформулирован единый подход к анализу кейсов, Ф. Вэй — проверка фактологической основы и структурирование логики статьи, редактирование по смыслу и формулировкам, Н. Н. Покровская — написание и редактирование текста.

Author contributions

Both authors conducted theoretical and conceptual analysis. Mutual discussions resulted in the development of a single approach to case studies. Prof. Wei Feng checked the facts, structured and edited the paper. Prof. Pokrovskaja drafted and edited the manuscript.

Благодарности

Вклад в размышления, представленные в статье, внесли профессор Александр Львович Слободской и горный инженер, зам. директора НИИ «Механобр», главный инженер проектной части Александр Алексеевич Теребков.

Acknowledgments

The authors would like to extend their appreciation to Prof. Alexander L. Sloboskoi and Alexander A. Terebkov, mining engineer, Chief Design Engineer, Deputy Director of the Research Institute 'Mekhanobr', for their contribution to the discussion.

Литература

- Бибарс, А. Х. Б., Абабкова, М. Ю. (2022) Метавселенная: следующая фаза Интернета и революция в рекламе. В кн.: Н. Н. Иванов (сост.). *Подготовка профессиональных кадров в магистратуре для цифровой экономики (ПКМ-2021): Всероссийская научно-методическая конференция магистрантов и их руководителей. Сборник лучших докладов конференции. Санкт-Петербург, 30 ноября — 2 декабря 2021 г.* СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, с. 494–499.
- Вэй, Ф., Покровская, Н. Н. (2016) Регулятивные механизмы и налоговое стимулирование передачи знаний: опыт Китая. В кн.: А. Е. Карлик (ред.). *Современный менеджмент: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1.* СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, с. 244–249.
- Вэй, Ф., Покровская, Н. Н. (2018) Смещение инновационного роста на Восток: развитие российско-китайских инфраструктурных проектов. *Вестник факультета управления СПбГЭУ*, № 3-1, с. 436–440.
- Вэй, Ф., Покровская, Н. Н. (2021) Изучение и развитие культуры в Арктической зоне России: социокультурное сопровождение Ледяного Шелкового пути. В кн.: Е. Ю. Терещенко (ред.). *Креативные индустрии Арктического региона: опыт и перспективы развития: материалы III Международного форума, 27–29 ноября 2019 г.* Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, с. 65–71.
- Anholt, S. (2010) *Places: Identity, image and reputation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan Publ., 168 p.
- Marquardt, A. (2022) Exclusive: Musk's SpaceX says it can no longer pay for critical satellite services in Ukraine, asks Pentagon to pick up the tab. *CNN*, 14 October. [Online]. Available at: <https://www.cnn.com/2022/10/13/politics/elon-musk-spacex-starlink-ukraine> (accessed 30.11.2022).
- Pokrovskaja, N. N. (2012) Global and local regulating approach for sustainable development. In: G. Seliger (ed.). *Sustainable manufacturing: Shaping global value creation*. Berlin; Heidelberg: Springer Publ., pp. 287–292. https://doi.org/10.1007/978-3-642-27290-5_45
- Pokrovskaja, N. N., Garin, A. K. (2022) Strategies for bridging the digital divide by enhancing communication competence. In: *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022 (ComSDS 2022)*. Saint Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Publ., pp. 166–170. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769146>
- Svetlov, R. V., Shmonin, D. V. (2020) Rational theology in polemic strategies of early Christian apologues. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 13, no. 8, pp. 1398–1404. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0650>

References

- Anholt, S. (2010) *Places: Identity, image and reputation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan Publ., 168 p. (In English)
- Bibars, A. H. B., Ababkova, M. Yu. (2022) Metavselennaya: sleduyushchaya faza Interneta i revolyutsiya v reklame [The metaverse: The next phase of the Internet and the revolution in advertising]. In: N. N. Ivanov (comp.). *Podgotovka professional'nykh kadrov v magistrature dlya tsifrovoy ekonomiki (PKM-2021): Vserossiyskaya nauchno-metodicheskaya konferentsiya. Sbornik luchshikh dokladov konferentsii. Saint Petersburg, 30 noyabrya — 2 dekabrya 2021 g. [Training of Professional Personnel in the Master's Program for the Digital Economy (PKM-2021): All-Russian Scientific and Methodological Conference. Collection of the best reports of the conference, Saint Petersburg, 30 November — 2 December, 2021]*. Saint Petersburg: The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications Publ., pp. 494–499. (In Russian)
- Marquardt, A. (2022) Exclusive: Musk's SpaceX says it can no longer pay for critical satellite services in Ukraine, asks Pentagon to pick up the tab. *CNN*, 14 October. [Online]. Available at: <https://www.cnn.com/2022/10/13/politics/elon-musk-spacex-starlink-ukraine> (accessed 30.11.2022). (In English)
- Pokrovskaja, N. N. (2012) Global and local regulating approach for sustainable development. In: G. Seliger (ed.). *Sustainable manufacturing: Shaping global value creation*. Berlin; Heidelberg: Springer Publ., pp. 287–292. https://doi.org/10.1007/978-3-642-27290-5_45 (In English)
- Pokrovskaja, N. N., Garin, A. K. (2022) Strategies for bridging the digital divide by enhancing communication competence. In: *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022 (ComSDS 2022)*. Saint Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Publ., pp. 166–170. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769146> (In English)
- Svetlov, R. V., Shmonin, D. V. (2020) Rational theology in polemic strategies of early Christian apologues. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 13, no. 8, pp. 1398–1404. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0650> (In English)
- Wei, F., Pokrovskaja, N. N. (2016) Regulativnye mekhanizmy i nalogovoe stimulirovanie peredachi znanij: opyt Kitaya [Regulatory mechanisms and tax incentives for the transfer of knowledge: China experience]. In: A. E. Karlik (ed.). *Sovremennyy menedzhment: Problemy i perspektivy: sbornik statej po materialam XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2 ch. Ch. 1 [Modern management: Problems and*

- prospects: Collection of articles on the materials of the XI International scientific-practical conference. In 2 parts. Pt. 1]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics Publ., pp. 244–249. (In English)*
- Wei, F., Pokrovskaja, N. N. (2018) Smeshchenie innovatsionnogo rosta na Vostok: razvitie rossijsko-kitajskikh infrastrukturykh proektov [Easternisation of innovative growth: China-Russia infrastructure development]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGUEU*, no. 3-1, pp. 436–440. (In English)
- Wei, F., Pokrovskaja, N. N. (2021) Izuchenie i razvitie kul'tury v Arkticheskoj zone Rossii: sotsiokul'turnoe soprovozhdenie Ledyanogo Shelkovogo puti [The study and development of culture in the Arctic zone of Russia: The sociocultural support of the polar Silk Road]. In: E. Yu. Tereshchenko (ed.). *Kreativnye industrii Arkticheskogo regiona: opyt i perspektivy razvitiya: materialy III Mezhdunarodnogo foruma, 27–29 noyabrya 2019 g.* [Creative industries of the Arctic region: Experience and development prospects: Proceedings of the III International Forum, 27–29 November, 2019]. Murmansk: Murmansk Arctic State University Publ., pp. 65–71. (In English)

Сведения об авторах

Фэн Вэй, e-mail: weifeng@nwafu.edu.cn

Доктор управленческих наук, профессор, профессор Института русского языка и культуры Северо-Западного университета сельского и лесного хозяйства

Надежда Николаевна Покровская

SPIN-код: 9551-5297, Scopus AuthorID: 56939283900, ResearcherID: M-4586-2016, ORCID: 0000-0002-0795-8102, e-mail: nnp@ Herzen.spb.ru

Доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, профессор кафедры Инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, профессор кафедры экономики и управления социально-экономическими системами Института экономики, управления и информационных технологий Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, профессор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта

Authors

Feng Wei, e-mail: weifeng@nwafu.edu.cn

Professor, Doctor of Management North-West A&F University, Yanling, People's Republic of China

Nadezhda N. Pokrovskaja

SPIN: 9551-5297, Scopus AuthorID: 56939283900, ResearcherID: M-4586-2016, ORCID: 0000-0002-0795-8102, e-mail: nnp@ Herzen.spb.ru

Doctor of Sciences (Social Sciences); Professor of the Department of Public Relations and Advertising, Herzen State Pedagogical University of Russia; Professor of the Department of Innovation Management, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”; Professor of The Graduate School of Media Communications and Public Relations of the Institute of Humanities, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University; Professor of the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems of Institute of Economics, Management and IT, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics; Professor of the Higher School of Philosophy, History and Social Science, Immanuel Kant Baltic Federal University

Check for updates

Аксиология культуры

УДК 009

EDN TGMJMM

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-25-33>

Государство vs нация: социально-исторический анализ проблемы

Ю. В. Верминенко¹, С. Э. Зверев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Верминенко, Ю. В., Зверев, С. Э. (2023) Государство vs нация: социально-исторический анализ проблемы. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 1, с. 25–33. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-25-33>
EDN TGMJMM

Получена 25 февраля 2023;
прошла рецензирование 11 мая 2023; принята 11 мая 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. В. Верминенко, С. Э. Зверев (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии СС BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Статья посвящена социально-историческому анализу проблемы взаимоотношений российской нации с государством. Разграничены понятия «нация», «народ», «население» по критерию степени участия в политико-экономическом развитии страны. Единственным стратом, обладающим политической силой, является нация как политико-экономическая элита, которая в целях самосохранения стремится распространить себя на народ, включив его в орбиту своего влияния. Для этого народ, составляющий основу государства, должен разделять основополагающие ценности и установки правящей элиты, которые прививаются системой образования. Рассматривается роль государства в формировании высокой письменной культуры как условия развития нации и народа через систему образования. Отмечается, что процесс централизации Московского государства по принципу «внутреннего завоевания» привел к закабалению населения и умалению творческой силы народа. Властные элиты тормозили формирование российской нации вплоть до второй половины XIX в., пока поражение в Крымской войне не поставило власть перед необходимостью широких реформ прежде всего в социальной сфере. Отставание в развитии системы образования в XVI–XVII вв. повлекло доминирование в народе религиозной веры над рациональным мышлением и сакрализацию верховной власти, что сказалось на темпах развития российской нации как движущей политической силы общества. В дальнейшем конфронтация между нацией и государством приняла форму революционной борьбы, что привело к крушению российской государственности. Перспективная сверхзадача высшей школы на современном этапе заключается в воспитании широко образованной, неконформно и творчески мыслящей личности, а через это — формирование общероссийской нации и укрепление государственности страны.

Ключевые слова: нация, народ, население, государство, образование, государственность

State vs. nation: Socio-historical analysis

Yu. V. Verminenko^{✉1}, S. E. Zverev¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Verminenko, Yu. V., Zverev, S. E. (2023) State vs. nation: Socio-historical analysis. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 25–33. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-25-33> EDN TGMJMM

Received 25 February 2023; reviewed 11 May 2023; accepted 11 May 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. V. Verminenko, S. E. Zverev (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The article offers a socio-historical analysis of the relationship between the Russian nation and the state. The concepts of ‘nation’, ‘people’, and ‘population’ are differentiated by the degree of contribution to the political and economic development of the country. The article highlights the role of the state in the formation of the high writing culture as a condition for the development of the nation and people through the education system. It is noted that the centralization of the Moscow state through ‘internal conquest’ enslaved the population and undermined people’s creativity. The ruling elites hindered the formation of the Russian nation until the second half of the 19th century. Then, the defeat in the Crimean War put the authorities in need of broad reforms, primarily, in the social sector. A lag in the development of the education system in the 16th–17th centuries led to the dominance of religious faith over rational thinking and the sacralization of the supreme power. This affected the pace of development of the Russian nation as the driving political force of society. In the future, the confrontation between the nation and the state transformed into revolutionary struggle resulting in the collapse of the Russian statehood. Today, a promising super-task of higher education is to produce a well-rounded, non-conformist and creative personality as a driver of the formation of an all-Russian nation and the strengthening of the country’s statehood.

Keywords: nation, people, population, state, education, statehood

Введение

Изучая современное общество как российское, так и западное актуальным представляется социально-исторический анализ проблемы взаимоотношений российской нации с государством. Наиболее интересным аспектом изучения этой проблемы, содержащим элементы научной новизны, является роль государства в формировании высокой письменной культуры как условия развития нации через систему образования.

Методология исследования

Сравнивая государственные институты России и стран Западной Европы, их влияние на уровень образования и культуры различных социальных групп и нации в целом, мы придерживаемся методологических принципов системного подхода и опираемся на методологию теоретического исследования, применяя сравнительный и исторический методы. Выбрав такую социальную общность как нация в качестве объекта исследования и определив предметом исследования процесс влияния системы образования на формирование нации, мы обозначили цель и задачи нашего теоретического исследования.

Цель исследования заключается в социально-историческом анализе условий развития нации

через систему образования. Реализация задач исследования предполагает анализ взаимоотношения российской нации с государством; изучение влияния государственных институтов на систему образования, уровень образованности и культуры населения. Соблюдая методологическую корректность, мы использовали понятийный аппарат, неоднократно используемый в литературе и иных документальных источниках, послуживших теоретической базой нашей аналитической работы.

Основные результаты исследования

Перечислим основные понятия и определения, которые были использованы в данном исследовании. Под *населением* мы будем понимать всех людей, проживающих на определенной территории; под *народом* — деятельную часть этого населения, являющуюся носителем коллективной воли к прогрессивному развитию и, в конечном счете, к совершенству; под *нацией* — внесловную, культурную, образованную часть народа, пользующуюся относительной социальной и экономической мобильностью (Геллнер 1991). Из указанных стратов четко очерченными физическими границами обладает только первый — население, включая в этом смысле себя и народ, и нацию; границы остальных более подвижны и неопределенны, что,

на наш взгляд, и обуславливает различные их трактовки, существующие в литературе по данному вопросу.

Политической силой, как правило, обладает только нация. Народ в судьбоносные моменты может выделять из своей среды отдельных личностей, подобных Жанне д'Арк во Франции, Уильяму Уоллесу в Шотландии, или Кузьме Минину у нас, которые, организуя народ, превращают его в действенную политическую силу, но при более или менее обыкновенных условиях народ играет роль моральной и физической опоры нации. Нации образуют политические партии и правительства, руководящий состав государственного механизма, который приводится в движение народом. В этом смысле в доиндустриальную эпоху можно говорить о «политической нации» или, в современных терминах, элите — титулованной знати и дворянстве — как это понятие трактует Э. Хобсбаум.

Движимая чувством самосохранения, нация стремится обезопасить себя, сообщив свое видение политики народу, а в идеальном случае — стремится распространить себя на народ, точнее поднять его до своего уровня, вовлечь в свою орбиту, чтобы народ разделял идеалы и ценности, которые исповедует нация, и был движим ими в собственной «государствообразующей» деятельности. Очевидно, что на этом пути меры принуждения или манипулирования противопоказаны — иначе народ обращается в массу (как трактовали ее классики ленинизма), которую, конечно, можно использовать в качестве рабочей силы или пушечного мяса, но никакой инициативы, творчества, жертвенности — характерные черты народа, отличающие его от населения — ожидать уже не приходится. Честность нации и доверие народа, таким образом, есть две составляющие, обеспечивающие функционирование государственного аппарата и условие функционирования государственной власти, сила и авторитет которой заключается в *потенциальной* возможности ее применения (Луман 2001).

Систему ценностей, разделяемую нацией и народом проще всего выработать в системе образования, которая, как известно, есть главный институт, обеспечивающий социализацию личности. Именно поэтому государство объективно должно выступать заказчиком образования и инструментом формирования нации. Конечно, государство обычно руководствуется совсем не филантропическими целями: образованные люди нужны ему в первую очередь для взимания налогов, ведения финансов, прокладывания дорог, изобретения новых видов вооружений

и решения тому подобных вполне прагматических задач. Однако необходимость воспитания новых поколений государственных соратников также остается фактом: с античности было известно, что продуктивна только свободная мысль и эффективен только сознательный труд людей, разделяющих общие взгляды и ценности. «Национализм, — справедливо полагал Э. Геллнер, — является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством» (Геллнер 1991).

Как следует из приведенной цитаты, нация есть продукт длительного социально-исторического развития, приумножения материальной и духовной культуры, организующегося и направляющего государство. По свидетельству Э. Хобсбаума, в качестве первого критерия возникновения нации в нашем понимании во второй половине XIX в., когда процессы формирования наций в большинстве европейских стран вошли в заключительную фазу, выступала «историческая связь народа с современным государством или с государством, имевшим довольно продолжительное существование в прошлом» (Хобсбаум 1998).

В этой связи стоит отметить, что отсутствие централизованного государства в Германии до второй половины XIX века ясно свидетельствует о его роли в формировании нации: в немецком языке практически не употреблялось само понятие «нация», в литературе и публицистике повсеместно употреблялось слово Volk (народ). Схожие процессы наблюдались в России. Эпоха Великих реформ была временем активного формирования российской нации, которая воспринимала себя, правда, «русской», за что в последнее время слышит немало упреков в свой адрес, но факт остается фактом: на пространстве империи русский народ к этому времени действительно обладал высокой письменной культурой, а его многочисленность гарантировала нации безопасность от внешнего окружения.

Конечно, взаимоотношения нации и государства никогда не были идиллическими — во всех странах это была жесткая агональная борьба за доминирование, периодически переходившая в вооруженную фазу. Наиболее развитые европейские государства — Францию, Англию, Германию — не раз сотрясали революции, бунты и гражданские войны, в которых постепенно выковывались как организационные формы нации, так и принципы ее взаимодействия

с государственной властью. Почему же борьба нации за выработку «сдержек и противовесов» власти, увенчавшаяся успехом на Западе, привела у нас к революции 1917 года и последующим репрессиям 1930-х гг.?

В поисках ответа, по нашему мнению, стоит обратиться к периоду, получившему в исторической литературе название собирания русских земель вокруг Москвы. Этот процесс, ясно обозначившийся при Иоанне III и его преемниках на московском престоле, обрел характер «внутреннего завоевания»; этим термином мы хотим подчеркнуть общность методов и подходов, роднивших его с завоеванием внешним, закончившимся установлением монголо-татарского ига, с которым правление московских государей имеет немало общего. Прежде всего это касается бесцеремонного подавления завоевательской московской властью всего, что хоть отчасти напоминало или могло быть принято за общественное неудовольствие и протест. Политические казни вошли в широкий обиход, как известно, уже при Иоанне III, а при Василии III московские государи распорядились уже со властью, которая возможна только в завоеванной силою оружия стране. «Нет здесь никакого писаного закона, — свидетельствовал Франческо да Колло в 1518 году, — но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать — это имущество мое; но говорит — по милости великого Государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частное, каково бы оно ни было, — принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра, и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий» (да Колло 1996). Уже тогда задавленным репрессиями подданным и в голову не приходило каким-либо образом протестовать против столь явного беззакония и произвола, наоборот, принято было смиряться, да еще благодарить великого князя по принципу «бог дал, бог и взял».

Закабаление населения и уничтожение народа неукоснительно продолжалось и при преемнике Василия III, и при Романовых, что заставляет предположить, что это была своего рода «генеральная линия», лишь в незначитель-

ной степени испытывавшая влияние личностных особенностей того или иного государя. «Все московиты, или русские, — это уже наблюдение Александром Гваньини, наблюдавшего порядки в Московском государстве в 1570-х гг., — не любят свободы, а предпочитают подчиняться своему государю, которого считают олицетворением власти. Ведь все они, к какому бы сословию ни принадлежали, находятся в тяжелой зависимости (при этом личное достоинство ни во что не ставится). Вся знать, вельможи, военачальники, бояре и чиновники — все считают себя холопами, т. е. презреннейшими и ничтожнейшими слугами великого князя, и признают, что все их движимое и недвижимое имущество, которым они лично владеют, принадлежит не им, а великому князю» (Козлова 1972).

Не было слышно протестов, за отдельными исключениями, и от иерархов Русской Православной церкви, предпочетшей освятить властолюбивые устремления московских государей в пользу, как, очевидно, им казалось, обуздания своеволия высших сословий и смирения народа, каковое качество духовные лица полагали полезным для Царствия Божия. Но в этом случае благими намерениями воистину оказалась вымощена дорога в ад — надмирный авторитет Церкви оказался употреблен не столько для воспитания рабов Царю Небесному, сколько для освящения рабской угодливости и нерассуждающей преданности царю земному. «По отношению к своему государю, — отмечал Паоло Кампани, — угождение и почтение удивительны. Создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они убеждают себя, что он все знает, все может, все в его власти» (Сведения о России... 1969).

Подобное заблуждение возможно только при условии полного подавления рационального иррациональным, знания — догмой, широты кругозора — обскурантизмом, глубокой веры — начетничеством. Тот же Кампани писал в 1581 г., что «в Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями» (Сведения о России... 1969). Ему вторил в 1575 г. имперский посол Иоанн Кобенцель: «Во всей Московии нет ни одной школы, ни других удобств для обучения, кроме монастырей; потому из тысячи человек едва найдешь одного или двух грамотных» (Письмо Иоанна Кобенцеля... 1842). Напомним, что в Западной Европе, охваченной движением Реформации, с характерным для нее

упором на самостоятельное изучение текстов Священного Писания как единственного хранилища религиозной истины, это было время мощнейшего пробуждения широких народных масс, распространения грамотности среди самых широких слоев населения. Неудивительно, что Реформация, по мнению Э. Геллнера, сильно повлияла на формирование европейских наций.

Политика московской власти в отношении просвещения народа не претерпевала изменений на протяжении как минимум полутора столетий, и политика эта была вполне осознанной: «...цари Московские имеют ту выгоду, что их подданные, .. рождены в покорности, которую всасывают в себя с молоком матери... Московиты, погруженные в глубокое невежество, не знают даже каким образом в Европе переплетают книги», — это замечание относится ко времени царствования Алексея Михайловича (Таннер 1891). Приведем и авторитетное свидетельство его личного врача Самуэля Коллинса, девять лет прожившего при московском дворе: «Русский народ... совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их как огня, оправдывая таким образом древнее изречение: *Ars nullum habet inimicum praeter ignorantem*¹» (Нынешнее состояние России... 1846). Данные П. Ф. Каптерева об истории развития русской народной школы в XVI–XVII вв. подтверждают эти печальные для нас наблюдения иностранцев.

В результате отсутствия заинтересованности московских государей в образовании народа сложилась ситуация, тонко подмеченная П. Я. Чаадаевым о том, что силлогизм Запада нам незнаком (Чаадаев 1991, т. 1). Незнакомство с самим силлогизмом русскому народу можно было бы простить, живем же как-то донныне и без силлогизма; беда в том, что последний представляет собой разновидность умозаключения. В этом смысле необразованность массы населения неминуемо приводила у нас к неразвитости правильного, системного мышления со всеми отмечавшимися выше последствиями — вплоть до второй половины XVIII в. мы не дали миру ни одного философа, за исключением Г. С. Сковороды, — и «отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии» (Чаадаев 1991, т. 1).

Таким образом, Московское государство, осуществив «внутреннее завоевание» русских земель, сознательно отказалось от неотъемлемо свойственной государству функции создания

высокой письменной культуры, ограничившись репрессивным контролем завоеванного населения и подавлением деятельной части народа. Только необходимостью обеспечивать обороноспособность был обусловлен запрос на образованных иностранцев: врачей, рудознатцев, инженеров, военных, который не терял своей актуальности на протяжении всего времени существования Московского государства и особенно в первые годы петровского царствования. Остальное население свято блюло чистоту веры. Впрочем, иностранцы, как, например, генерал Патрик Гордон, соблазненные перспективами заработка в Московии, очень скоро понимали, что для их работодателей они такие же рабы, как и природные подданные, к которым в случае чего вполне применимы привычные репрессивные меры, а контракт есть пустая бумажка, предназначенная только для завлечения и обмана неискушенных.

Первый «железный занавес», отделивший завоеванные Москвой народы Руси от Европы, возник не в XX в., а примерно в конце XV в., когда высшим сословиям был сначала стеснен, а потом и воспрещен переход на службу к сопредельным государям. В дополнение к нераспространению образования это был второй способ держать подданных в слепом повиновении в опасении, что «благодаря путешествию в чужих краях и, вкусив раз свободу, какую наслаждаются другие народы, они разобьют оковы своего рабства» (Таннер 1891). Не случайно одним из условий приглашения королевича Владислава на московский престол, которое выставило посольство М. Г. Салтыкова польскому королю Сигизмунду III в 1610 г., было, по Ключевскому, обеспечение права выезда русских дворян за границу.

На протяжении веков в России, таким образом, государственной властью тормозился процесс формирования нации. Последствия это имело самые печальные — расхождение интересов государства и народа, умаление количества делателей на государственной ниве и снижение их качества. Мощная рука Петра Великого только отчасти смогла компенсировать тот вред, который нанесла политика централизации страны в период Московского государства. Даже в «век золотой Екатерины» французский посланник при русском дворе шевалье де Корберон писал: «Недостаточно обладать богатствами да солдатами, нужно еще иметь государственных людей, нужна национальная связь для того чтобы науки, искусства и добродетели процветали в стране. Прежде чем пустить в ход машину, нужно подумать о принципах, которые бы

¹ Одни невежды враги наук (лат.).

ею двигали. В центре Империи я вижу Монархиню, а вокруг нее толпятся слабые, низкопосланные и лишённые гениальности министры, да рабский народ, не обладающий ни энергией, ни характером. В результате — великие проекты и плохие планы для их выполнения» (де Корберон 1907).

Попытка «делателей» заявить о себе в декабре 1825 г. вызвала религиозно-охранительную реакцию николаевского царствования, замедлившую формирование российской нации на добрых тридцать лет. Идея нации формируется в Западной Европе в период разложения религиозных ценностей, когда нация, по выражению Э. Дюркгейма, перестает вглядываться в себя через туманную завесу религии и начинает активно поклоняться себе, гордиться своими отличиями, становящихся ясными через достижения в общественной мысли и в общественном устройстве. Гордость русских людей одной только православной верой, идея «святой Руси», родившаяся, по Хобсбауму, не раньше Смутного времени, когда государство находилось в состоянии упадка, если не разложения, показывает, что русскому народу нечем было похвастаться перед окрестными народами в плане устройства своей земной жизни; оттого все идеалы связывались с «жизнью будущего века». Словопрения Иоанна IV с протестантами демонстрируют ту же направленность — задаваемую властью идею собственного боговодительства, дабы подавить, а еще лучше искоренить в умах подданных всякую крамольную мысль о возможности как-то повлиять на решения власти и участвовать в ее делах иначе как беспрекословно исполняя ее повеления.

Русская духовность, по нашему мнению, во многом развивалась как сверхкомпенсация неумения и невозможности под гнетом «внутреннего завоевания» обустроить жизнь на разумных началах. Другими словами, истовая религиозность русских, долгое время питавшая иллюзию интеллигенции о «народе-богоносце», есть следствие осознания своего бессилия перед верховной властью. Язык и этнос, как неотъемлемые признаки нации, были *земными, слишком земными* понятиями, которыми только подчеркивалась общность угнетателей с угнетенными, к явной фрустрации последних (Хобсбаум 1998). Вера как нематериальная категория подспудно питала надежду угнетаемых на посмертное воздаяние угнетателям («и будут первые последними, а последние первыми» (Матф. 20:16)) и всеобщее равенство богатых и бедных перед лицом Всевышнего («того и другого создал Господь» (Притчи 22:2)). Недаром Иоанн IV очень

любил изображать покаяние перед своими терроризированными подданными, мнимо или искренне ужасаясь о своей посмертной участи, утверждая окружающих в этой утешительной для них мысли. Однако, «теократий, способных развиваться в нацию, сравнительно немного, а потому нам трудно судить, каковы в этом смысле возможности власти, опирающейся исключительно на божественный авторитет» (Хобсбаум 1998).

С падением религиозности народа к концу XIX в. самодержавие в России было обречено. Государственность России держалась на тонком слое имущих стратов и на многочисленном бюрократическом аппарате, который, по Л. А. Тихомирову, является простым передаточным механизмом государственной воли и не способен генерировать глубоких идей и смелых решений, которых постоянно требует сама жизнь (Тихомиров 2008). Народ до поры безмолвствовал или бунтовал — конструктивных форм выражения политической воли и представителей, способных ее выразить, он не имел. В России было слишком мало граждан, чьи права как таковые предоставляли им долю участия в судьбах страны и тем самым делали государство до известной степени «их собственным» (Хобсбаум 1998) — т. е. нации. Не успевшая в полной мере развиваться и окрепнуть нация, деморализованная многолетним засильем больших и малых столоначальников, не смогла перехватить бразды правления у дряхлеющей монархии, и власть досталась кучке напористых политических авантюристов, оглушивших население, никогда не учившееся отделять зерна от плевел, звонкой революционной фразой. Веками насаждавшееся в народе представление о сакральности верховной власти сыграло с ней в 1917 г. злую шутку: обезверившийся народ смахнул ее, как ненужную вещь.

Выводы

Не российская интеллигенция, читай, нация, столь унижительно охарактеризованная Ф. М. Достоевским в его знаменитой Пушкинской речи, была виновна в пропасти, которая, по мнению писателя, отделяла ее от «народа-богоносца» (Достоевский 1991). Пропасть вырыла неумная политика государства, пытавшегося, минуя нацию, опираться на народ, не прикладывая усилий по его просвещению, оставляя его коснеть в невежестве, не развивая и не воспитывая его в ином духе, кроме пресловутой шовинистической преданности «престол-отечеству», преимущественно заключа-

шейся в готовности беспрекословно искоренять врагов «унешних и внутренних» (по А. И. Куприну). Нельзя продолжать обманываться: «Массовая поддержка царя народом реально носила догосударственный характер и в силу этого неизбежно сочеталась с разрушением большого общества, государственности, — прозорливо отмечал А. С. Ахиезер. — Она при субъективной приверженности народа царю неизбежно подрывала его власть, так как... рассматривала государственный аппарат как дискомфортное явление. Народ и царь объединялись не столько в творческом созидании, сколько в разрушении, в истреблении [персонифицированных] злых сил» (Ахиезер 1991, 96). Как видим, интеллигенция, читай, в то время нация, в такого рода деятельности востребована не была, мало того, вызывала подозрения своей вечной тягой к рефлексии всего и вся.

Советский период нашей истории изменил положение дел в немногом и не по существу. Ликвидация безграмотности, открывшая перспективу роста образованности населения, и, как следствие, формирования нации, была небескорыстна — она создала условия для применения эффективнейшего инструмента управления массами — пропаганды. Советская нация, поначалу бурно развивавшаяся в 1920-е гг., после известных «философских пароходов» вскоре замкнулась в рамках партийно-хозяйственной номенклатуры. Помноженная на «достижения» массовой культуры пропаганда обновила инструментарий вождя для власти возможности воздействия на население, минуя не только, как встарь, нацию, так даже целый народ. Недоверие к неподконтрольной

власти общественной активности, как учит история предшественников — Московского государства, Российской империи и СССР — препятствует проявлению и развитию творческих производительных сил народа и ведет к ослаблению государственности.

Заключение

Именно поэтому в заключении статьи хотим отметить, что перспективная задача всей системы образования сегодня, в первую очередь высшей школы заключается в воспитании широко образованной, неконформно и творчески мыслящей молодежи, а через это — формирование общероссийской нации и укрепление государственности страны.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article.

Литература

- Ахиезер, А. С. (1991) *Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)*. В 3 т. Т. 1. М.: Философское общество СССР, 938 с.
- Геллнер, Э. (1991) *Нации и национализм*. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/gellner_ernest/natsii_i_natsionalizm.html#0 (дата обращения 09.12.2022).
- Да Колло, Ф. (1996) *Доношение о Московии*. М.: Наследие, 84 с.
- Достоевский, Ф. М. (1991) *Пушкинская речь. Дневник писателя*. [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/br/?b=49905&p=1> (дата обращения 09.12.2022).
- Де Корберон, М. Д. Б. (1907) *Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II*. СПб.: издатель Ф. И. Булгаков, 302 с.
- Козлова, Г. Г. (1972) Об «Описании Московии» Александра Гваньини. В кн.: М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров, Т. И. Кузнецова (ред.). *Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского*. М.: Наука, с. 434–444.
- Луман, Н. (2001) *Власть*. М.: Праксис, 256 с.
- Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича. (1846) В кн.: *Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских*. М.: Университетская Типография, с. 23–47.
- Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. (1842) *Журнал министерства народного просвещения*, № 9, с. 142.

- Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. (1969) *Вестник Московского университета. Серия IX. История*, № 6, с. 80–85.
- Таннер, Б. Л. (1891) *Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.* М.: Университетская Типография, 203 с.
- Тихомиров, Л. А. (2008) *Руководящие идеи русской жизни*. М.: Институт русской цивилизации, 640 с.
- Хобсбаум, Э. (1998) *Нации и национализм после 1780 года*. [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/br/?b=236025> (дата обращения 09.12.2022).
- Чаадаев, П. Я. (1991) *Философические письма*. *Викитека*. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_\(Чаадаев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_(Чаадаев)) (дата обращения 09.12.2022).

References

- Akhiezer, A. S. (1991) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)*. V 3 t. T. 1 [Russia: Criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia)]. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Filozofskoe obshchestvo SSSR Publ., 938 p. (In Russian)
- Da Kollo, F. (1996) *Donoshenie o Moskovii [Report on Moscow]*. Moscow: Nasledie Publ., 84 p. (In Russian)
- Dostoevsky, F. M. (1991) *Pushkinskaya rech'. Dnevnik pisatelya [Pushkin's speech. Diary of a writer]*. [Online]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=49905&p=1> (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- De Corberon, M. D. B. (1907) *Intimnyj dnevnik sheval'e de Korberona, frantsuzskogo diplomata pri dvore Ekateriny II [The intimate diary of the Chevalier de Corberon, a French diplomat at the court of Catherine II]*. Saint Petersburg: F. I. Bulgakov Publ., 302 p. (In Russian)
- Chaadaev, P. Ya. (1991) *Filozoficheskie pis'ma [Philosophical letters]*. *Vikiteka [Wikisource]*. [Online]. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_\(Чаадаев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_(Чаадаев)) (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]*. [Online]. Available at: https://royallib.com/read/gellner_ernest/natsii_i_natsionalizm.html#0 (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and nationalism after 1780]*. [Online]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=236025> (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- Kozlova, G. G. (1972) *Ob "Opisanii Moskovii" Aleksandra Gvan'ini [About the "Description of Muscovy" by Alexander Gvanini]*. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov, T. I. Kuznetsova (eds.). *Antichnost' i sovremennost'. K 80-letiyu Fedora Aleksandrovicha Petrovskogo [Antiquity and modernity. To the 80th anniversary of Fyodor Alexandrovich Petrovsky]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 434–444. (In Russian)
- Luhmann, N. (2001) *Vlast' [Power]*. Moscow: Praxis Publ., 256 p. (In Russian)
- Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone. Sochinenie Samuila Kollinsa, kotoryj devyat' let provel pri Dvore moskovskom i byl vrachom tsarya Alekseya Mikhajlovicha [The current state of Russia, set out in a letter to a friend living in London. The work of Samuel Collins, who spent nine years at the Moscow Court and was a doctor of Tsar Alexei Mikhailovich]. (1846) In: *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej Rossijskikh [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya Publ., pp. 23–47. (In Russian)
- Pis'mo Ioanna Kobentselya o Rossii XVI veka [Letter of John Kobenzel about Russia of the XVI century]. (1842) *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 9, p. 142. (In Russian)
- Svedeniya o Rossii kontsa XVI v. Paolo Kampani [Information about Russia of the end of the XVI century. Paolo Campani]. (1969) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya IX. Istoriya*, no. 6, pp. 80–85. (In Russian)
- Tanner, B. L. (1891) *Opisanie puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 g. [Description of the journey of the Polish Embassy to Moscow in 1678]*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya Publ., 203 p. (In Russian)
- Tikhomirov, L. A. (2008) *Rukovodyashchie idei russkoj zhizni [Guiding ideas of Russian life]*. Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii Publ., 640 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Юлия Владимировна Верминенко

SPIN-код: 1600-3111, e-mail: verminenko@mail.ru

Доктор социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Сергей Эдуардович Зверев

SPIN-код: 5978-1478, e-mail: ser86979392@yandex.ru

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Authors

Yulia V. Verminenko

SPIN: [1600-3111](#), e-mail: verminenko@mail.ru

Doctor of Sciences (Social Sciences), Associate Professor, Department of Public Relations and Advertising, Herzen State Pedagogical University of Russia

Sergey E. Zverev

SPIN: [5978-1478](#), e-mail: ser86979392@yandex.ru

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Public Relations and Advertising, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Герменевтика культуры

УДК 801.731

EDN YVCLNU

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-34-40>

Теология как наука о данном и насыщенный феномен в концепции Ж.-Л. Мариона

И. И. Докучаев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Докучаев, И. И.
(2023) Теология как наука
о данном и насыщенный феномен
в концепции Ж.-Л. Мариона.
*Журнал интегративных
исследований культуры*, т. 5, № 1,
с. 34–40. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-34-40> EDN YVCLNU

Получена 5 мая 2023; прошла
рецензирование 11 мая 2023;
принята 11 мая 2023.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © И. И. Докучаев (2023).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье анализируется феноменологический проект французского философа Жана-Люка Мариона, получивший название «насыщенный феномен». Насыщенный феномен отличается от бедного тем, что его протенциальная схематизация существенно не соответствует интенциональной наполненной очевидности. К таким феноменам относятся идеальные объекты и привычные объекты. Насыщенный феномен также бывает двух типов. Во-первых, это историческое событие, которое отличается непредсказуемостью и уникальностью. Во-вторых, это теофания — откровение, которое являет Бога в ходе обычного созерцания. Теофания понимается не как данность, или чудо, но как отданность — то есть как особая интерпретация профанного мира в горизонте смысла сакрального мира. Отданность требует от верующего особой настройки внимания и понимания на то, чтобы обнаружить явление Бога в созерцании повседневного мира. В статье предпринята попытка доказать, что насыщенный феномен ничем принципиально не отличается от бедного. В частности, обнаружение уникального исторического события возможно в ходе перенастройки внимания к повседневному миру и не требует особых событий, которые случаются независимо от субъекта. Феномен же теофании вообще нельзя назвать феноменом, поскольку явления Бога как особой смысловой данности не происходит, а происходит все та же перенастройка интерпретации повседневного бедного феномена. В этом смысле историческое событие, которое отличается непредвиденной уникальностью и непредсказуемой смысловой насыщенностью даже более подходит к тому, чтобы быть определенным как насыщенный феномен. Таким образом, не феноменальный, но герменевтический аспект сознания оказывается решающим в том, чтобы определить тот или иной феномен как насыщенный или бедный.

Ключевые слова: Ж.-Л. Марион, теофания, насыщенный феномен, бедный феномен, историческое событие, повседневный мир

Theology as a science of the givenness and J.-L. Marion's saturated phenomenon

I. I. Dokuchaev✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Dokuchaev, I. I. (2023) Theology as a science of the givenness and J.-L. Marion's saturated phenomenon. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 34–40. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-34-40> EDN YVCLNU

Received 5 May 2023; reviewed 11 May 2023; accepted 11 May 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. I. Dokuchaev (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article analyzes the 'saturated phenomenon'—a phenomenological project of the French philosopher Jean-Luc Marion. A saturated phenomenon differs from a poor one in that its potential schematization essentially does not correspond to intentionally filled evidence. These phenomena include ideal objects and habitual objects. Saturated phenomena are also of two types. First, this is an unpredictable and unique historical event. Second, it is a theophany—a revelation that reveals God in the course of ordinary contemplation. Theophany is understood not as a given, or a miracle, but as surrender, i. e., as a special interpretation of the profane world in the horizon of the meaning of the sacred world. Devotion requires a believer to have a special focus on attention and understanding in order to discover the manifestation of God in the contemplation of the everyday world. The article attempts to prove that a saturated phenomenon does not fundamentally differ from a poor one. In particular, the discovery of a unique historical event is possible in the course of reconfiguring attention to the everyday world and does not require special events that happen independently of the subject. The phenomenon of theophany cannot be called a phenomenon at all since the appearance of God as a special semantic given does not occur, instead, the same reconfiguration of the interpretation of the everyday poor phenomenon takes place. In this sense, a historical event that is distinguished by unforeseen uniqueness and unpredictable richness of meaning is even more apt to be defined as a rich phenomenon. Thus, not the phenomenal, but the hermeneutic aspect of consciousness is decisive in determining a phenomenon as rich or poor.

Keywords: J.-L. Marion, theophany, saturated phenomenon, poor phenomenon, historical event, everyday world

Ж.-Л. Марион вошел в историю феноменологии как философ, пытавшийся расширить ее предметную область. В частности, он известен своей знаменитой концепцией насыщенного феномена (Марион 2014). В одноименной работе он писал: «Все феномены можно разделить на три основные сферы в зависимости от содержания в них созерцания — от наименьшего к наибольшему. Во-первых, это феномены, лишённые созерцания или бедные созерцанием: формальные языки (Гуссерль приписывает им категориальное созерцание), математические идеализации (Кант установил для них чистое созерцание). Во-вторых, обычные феномены: в идеальном случае их значение, которое соответствует интенции, может получить адекватное наполнение созерцанием, однако в большинстве случаев этого не происходит. В этих двух сферах конституирование предметов становится возможным именно потому, что нехватка созерцания обеспечивает понимание, предвидение и воспроизведение. Наконец, в-третьих, имеются также насыщенные феномены, которые ускользают от предметного конституирования

в силу избытка созерцания. Для удобства их можно разделить на два типа.

Чистые исторические события — они по определению неповторимы и, как правило, оказываются непредвиденными. Поскольку вследствие избытка созерцательной данности они избегают опредмечивания, их разумность не подразумевает понимания, однако предполагает герменевтический подход. Насыщение созерцанием преодолевает единый горизонт и заставляет обращаться ко множеству герменевтик во множестве горизонтов. Наконец, когда со свидетелем случается чистое историческое событие, он не только не понимает его (Я не конституирует), но, наоборот, сам оказывается понят событием (Я конституировано). Я понимает себя исходя из события, которое случается с ним, — и лишь в той мере, в которой само оно не понимает события. Чистые исторические события представляют собой тип исторически насыщенных феноменов — следовательно, это феномены сообщества, феномены принципиально сообщаемые.

С феноменами второго типа, феноменами откровения, дело иногда обстоит иначе. Повторим, что под «откровением» мы здесь понимаем строго феноменологическое понятие — это чистое явление себя и из себя, возможность которого не зависит ни от какой предварительной детерминации. Такие феномены, данные в откровении, случаются главным образом в трех областях. Во-первых, картина, то есть зрелище, которое невозможно конституировать вследствие избытка созерцания, но на которое все же можно смотреть (идол). Во-вторых, любимое мной лицо, которое становится невидимым не только оттого, что ослепляет меня, но и потому, что я не хочу и не могу видеть в нем ничего, кроме его невидимого взгляда, который для моего собственного взгляда слишком тяжел (икона). Наконец, теофания, в которой избыток созерцания приводит к парадоксу: невидимый взгляд пристально глядит на меня с любовью. Именно в этом последнем случае мы можем поставить вопрос о возможности феноменологии религии пусть и не в новых (ведь речь идет лишь о том, чтобы довести до конца саму интенцию феноменологии), но ясных и простых терминах» (Марион 2014, 97–98).

Эта замечательная классификация требует действительного учета в дальнейших феноменологических исследованиях, ибо она позволяет уловить ряд плохо исследованных особенностей феноменов, то есть ноэтико-ноэматических корреляций. В самом деле, феномены могут быть лишены чувственного созерцания, но тогда не очень понятно, что в них феноменального. Всякий феномен конституируется, то есть констатируется постольку, поскольку сознание не зависит от впечатляющей его реальности, но при этом еще и конструируется, поскольку даже первоимпрессия становится актуальной в силу ее оформления сознанием. Если мы представим себе ситуацию чистого конструирования, как в обозначенных случаях или в фантазии, то тогда мы должны будем найти эквивалент созерцанию, чтобы сохранить феноменальный характер этой деятельности. И такой эквивалент действительно есть. Это память. Еще Аристотель говорил о том, что всякое понятие, даже если оно не имеет чувственно воспринимаемой материи, имеет умопостигаемую материю. Математические идеи, философские категории оформляют именно такую материю, которая констатируется и затем или вместе с тем конструируется. Можно еще указать на тот факт, что всякая работа такого рода осуществляется, если и не в пространстве, о чем можно дискутировать, то точно во времени. О фантазии

я уже не говорю, потому что образный арсенал памяти выступает очевидной материей ее форм.

Перейдем к дивергенции бедных и насыщенных феноменов (то есть второго и третьего типа). Невозможно не обратить внимание на то, что действительно такое различие существует, ибо имеются феномены, которые не привлекают нашего внимания и сводятся к предвидению, насыщаемому очевидностью ровно в той мере, в какой наша предварительная схема к этому готова. То есть такие феномены не воспринимаются во всей полноте их возможного созерцания и редуцируются к схеме. Они бедны не потому, что у них нет никакого богатства, а потому, что на это богатство мы не обращаем внимания. Когда Ж.-Л. Марион переходит к описанию насыщенных феноменов, он фактически указывает не на особую предметность или свойства их форм, но на ноэтическую структуру феномена, предполагающую повышенное внимание к ним. Конечно, можно говорить о том, что в этой отмеченной предметности можно обнаружить некоторые специфические черты, позволяющие обратить на себя внимание, приковывающие это внимание, но дело не только и не столько в них, сколько в самом внимании. Особенно важно в этой связи обратиться к различию исторических событий и бедных феноменов, именно здесь очень хорошо заметно то, что именно усилие внимания превращает бедный феномен в насыщенный. Всякий феномен обладает неисчерпаемым и непредвиденным содержанием, но именно наличие внимания к нему увеличивает эту неисчерпаемость и непредвиденность, а точнее актуализирует, тогда как отсутствие внимания снижает и даже убивает их.

Несколько сложнее обстоит дело с картиной и любимым человеком. Конечно, произведение искусства настраивает внимание на интенсивную работу, приковывает внимание и вынуждает его насытить содержание феномена, а точнее открыть непредвиденное и неисчерпаемое содержание произведения искусства. Однако зачастую этого не происходит, если картина не вызвала интереса, если зритель не подготовлен и не способен распознавать ее содержание, оно обедняется и превращается в обычный схематизируемый артефакт, то есть феномен совершенно не насыщенный. То же самое можно сказать и о любимом лице. Именно до тех пор, пока любимый любим, он вызывает интерес, обращает на себя внимание, общение с ним или любовь к нему делают его лицо неисчерпаемым источником содержания, такое общение оказывается бесконечным приобщением одного

человека к другому. Но стоит только привыкнуть к любимому или разлюбить его, как сразу содержание его лица, личности, тела, действий обедняется и сводится к схеме. Иными словами, все эти три типа насыщенных феноменов насыщены не потому, что представляют собой какую-то особую предметность, но потому, что обращают на себя особый тип ноэсиса — пристальное внимание.

Однако четвертый тип насыщенного феномена — действительно особое ноэматическое событие. Теофания переживается не каждым, никакое внимание не способно вызвать этот опыт. Жития святых и наставления йогов учат нас, что особые практики подготовки ко встрече с потусторонним миром могут привлечь этот мир и раскрыть его нам в эмпирическом явлении, вписать в привычную реальность опыт теофании, но это ничем не гарантировано. Если Бог не захочет явить себя, никакие собственные усилия человека не помогут ему достичь такого общения. Это благодать и призвание, а не результат тренинга или случайность. Сложно говорить о том, какова природа подобного опыта, он остается для феноменологии своеобразным мысленным экспериментом, основанным на отчетах других. Хотя всякий опыт индивидуален и о нем сложно сообщить что-либо другому, есть повторяющийся и однотипный опыт, и есть максимально уникальный, среди вариантов которого именно теофания и иные формы переживания потустороннего мира относятся к наиболее сложно представляемым себе событиям из жизни Другого. Однако если бы такое событие случилось, оно в любом случае привлекло бы к себе внимание в силу его неординарности, или чудесности. Конечно, можно утверждать и то, что теофания происходит часто, но опять-таки не всякий ее заметит (и в этой слепоте виноват он сам), но это утверждение следует числить по разряду метафорических, ибо если теофания не была замечена, нет оснований полагать, что она случилась, и именно потому, что она случилась, ее невозможно не заметить.

Таким образом, первые три варианта насыщенных феноменов почти неотличимы от бедного феномена, а последний вариант — фактически есть ничто иное, как мысленный эксперимент, а не феномен. Показательно, что Ж.-Л. Марион говорит в связи с этим не о теологии, а о феноменологии религии, то есть философии. Это различие существенно, ибо теофания не есть феномен теологический, это просто феномен, переживаемый человеком вне зависимости от того, верит ли он в потусторонний мир или

Богов, или нет. Однако теология как своеобразный опыт также становится предметом исследования Ж.-Л. Мариона в другой работе, как раз посвященной демаркации теологии и феноменологии (Марион 2011). Концепция насыщенных феноменов вообще и теофании в частности остается, тем не менее, ключевой и для этой демаркации.

В названной только что работе Ж.-Л. Марион показывает, как теология сменилась метафизикой, а метафизика феноменологией, уделяя внимание тому, каким образом транслировалось в ходе такой смены представление (понятие) о Боге. Эта триада «теология — метафизика — феноменология» очень напоминает другую триаду, которую придумал О. Конт: «религия — философия — наука». Однако в триаде Мариона члены в значительно большей мере сопоставлены, чем в триаде Конта, где противопоставление важнее сходств. Вместе с тем, теология отличается от метафизики именно своим герменевтическим характером (Конт вслед за Кантом назвал бы его скорее догматическим, то есть основанным на вере), а метафизика от феноменологии — спекулятивным (то есть основанным на умозрительной абстракции), тогда как феноменология оказывается своего рода философским аналогом позитивных наук (то есть основанным на переживании явления опытом).

Метафизика как наука о сущем вообще и сущем по преимуществу (Боге, душе и природе) ставится Марионом под сомнение в результате следующего размышления: «если метафизика определяется как идея универсального основания, она не может не исчезнуть, когда очевидность необходимости основания сущего поставлена под вопрос» (Марион 2011, 129). Вместе с тем такой вопрос имеет теологический, а не метафизический характер. Совершенно не обязательно определять метафизику как идею универсального основания, достаточно говорить о ней как о науке об априорном, то есть не зависящем от опыта характере сущего, обязательном для всякого сущего. Вопрос о причине есть вопрос теологический, показывающий, что исходная причина не может быть ничем иным, кроме как Богом, герменевтическая трактовка которого на основании священного писания становится условием различных метафизических спекуляций в теологии. Вместе с тем, и метафизика, понятая как установление универсальных категорий и априорных понятий, также страдает спекулятивной абстрактностью, то есть кажущейся обоснованностью снизу, со стороны сущего, подменяемой всякий раз различными совершенно не связанными с сущим логическими

доктринами (вроде диалектики Гегеля или Фихте). Конец теологической метафизики не есть еще конец метафизики вообще (это сегодня успешно доказывается спекулятивным реализмом и онтологией множественности).

Вместе с тем конец теологической метафизики абстрактных причин очевиден, и здесь нельзя не согласиться со следующим тезисом Мариона: «если смерть Бога в философии связана с концом метафизики, а он, в свою очередь, следует из понятия метафизики, то преодоление онтотеологии в таком случае является условием для преодоления в философии именованного Бога действительным основанием» (Марион 2011, 131). Однако сам вопрос о причинах сущего вполне легитимен, только ответ на него лежит не в плоскости теологических спекуляций. Марион находит его решение в сфере феноменологии: «...феноменология полностью преодолевает метафизику, поскольку, признавая данность первоначальной, она избавляется от любого принципа априори несмотря на то что данность является a posteriori по отношению к тому, кто получает. Феноменология превосходит метафизику, поскольку она отказывается от трансцендентального проекта, позволяя развернуться радикальному эмпиризму — наконец радикальному, потому что он более не ограничивается чувственным созерцанием, но признает любое созерцание первоначально дающим» (Марион 2011, 133).

Конечно, можно было бы поспорить о терминах, ибо феноменология в полной мере претендует на то, чтобы быть знанием трансцендентальным и априорным. Сфера феноменологических созерцаний есть такой радикальный эмпиризм, который и называется трансцендентальным; а результаты феноменологической редукции и есть априорное знание. Но дело не в словах, ибо суть тезиса Мариона заключается в том, что благодаря феноменологии философия получила доступ к опыту эйдетического, минуя всякий теологический и спекулятивный догматизм. Созерцание эйдоса как данного в опыте рефлексии — вот основное открытие феноменологии, сделавшее ее способом преодоления метафизики и теологии. И даже спекулятивный реализм и онтология множественности, несмотря на абсолютность их результатов, не в состоянии избежать радикального сомнения, предложенного феноменологией и преодоленного только ею.

Теперь можно вернуться и к проблеме Бога в феноменологическом измерении, то есть к возможности феноменологической теологии. Невозможность теологии в традиционном ее

смысле для феноменологического исследования Марион определяет так: «Если первоначальная данность выявляет (délivre) (отдает, дает) сущее как данное-сущее и таким образом освобождает (délivre) (отпускает) его от всякой необходимости в основании, невозможно мыслить Бога как основание этого сущего» (Марион 2011, 136). Размышляя о феноменологической теологии, Марион кратко описывает три традиционных предмета метафизики (Бога, душу и космос) как феномены и показывает, что классическая феноменология мира прояснила сущность космического, однако феноменологическая эгология должна быть скорректирована концепцией преимущества Другого над Я, открытой Э. Левинасом. С этим невозможно согласиться, ибо концепция Другого как предпосылки для Я не является феноменальной, но она есть типичная умозрительная дедукция, мысленный эксперимент, вторичный по отношению к феномену собственного Я как опыта структурирования, фокусирования мира и как опыта господства мочь в собственном теле. Но этот момент не является предметом настоящего обзора, и следует обратиться к финальной части работы Мариона — феноменологии религии, которая конструируется вокруг уже описанного феномена Бога — насыщенного феномена четвертого типа — теофании.

Ж.-Л. Марион так определяет суть теофании как феномена и предмета феноменологии: «Если мир может быть определен как то, что является как данное-сущее в целом, если другой может обозначать для меня то, что является как самое близкое данное-сущее, тогда Бога следовало бы определить как данное-сущее по преимуществу» (Марион 2011, 140). Это данное сущее обладает характером данности, то есть оно феноменально, оно является и конституируется в рефлексии как эйдос, то есть уникальное и поистине сущее. Но оно также сущее по преимуществу. И здесь Марион говорит о теофании как максимуму насыщенности ноэватического содержания феномена непредсказуемостью и бесконечностью. Это идея максимума очень хороша, но она опять же страдает умозрительностью. Я хочу подчеркнуть, что опыт теофании мало кому удалось пережить. По крайней мере, мне, к сожалению, не удалось. А значит, и этого вполне достаточно, для моего вывода о том, что такой опыт не есть феномен. И это также означает, что даже такая оригинальная и остроумная, можно сказать больше, глубокая попытка синтеза феноменологии и теологии обречена на неудачу. Умозрительный, а не феноменальный характер подобного опыта хорошо заметен

в характеристике, которую сам Марион дает этому явлению: «Данность по преимуществу в случае Бога предполагает, что он дан без ограничений и без остатка. Бог дается не частично, в том или ином аспекте, подобно конституируемому объекту, который предлагает интенциональному взгляду лишь ту свою сторону, которая является чувственно видимой, оставляя за адекватной презентацией обязанность дать то, что не дается. Бог дается абсолютно, без малейшего остатка или какого-либо наброска, каждой своей стороной, подобно непредметам, которые раскладываются в кубистской живописи, позволяя, несмотря на ограниченность перспективы, всем своим сторонам располагаться рядом друг с другом» (Марион 2011, 140). Когда Марион, развивая эту мысль о данности без остатка, приходит к мысли о том, что Бог именно в силу абсолютной отданности и не может быть замечен феноменально, он явно хитрит, понимая, что феномен Бога невозможен, но все-таки пытается сохранить обреченную на неудачу концепцию путем построения парадоксов: «...данность по преимуществу может легко превратиться в данность как отданность. Феноменальность, присущая данному-сущему, абсолютна, без остатка, и, поскольку она невидима, за ней никогда не будет признан статус феномена. Феномен по преимуществу рискует, именно в силу этого преимущества, так и не явиться, остаться отданным» (Марион 2011, 141).

Кроме того, нельзя забывать и о том, что еще в самом начале мы сказали о разнице между теологией и феноменологией религии. Несмотря на общность этих проектов, заключающуюся

в том, что и тот, и другой расположены в сфере переживания, а не спекулятивной абстракции философии религии, феноменологические и религиозные переживания принципиально отличаются. Первое есть результат свободного сомнения, а второе — доверия традиции и индивидуальной веры в Бога. Эта разница еще более важна для понимания принципиальной невозможности феноменологической теологии, чем умозрительный характер теофании. Ж.-Л. Марион и здесь, оставаясь великим философом, понимает проблему, но старается ее дезавуировать: «Граница между феноменологией и теологией проходит между откровением как возможностью и откровением как историчностью» (Марион 2011, 142). То есть теофания как феномен все-таки оказывается теологическим феноменом, для феноменологии же она остается только возможностью. Что и требовалось доказать.

Остается только красиво завершить весь этот разговор цитатой из Ж.-Л. Мариона: «Когда данное-сущее становится милосердием (любимым или любящим сущим или же возлюбленным в прямом смысле слова), феноменология уступает теологии откровения» (Марион 2011, 143).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Марион, Ж.-Л. (2011) Метафизика и феноменология — на смену теологии. *Логос*, № 3 (82), с. 124–143.
 Марион, Ж.-Л. (2014) Насыщенный феномен. В кн.: С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская (сост.). *(Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами*. М.: Академический проект, с. 63–99.

References

- Marion, J.-L. (2011) *Metafizika i fenomenologiya — na smenu teologii* [Metaphysics and phenomenology—a relief for theology]. *Logos*, no. 3 (82), pp. 124–143. (In Russian)
 Marion, J.-L. (2014) *Nasyshchennyj fenomen* [Saturated phenomenon]. In: S. A. Sholokhova, A. V. Yampol'skaya (comp.). *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: A new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., pp. 63–99. (In Russian)

Сведения об авторе

Илья Игоревич Докучаев

SPIN-код: 6082-3212, Scopus AuthorID: 57195837222, ResearcherID: K-8453-2015, ORCID: 0000-0002-0506-2927, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Ilya I. Dokuchaev

SPIN: [6082-3212](#), Scopus AuthorID: [57195837222](#), ResearcherID: [K-8453-2015](#), ORCID: [0000-0002-0506-2927](#),
e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor, Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Историческая типология культуры

УДК 17.0:165:37.01

EDN NIANEW

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-41-48>

Коммунистический анархизм П. А. Кропоткина в контексте либертарианства Р. Нозика: сравнительный историко-философский анализ

О. Л. Грановская^{✉1, 2}

¹ Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

² Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

Для цитирования:

Грановская, О. Л. (2023) Коммунистический анархизм П. А. Кропоткина в контексте либертарианства Р. Нозика: сравнительный историко-философский анализ. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 1, с. 41–48. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-41-48> EDN NIANEW

Получена 15 ноября 2022; прошла рецензирование 3 февраля 2023; принята 3 февраля 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © О. Л. Грановская (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Данная статья представляет собой сравнительный анализ философии анархизма П. А. Кропоткина и либертарианства Р. Нозика. Актуальность данного исследования объясняется релевантностью самих идей анархизма и либертарианства и, как следствие, их востребованностью в современном обществе. Сопоставление идей этих мыслителей позволяет наглядно продемонстрировать стремление доктрин коммунистического анархизма и либертарианства к логическому сближению. Кроме того, это позволяет интерпретировать русскую мысль в общемировом контексте в диалоге с представителями современной политической философии. Проблема взаимовлияния русской философской традиции и западной интеллектуальной культуры рассматривается здесь сквозь призму исследования доктрин отдельных мыслителей. Предлагаемое исследование базируется на методологических принципах case-studies, согласно которым описание и исследование отдельных примеров позволяет увидеть историю мысли с той степенью детализации, которую не позволяет увидеть описательное статистическое исследование. Цель исследования — сравнить ключевые идеи политико-правовых учений Кропоткина и Нозика, установив единство тематики русской и западной философии, анархизма и либертарианства. В статье последовательно сравниваются узловые концепции доктрин анархизма Кропоткина и либертарианства Нозика: человеческая природа; государство; свобода и равенство; экономическая жизнь. Мысль Кропоткина направлена на решение проблем, которые можно считать центральными для современной западной политической науки, его идеи расширяют смысловое поле политики, являясь важной частью мировой политической мысли. Кропоткин и Нозик в разное время и в разных культурных контекстах обсуждают одни темы на общем языке, выдавая часто совпадающие, а часто прямо противоположные решения одних и тех же проблем.

Ключевые слова: коммунистический анархизм, Петр Кропоткин, либертарианство, Роберт Нозик, человеческая природа, государство, свобода и равенство, экономическая жизнь

P. A. Kropotkin's communist anarchism in the context of R. Nozick's libertarianism: Comparative historical and philosophical analysis

O. L. Granovskaya ^{1, 2}

¹ Far Eastern Federal University, FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia

² Vladivostok State University of Economics and Service, 41 Gogolya Str., Vladivostok 690014, Russia

For citation:

Granovskaya, O. L.
(2023) P. A. Kropotkin's communist anarchism in the context of R. Nozick's libertarianism: Comparative historical and philosophical analysis. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 41–48. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-41-48> EDN NIANEW

Received 15 November 2022;
reviewed 3 February 2023; accepted 3 February 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. L. Granovskaya (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article presents a comparative analysis of P.A. Kropotkin's anarchist and R. Nozick's libertarian philosophy. The relevance of this study is explained by the relevance and significance of the very ideas of anarchism and libertarianism in modern society. The comparative analysis clearly demonstrates that the doctrines of communist anarchism and libertarianism are marked by certain logical convergence. Moreover, the dialogue with representatives of contemporary political philosophy facilitates the interpretation of Russian thought in a global context. The study of individual doctrines provides insights into the mutual influence of the Russian philosophical tradition and Western intellectual culture. The reported research uses the methodology of case studies. It allows to trace the history of thought in detail through the description and analysis of individual cases. This task is impossible to achieve with a descriptive statistical study. The article compares the key ideas of Kropotkin's and Nozick's political and legal thought. It establishes the thematic unity of Russian and Western philosophy and the unity of anarchism and libertarianism. The article compares the basic concepts of Kropotkin's anarchism and Nozick's libertarianism. Among them are human nature, the state, freedom and equality, and economic life. Kropotkin aims to solve problems that can be considered central to modern Western political thought. His ideas expand the semantic field of politics and represent an important part of world political thought. Despite different time periods and cultural contexts, Kropotkin and Nozick discuss the same topics using a common language and provide either identical or directly opposite solutions to the same problems.

Keywords: communist anarchism, Peter Kropotkin, libertarianism, Robert Nozick, human nature, the state, freedom and equality, economic life

Введение

Актуальность данного исследования объясняется, прежде всего, релевантностью самих идей анархизма и либертарианства и, как следствие, их востребованностью в современном обществе. Сопоставление идей П. А. Кропоткина и Р. Нозика позволяет наглядно продемонстрировать стремление доктрин коммунистического анархизма и либертарианства к логическому сближению. Кроме того, это позволяет интерпретировать русскую мысль в общемировом контексте в диалоге с представителями современной политической философии.

В последнее время появляется множество работ на русском и английском языке, посвященных историко-философскому исследованию творчества Кропоткина (См., например, Кассиров 2010; 2011; Сухов 2007; Филатова 2009; Bekken

2009; de Geus 2014; Kinna 2012; 2022) и Нозика (Ключихина, Оглезнев 2016; Чалый 2014; Christmas 2020; Ραραϊοαννου 2008 и др.). Несмотря на это, опубликованная часть, например, наследия Кропоткина — это только надводная часть айсберга, а его фигура как философа мало изучена. Хотя эти два мыслителя, Кропоткин и Нозик, нередко упоминаются вместе в текстах по анархизму (См., например, Franks 2014; Gaus, Chapman 1978; Jun 2012), сравнительные историко-философские исследования их идей только ожидают своей очереди.

Данное исследование базируется на методологических принципах case-studies, то есть вдохновляется убежденностью, что всякий общий процесс находит свое воплощение в конкретных исторических ситуациях, а описание и исследование отдельных примеров позволяет увидеть историю мысли с той степенью

детализации, которую не позволяет увидеть описательное статистическое исследование. Поэтому проблема взаимовлияния русской философской традиции и западной интеллектуальной культуры рассматривается здесь сквозь призму исследования интеллектуальных траекторий отдельных мыслителей. Кроме того, используется метод сравнительного философского анализа.

Цель исследования — сравнить ключевые идеи политико-правовых учений Петра Кропоткина и Роберта Нозика, установив единство тематики русской и западной философии, анархизма и либертаризма. Основные задачи: сравнить представления о человеческой природе, лежащие в основании доктрин Кропоткина и Нозика; сопоставить их представления о природе государства; проанализировать отличие их взглядов на свободу и равенство; сравнить основные экономические идеи Кропоткина и Нозика, выявляя сближение их философских оснований.

Основные ограничения исследования связаны с тем, что все политические понятия по сути своей сущностно-оспариваемые (Gallie 1956, 169), и, соответственно, сравнивать концепции, встроенные в различные политические культуры, не очень надежно. В статье последовательно сопоставляются такие узловые концепты доктрин анархизма Кропоткина и либертарианства Нозика, как человеческая природа, государство, свобода, равенство, экономическая жизнь в смысловом культурном контексте.

Коммунистический анархизм

П. А. Кропоткин (1842–1921) русский аристократ, исследователь, географ, мыслитель и писатель-анархист. Выступал за создание общества самодостаточных общин (Кропоткин 1991, 86).

Творческое наследие Кропоткина сегодня приобретает все большую актуальность, это связано с ростом популярности самого анархизма и с тем, что анархизм Кропоткина — целостное мировоззрение, построенное на философском и естественно-научном фундаменте. Его мысль вошла органичным элементом в целый ряд современных политических движений, таких как феминизм, экологизм, защита гражданских прав и антиглобализм. Однако анархизм не лишен противоречий и его популярность объясняется, скорее, тем, что он ставит правильные вопросы и дает мечту.

Поскольку анархизм Кропоткина стоит на пересечении классических и постклассических

политических теорий, его интересно сравнить с либертаризмом, или либертарианским анархизмом Р. Нозика (хотя в строгом смысле слова Нозик не был анархистом).

Есть ряд общих тем, которые являются основными для большинства анархистов, хотя и с существенными различиями в акцентах: человеческая природа; государство; свобода и равенство; экономическая жизнь.

Анархизм и либертарианство о человеческой природе

В целом анархисты очень оптимистично смотрят на человеческую природу, считая ее способной к почти неограниченному развитию. Общая для них идея — человек был радикально испорчен системами экономического, политического и интеллектуального контроля.

Кропоткин в книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1897), размышляя о свободе и солидарности, утверждал, что развитие человеческой свободы и сотрудничества является биологическим императивом. Изучая поведение животных и коренных жителей в Сибири, он пришел к выводу, что дарвиновское объяснение развития видов в процессе естественного отбора необходимо переосмыслить. По мнению Кропоткина, животные виды выживали и развивались в процессе спонтанного, естественного сотрудничества, при этом у них никогда не было государства (Кропоткин 2011). Эта идея была актуализирована в конце XX века в экологических теориях политической философии и оказала сильное влияние на идеологию зеленых.

На синтезе естественных и социальных наук Кропоткин выстраивал и право, и социологию, и этику. В его работах на научной основе моделировался фундамент новой нравственной, гуманной, разумной организации общественной негосударственной власти на принципах федерализма, свободной самоорганизации и самоуправления общества с низу вверх, утверждение гибких и гуманных форм права (без законодательства). Естественными же причинами, вслед за Д. Юмом и Дж. Локком, Кропоткин объяснял происхождение нравственности (Кропоткин 1991). Он считал, что анархия может снять извечное противоречие между нравственностью и политикой. И русский анархист, и американский либерал начинают свои политические доктрины с исследования морали, поскольку именно моральная философия «образует основание и определяет границы для политической философии» (Нозик 2008, 23).

Понимание роли и функций государства в анархизме и либертариизме

Идея «естественного состояния», от которой отталкиваются все политические философы, определившие облик современной политической философии от Т. Гоббса и Локка до Дж. Ролза и Дж. Бьюкенена, является также исходной точкой анархизма Кропоткина и либертариизма Нозика. Другая их общая черта — опора на естественную теорию происхождения морали. И Нозик, и Кропоткин, говоря о правах человека, говорят языком Локка. С точки зрения Нозика, существуют права, которые составляют закон природы — или особенно важную часть закона природы, — который управляет дополитическим и преддоговорным состоянием природы. Судебная власть и право, по Кропоткину, имеют догосударственную природу и возникают естественным путем. И Кропоткин, и Нозик определяли права человека негативно, апофатически, т. е. они не говорят о правах, как о чем-то, что надо делать человеку, а говорят о них, как о том, что делать с человеком нельзя ни при каких обстоятельствах.

Если говорить о том, что отличает идеи этих двух авторов, то необходимо прежде всего подчеркнуть, что либертариизм Нозика хоть и очень близко подходит к анархизму, тем не менее анархизмом не является. В отличие от Кропоткина, Нозик считал, что «ультраминимальное» (из которого потом развивается «минимальное») государство возникло в ходе естественного развития человека, из «частных защитных ассоциаций». Одна из основных задач его фундаментальной монографии «Анархия, государство и утопия» — опровергнуть основную идею анархизма и доказать, что государство неминуемо возникнет из «анархии (понимаемой как естественное состояние, по Локку), даже если никто этого не захочет и не приложит к этому никаких усилий» (Нозик 2008, 23), причем ничьи права при этом не будут нарушены. Согласно Нозик, в любом обществе придется защищаться от насилия и для этого будут естественным путем возникать защитные ассоциации. Кропоткин в отличие от него, как и все представители анархизма, настаивает на том, что государство является главным врагом свободы, и поэтому его отмена является аксиомой.

Интерпретация свободы и равенства в анархистской и либертарианской доктринах

Все разновидности политических теорий можно разделить на условно «индивидуалистские», то есть те, чьей отправной точкой является индивид, и коммуитаристские, то есть те, чьей отправной точкой является община. Анархизм во многом был попыткой соединить воедино две главные ценности постфранцузской революционной мысли: свободу и равенство. Нозик, как и представители индивидуалистского крыла анархизма, с которыми у него много общего, делает акцент на свободе, точнее на концепции негативной свободы, то есть на свободе от государственного или иного социального принуждения. Кропоткин, как и все представители коммуитаристского крыла этого мировоззрения, на первое место выдвигает позитивную свободу, т. е. свободу реализации своих целей через гармоничное развитие. Он утверждал, что это возможно только в социальном контексте, поскольку наши подлинные цели вытекают из нашей общинной природы и осуществимы только в обществе. «Человек начинает понимать, что счастье невозможно в одиночку: что личного счастья надо искать в счастье всех — в счастье всего человечества» (Кропоткин 2010, 40).

Что касается равенства: Нозик утверждает, что поскольку каждый человек — разумное существо, способное достигать своих собственных целей и отстаивать свои собственные интересы, то ему необходимо просто обеспечить равенство возможностей. Представители коммуитаристского анархизма утверждают (к ним мы отнесли Кропоткина), что у всех людей есть не только физические потребности, но умственные и культурные, а для их удовлетворения должно быть создано общество, признающее равенство прав. Свобода, по Кропоткину, является индивидуальной ценностью, которая должна быть достигнута и реализована коллективно. Нозик, напротив, рассматривает попытку определить и удовлетворить эти потребности коллективным действием как угрозу свободе.

Экономическая жизнь в доктринах Кропоткина и Нозика

Одним из пунктов, объединяющих все оттенки анархистской мысли, является отказ от «государственного социализма», или командной экономики. Однако по всем остальным вопросам, связанным с экономикой, Нозик и Кропоткин расходятся во мнениях.

Анархист, а точнее либерал-индивидуалист Нозик, подчеркивает достоинства полностью нерегулируемой рыночной экономики, причем, с его точки зрения, такие функции, которые традиционно выполняет государство, как полиция, правоохранительные органы, оборона и пожарная охрана, также должны осуществляться на рыночной основе. Каждый индивид может делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится, и свободно обмениваться товарами и услугами с другими. Даже к праву на жизнь, по Нозику, нужно относиться как к частной собственности. В этой точке сходятся индивидуалистический анархизм и классический либерализм. Кропоткин же осуждал частную собственность и подчеркивал несправедливость такого общества, в котором процветали бы богатые и могущественные, а остальные были бы растоптаны. Все потребности людей должны быть удовлетворены обществом. «Экономический индивидуализм — писал Кропоткин, — не сдержал своих обещаний: он не дал нам яркого развития индивидуальности...» (Кропоткин 1991, 7).

Для достижения этих целей Кропоткин предлагает различные модели, такие как коммуны, кооперативы и взаимные общества всех видов, некоторые из которых были смоделированы по средневековой системе гильдий. Механизм действия большинства из этих моделей, однако, остается неопианным. Кроме того, не ясно, как возможен, по Кропоткину, который был против революций и переживал за жизнь каждого отдельного человека, такой резкий отказ от существующих экономических механизмов без катастрофических последствий. Однако в том, что существующая экономическая система вскоре сменится какой-то другой Кропоткин не сомневался: «В современном экономическом строе все тесно связано, все тесно переплетается между собою, и все ведет к неизбежному падению окружающей нас промышленной и торговой системы. Ее дальнейшая жизнь исключительно вопрос времени» (Кропоткин 2017).

Что касается справедливости, Нозик (как и Ф. Хайек) считал, что справедливость является следствием максимы уважения к закону и правам человека, а социальная справедливость не имеет к этому никакого отношения и только усложняет эту проблему. Прикрываясь неуместным стремлением достичь социальной справедливости, государства начинают все больше вмешиваться в жизнь общества. Справедливость, как утверждают Хайек и Нозик, начинает страдать от растущего присутствия государства во всех сферах жизни общества. Вмешательство

государства лишь ограничивает индивидуальную свободу, а росту социальной справедливости это не способствует. Свободная торговля и саморегулируемая, сбалансированная работа свободного рынка товаров, услуг и рабочей силы рассматриваются Нозику как позитивные блага, способствующие повышению экономической эффективности и благосостояния.

Нозик, как и Макс Штирнер, отвергает любую форму политической или социальной организации и моральных обязательств, которые могли бы ограничить свободу личности. Кропоткин (как и все анархисты-коммунитаристы и анархосиндикалисты), напротив, верит в свободное объединение индивидов в коллективные организации. Цель анархизма состоит в том, чтобы свергнуть искусственные иерархические структуры, которые эксплуатируют, принуждают и доминируют, которые были созданы с помощью идей, привитых меньшинствами священников, военных вождей и судей, стремящихся установить свое господство, и ученых, которым платят за его увековечение.

Анархисты отрицают метафизическое происхождение права, подразумеваемое теорией общественного договора, и вместо этого сосредотачиваются на его антропологических и исторических истоках. Право, с их точки зрения, есть выражение общественных отношений, сложившихся в обществе, а часто и выражение воли господствующего класса, который посредством права кристаллизует свое господствующее положение в обществе. Кропоткин утверждает, что сила закона и сила капитала развивались рука об руку. Правовая система понимается как то, что поддерживает и воспроизводит экономическую систему, в которой она создается, путем создания и защиты тех правовых институтов, которые сохраняют социально-экономические отношения, на которых основана эта система.

Что касается экономических идей Нозику, он призывал к резкой маргинализации государства, которое должно воздерживаться от любого вмешательства, способного изменить свободное функционирование рынка, в том числе в сферах занятости и благосостояния. Позже идея «минимального государства» стала популярной среди политических элит западного мира как стержень политического проекта, противостоящего социализму и социал-демократии.

В неолиберальном государстве закон действует для усиления рынка, для повышения экономической эффективности и рациональности, которые, в свою очередь, становятся критериями оценки успеха закона. Индивиду-

альные (экономические) свободы, частная собственность и свобода предпринимательства — это высшие ценности, которые защищает правильная правовая система. Парадоксально, но, по Нозик, власть государства осуществляется для защиты автономного функционирования рынка от власти самого государства.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что мысль Кропоткина направлена на решение проблем, которые можно считать центральными для современной западной политической науки. Идеи Кропоткина, расширяющие смысловое поле политики, становятся важной частью мировой политической мысли в целом. Кропоткин

и Нозик в разное время и в разных культурных контекстах обсуждают одни темы на общем языке, выдавая часто совпадающие, а часто прямо противоположные решения одних и тех же проблем. Гипотетический диалог этих двух мыслителей наглядно демонстрирует стремление доктрин коммунистического анархизма и либертаризма к логическому сближению.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Кропоткин, П. А. (1991) *Этика*. М.: Политиздат, 496 с.
Кропоткин, П. А. (2010) *Речи бунтовщика*. М.: Лиبراком, 386 с.
Кропоткин, П. А. (2011) *Взаимопомощь как фактор эволюции*. М.: Луч, 256 с.
Кропоткин, П. А. (2017) *Анархия, ее философия, ее идеал: Публичная лекция*. М.: Азбука, 480 с.
Нозик, Р. (2008) *Анархия, государство и утопия*. М.: Ирисэн, 424 с.

Литература

- Кассиров, А. Г. (2010) *П. А. Кропоткин: наука, нравственность, революция*. Мурманск: Изд-во МГТУ, 180 с.
Кассиров, А. Г. (2011) П. А. Кропоткин о свободе человека. *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, № 8, с. 60–64.
Клочихина, В. С., Оглезнев, В. В. (2016) Интеллектуальная собственность и социальная справедливость: Роберт Нозик *versus* Джон Ролз. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 4 (36), с. 385–403. <https://doi.org/10.17223/1998863X/36/38>
Сухов, А. Д. (2007) *П. А. Кропоткин как философ*. М.: Российская академия наук, 144 с.
Филагова, Е. В. (2009) *Социально-этические аспекты философского учения П. А. Кропоткина. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук*. М., Московский педагогический государственный университет, 40 с.
Чалый, В. А. (2014) Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика. *Кантовский сборник*, № 2 (48), с. 46–52.
Bekken, J. (2009) Peter Kropotkin's anarchist economics for a new society. In: F. Lee, J. Bekken (eds.). *Radical economics and labour: Essays inspired by the IWW Centennial*. London: Routledge Publ., pp. 42–61.
Christmas, B. (2020) The neoliberal turn: Libertarian justice and public policy. *Journal des Économistes et des Études Humaines*, vol. 26, no. 1, pp. 34–56. <https://doi.org/10.1515/jeeh-2020-0009>
De Geus, M. (2014) Peter Kropotkin's anarchist vision of organization. *Ephemera: Theory and Politics of Organization*, vol. 14, no. 4, pp. 853–871.
Franks, V. (2014) Anarchism and business ethics. *Ephemera: Theory and Politics in Organization*, vol. 14, no. 4, pp. 699–724.
Gallie, W. B. (1956) IX.— Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 56, no. 1, pp. 167–198. <https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167>
Gaus, G. F., Chapman, J. W. (1978) Anarchism and political philosophy: An introduction. *Nomos*, vol. 19, pp. XVII–XLV.
Jun, N. (2012) *Anarchism and political modernity*. New York: Continuum Publ., 250 p.
Kinna, R. (2012) Anarchism, individualism and communism: William Morris's critique of anarcho-communism. In: A. Prichard, R. Kinna, S. Pinta, D. Berry (eds.). *Libertarian socialism: Politics in black and red*. London: Palgrave Macmillan Publ., pp. 35–56. https://doi.org/10.1057/9781137284761_3
Kinna, R. (2022) Peter Kropotkin and communist anarchism. In: M. van der Linden (ed.). *The Cambridge history of socialism*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 331–354. <https://doi.org/10.1017/9781108611022.015> (In English)

Papaioannou, T. (2008) Nozick Revisited: The formation of the right-based dimension of his political theory. *International Political Science Review*, vol. 29, no. 3, pp. 261–280. <https://doi.org/10.1177/0192512107088391>

Sources

- Kropotkin, P. A. (1991) *Etika [Ethics]*. Moscow: Politizdat Publ., 496 p. (In Russian)
- Kropotkin, P. A. (2010) *Rechi buntovshchika [Speeches of a rebel]*. Moscow: Lib-rakom Publ., 386 p. (In Russian)
- Kropotkin, P. A. (2011) *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii [Mutual aid as a factor of evolution]*. Moscow: Luch Publ., 256 p. (In Russian)
- Kropotkin, P. A. (2017) *Anarkhiya, ee filosofiya, ee ideal: Publichnaya lektiya [Anarchy, its philosophy, its ideal: A public lecture]*. Moscow: Azbuka Publ., 480 p. (In Russian)
- Nozik, R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya [Anarchy, state, and utopia]*. Moscow: Irisen Publ., 424 p. (In Russian)

References

- Bekken, J. (2009) Peter Kropotkin's anarchist economics for a new society. In: F. Lee, J. Bekken (eds.). *Radical economics and labour: Essays inspired by the IWW Centennial*. London: Routledge Publ., pp. 42–61. (In English)
- Chaly, V. A. (2014) Filosofskie idei Kanta v politicheskoy teorii Roberta Nozika [Kant's philosophical ideas in Robert Nozik's political theory]. *Kantovskij sbornik — Kantian Journal*, no. 2 (48), pp. 46–52. (In Russian)
- Christmas, B. (2020) The neoliberal turn: Libertarian justice and public policy. *Journal des Économistes et des Études Humaines*, vol. 26, no. 1, pp. 34–56. <https://doi.org/10.1515/jeeh-2020-0009> (In English)
- De Geus, M. (2014) Peter Kropotkin's anarchist vision of organization. *Ephemera: Theory and Politics of Organization*, vol. 14, no. 4, pp. 853–871. (In English)
- Filatova, E. V. (2009) *Sotsial'no-eticheskie aspekty filosofskogo ucheniya P. A. Kropotkina [Socio-ethical aspects of the philosophical teaching of P. A. Kropotkin]*. Extended abstract of the PhD dissertation (Philosophy). Moscow, Moscow State Pedagogical University, 40 p. (In Russian)
- Franks, B. (2014) Anarchism and business ethics. *Ephemera: Theory and Politics in Organization*, vol. 14, no. 4, pp. 699–724. (In English)
- Franks, B. (2019) *Anarchisms, postanarchisms and ethics*. London: Rowman and Littlefield Publ., 229 p. (In English)
- Gallie, W. B. (1956) IX. — Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 56, no. 1, pp. 167–198. <https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167> (In English)
- Gaus, G. F., Ghapman, J. W. (1978) Anarchism and political philosophy: An introduction. *Nomos*, vol. 19, pp. XVII–XLV. (In English)
- Jun, N. (2012) *Anarchism and political modernity*. New York: Continuum Publ., 250 p. (In English)
- Kassirov, A. G. (2010) *P. A. Kropotkin: nauka, npravstvennost', revolyutsiya [Kropotkin: Science, morality, revolution]*. Murmansk: Murmansk State Technical University Publ., 180 p. (In Russian)
- Kassirov, A. G. (2011) P. A. Kropotkin o svobode cheloveka [Kropotkin on human freedom]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 8, pp. 60–64. (In Russian)
- Kinna, R. (2012) Anarchism, individualism and communism: William Morris's critique of anarcho-communism. In: A. Prichard, R. Kinna, S. Pinta, D. Berry (eds.). *Libertarian Socialism: Politics in black and red*. London: Palgrave Macmillan Publ., pp. 35–56. https://doi.org/10.1057/9781137284761_3 (In English)
- Kinna, R. (2022) Peter Kropotkin and communist anarchism. In: M. van der Linden (ed.). *The Cambridge history of socialism*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 331–354. <https://doi.org/10.1017/9781108611022.015> (In English)
- Klochikhina, V. S., Ogleznev, V. V. (2016) Intellektual'naya sobstvennost' i sotsial'naya spravedlivost': Robert Nozik versus Dzhon Rolz [Intellectual property and social justice: Robert Nozick versus John Rawls]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 4 (36), pp. 385–403. <https://doi.org/10.17223/1998863X/36/38> (In Russian)
- Papaioannou, T. (2008) Nozick Revisited: The formation of the right-based di-mension of his political theory. *International Political Science Review*, vol. 29, no. 3, pp. 261–280. <https://doi.org/10.1177/0192512107088391> (In English)
- Sukhov, A. D. (2007) *P. A. Kropotkin kak filosof [Kropotkin as a philosopher]*. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 144 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Ольга Леонидовна Грановская

Scopus AuthorID: [57195805623](#), ResearcherID: [GXZ-6802-2022](#), ORCID: [0000-0003-2393-5370](#), e-mail: olg@vladivostok.com

Доктор философских наук, доцент, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Author

Olga L. Granovskaya

Scopus AuthorID: [57195805623](#), ResearcherID: [GXZ-6802-2022](#), ORCID: [0000-0003-2393-5370](#), e-mail: olg@vladivostok.com

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University; Professor of the Chair of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service

Check for updates

Философия культуры

УДК 18

EDN CPENVY

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-49-54>

От субъекта-свидетеля к объекту-заместителю. Рецепции эстетических идей Хосе Ортеги-и-Гассета в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана

А. С. Шевченкова^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Шевченкова, А. С.
(2023) От субъекта-свидетеля
к объекту-заместителю. Рецепции
эстетических идей Хосе Ортеги-
и-Гассета в объектно-
ориентированной онтологии
Грэма Хармана. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 5, № 1, с. 49–54.
[https://www.doi.org/10.33910/2687-
1262-2023-5-1-49-54](https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-49-54) EDN CPENVY

Получена 21 февраля 2023;
прошла рецензирование 11 мая
2023; принята 11 мая 2023.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © А. С. Шевченкова
(2023). Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья обращается к проблематизации эстетического опыта в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана. Актуальность представленной темы обусловлена изменением статуса чувственного опыта в неклассической философии и культурных практиках современности. Обретая автономность, освобождаясь от необходимости быть встроенным в общий ряд с более «высокими» формами познания и осмысления действительности, эстетический опыт сегодня вполне обоснованно претендует на статус самостоятельной философской практики. В качестве акцента выбран анализ стратегии замещения, предлагаемой в качестве объяснения эстетического опыта в проекте Хармана. Обращение к трактовке метафоры Хосе Ортегой-и-Гассетом позволяет проследить переключение с проблематики субъекта XX века на рассмотрение человека в качестве объекта в XXI веке и обозначить вопросы, возникающие вследствие подобного рассмотрения. Подчеркивается различие подходов обращения к теме эстетического: ориентированная на субъекта эстетического опыта философия начала XX века претерпевает качественные изменения, приводя современную мысль к утверждению внесубъективных форм обращения к опыту в XXI веке. Вследствие деантропологизации сферы эстетического объектно-ориентированной онтологией спекулятивная мысль Хармана подводит к проблеме необходимости обоснования заявленного мыслителем особого статуса эстетики. Автор приходит к выводу, что проект новой метафизики как «теории всего» в ситуации современности, несмотря на заявляемый характер всеобъемлемости, выступает как одна из множеств возможных стратегий современной мысли, которую прежде всего стоит рассматривать как симптоматическое явление постсовременности, характеризующейся потребностью в конкретизации новых стратегий переживания и осмысления субъективности и ее антропологической направленности.

Ключевые слова: субъект, объектно-ориентированная онтология, Харман, Ортега-и-Гассет, эстетика

From the witnessing subject to the substituting object. Reception of the aesthetic ideas of José Ortega y Gasset in Graham Harman's object-oriented ontology

A. S. Shevchenkova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Shevchenkova, A. S. (2023) From the witnessing subject to the substituting object. Reception of the aesthetic ideas of José Ortega y Gasset in Graham Harman's object-oriented ontology. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 49–54. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-49-54> EDN CPENVY

Received 21 February 2023;
reviewed 11 May 2023; accepted 11 May 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. S. Shevchenkova (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article addresses the problematization of aesthetic experience in Graham Harman's object-oriented ontology. The status of sense experience in non-classical philosophy and cultural practices of our time has changed, which makes the research topic relevant. Today, gaining autonomy, freeing itself from the need to become part of a common range of 'higher' forms of cognition and comprehension of reality, aesthetic experience is quite reasonably claiming the status of a self-sufficient philosophical practice. As an emphasis, the research analyses the substitution strategy proposed by Harman as an explanation of aesthetic experience. José Ortega y Gasset's approach to the interpretation of the metaphor makes it possible to trace a shift from the 20th century focus on the subject to the 21st century focus on the human as an object and to identify the issues arising in this respect. The article emphasizes the difference in approaches to the topic of the aesthetic: the philosophy of the early 20th century with its focus on the subject that is having an aesthetic experience undergoes qualitative changes resulting in the modern 21st century thought with the establishment of non-subjective forms of appeal to the experience. Due to the deanthropologization of the aesthetic sphere in the object-oriented ontology, Harman's speculative thought needs an argument for the special status of his aesthetics. The article concludes that in the context of modernity, a new metaphysics as a "theory of everything" acts as one of the many possible strategies of the modern thought that should primarily be considered as a symptomatic phenomenon of postmodernity with its need to specify new strategies for experiencing and comprehending subjectivity and its anthropological orientation.

Keywords: subject, object-oriented ontology, Harman, Ortega y Gasset, aesthetics

Введение

Философия и гуманитарные науки сегодня встречаются с рядом вопросов о соотносительности человека с актуальными феноменами постсовременности и постглобализации. Среди них особым образом можно выделить эстетическую проблематику, в пространстве которой разворачивается множество сюжетов, связанных с конституированием смыслов в ситуации неопределенности.

Чувственность в целом и искусство в частности для философа классической эпохи выступают как сфера, в которой работа философской мысли происходит с оглядкой на более совершенные ступени познания. Баумгартен, давая первое определение эстетики как науки чувственного познания, также называет ее низшей гносеологией и искусством аналога разума (Баумгартен 2021, 40). Далее Гегель помещает за искусством более развитые этапы познания Абсолютного духа — религию и философию.

Кьеркегор продолжает выделять эстетическое, но уже как ступень человеческого существования, помещая его в контекст триады «эстетическое, этическое, религиозное», в которой последнее занимает верховенствующую позицию.

XX век характеризуется отступлением от иерархичности, свойственной предшествующим эпохам, и маркирует ситуацию, в которой пространства эстетического и философского предельно сближаются, а эстетика становится способной к созданию собственных автономных смыслов. Отражение этого можно обнаружить как в освоении философами художественного и публицистического стилей письма, так и в усилении философского измерения художественной литературы. В качестве примера также можно привести феномен русского авангарда: в своих манифестах, воззваниях, трактатах художники зачастую не ограничиваются лишь заявлением своих узкоспециализированных программ, но затрагивают и вопросы онтологического характера (Кандинский, Хлебников,

Малевич), ответить на которые призваны создаваемые ими новые формы мышления, фундаментированные творчеством, личным опытом и эстетическим переживанием. Отказ от примата познания (Хайдеггер, Сартр) актуализирует поиск форм смысловой ориентации человека в мире. Происходит осмысление и переосмысление эстетического опыта (Ортега-и-Гассет, Беньямин), опыта телесного восприятия (Мерло-Понти), обозначается тенденция отказа от посредничества в восприятии человеком как вещей в целом, так и предметов искусства в частности, а позднее и вовсе берется курс на деантропологизацию философии (Шеффер, Мейясу). Возникшая в рамках движения спекулятивного реализма объектно-ориентированная онтология продолжает тенденцию выведения антропологического компонента с переднего плана сложившейся картины мира, особым образом обращаясь к проблематике эстетического.

Объектно-ориентированная онтология: проект «теории всего»

Разработанная Грэмом Харманом в конце 1990-х годов и получившая известность с 2010-х годов объектно-ориентированная онтология нацелена на преодоление наследия философии постмодерна и постмодернизма. Харман совершает ход, который, как ему кажется, позволит это сделать — он разрабатывает «новую теорию всего», то есть теорию, обеспечивающую неограниченную область применения с той поправкой, что ее обнаружение возможно только в философии, а не в естественных науках. Действительно, в наш век рациональности, обусловленной социально-гуманитарными принципами, именно перед философскими науками поставлена задача конституирования смыслов культуры на стыке различных областей человеческого знания. Тем не менее сам концепт всеобъемлющей теории, в естественных ли науках или в философии, в современной ситуации может представляться сомнительным и устаревшим. Уход от риторики постмодерна, с его фрагментированным, децентрированным и зачастую ироничным обращением к действительности, но через возвращение к подорванному постмодерному же концепту всеобщности — задача, которую ставит перед своей теорией Харман.

В качестве основополагающих для объектно-ориентированной онтологии можно выделить следующие принципы: необходимость уделять равное внимание всем объектам (к которым

Харман относит и человека, и вещи, и события, и явления — вымышленные и реальные); отделение объектов от их качеств (что обеспечивает все наблюдаемые изменения); разделение объектов и их качеств на реальные и чувственные; возможность реальных объектов связываться друг с другом только посредством чувственных объектов.

Исходя из вышеперечисленного, философия по Харману мыслится более тяготеющей к эстетике, нежели к математике (Харман 2021, 13). Важно отметить, что понята в объектно-ориентированном ключе эстетика лишена субъективного, антропологического и тем более экстатического моментов, характерных для первой половины XX века, что приводит к вопросу о необходимости прояснения самого термина «эстетика». Если Харман оговаривает, что использует в своей теории термин «объект» не в привычном его понимании как части субъект-объектной оппозиции, то, возможно, и эстетика для него — столь же технический термин, передающий характер отношений новых объектов в новой системе координат и требующий пересмотра. Тем не менее, подчеркиваемая в разговоре об эстетическом преимуществом объектно-ориентированной онтологии языку и интуициям Х. Ортеги-и-Гассета, о которой пойдет речь ниже, призывает нас оставаться в рамках единого терминологического поля.

Обращение к опыту XX века

Выстраивая свой проект онтологии и обосновывая эстетику как «корень всякой философии», Харман обращается к ранней работе Х. Ортеги-и-Гассета «Эссе на эстетические темы в форме предисловия», называя ее одним из главнейших философских очерков, повлиявших на объектно-ориентированную онтологию. Основным интересом для Хармана представляет выдвигаемое Ортегой осмысление метафоры как той области, в которой эстетический объект дается «в элементарной форме». Ортега не сводит метафору к реальному уподоблению или позитивному сходству, скорее наоборот, он связывает силу метафоры с ее кажущимся на первый взгляд незначительным сходством с эстетическим предметом. Запускаемый метафорой механизм сначала освобождает предмет от его реального качества, а далее сообщает ему новое качество, передающее свойство прекрасного. Принимая общий ход Ортеги, Харман добавляет к нему одно из ключевых для своей онтологии положений — «глубокий раскол или напряжение между объектом и его качествами»

(Харман 2021, 75), который призван уберечь его теорию от буквализма. Дополненная и перевернутая на язык объектно-ориентированной онтологии мысль Ортеги приводит к утверждению распада в эстетическом опыте объекта и его свойств, и переноса качеств одного объекта на другой. В то время, как реальные объекты ускользают от прямого доступа к ним, то к их чувственным соответствиям доступ открыт. Разграничивая реальные и чувственные объекты, Харман вводит понятие «замещающая причинность» для обозначения того, в чем нуждаются реальные объекты для непрямого взаимодействия друг с другом, а также понятие «буферная причинность» для объектов чувственных, данных нам в опыте. Последняя призвана обеспечивать устойчивые связи, необходимые для дифференциации получаемого опыта (Харман 2012).

Что же в таком случае, согласно объектно-ориентированной онтологии, происходит в эстетической сфере? Реальному объекту эстетического, которым выступает художественное произведение, отказано в прямой данности восприятию и мышлению, художественное произведение также не присутствует и в метафоре. Единственный реальный объект, который «никогда не исчезает из нашего опыта» (Харман 2021, 82), — это мы сами. И мы сами, как реальные объекты, замещаем тот реальный объект, которым является художественное произведение. Таким образом, метафора выступает посредником в замещении одного реального объекта другим. Процедура замещения интенсифицирует наши переживания и, соответственно, может служить индикатором подлинного эстетического опыта. Важно отметить, что для Хармана понятие метафоры не применимо к научным и дискурсивным практикам, что утверждает особый статус чувственной компоненты переживания для объектно-ориентированной онтологии.

Помимо размышлений о метафоре, важно отметить еще один ход Ортеги из вышеупомянутого эссе, оказавший большое влияние на мысль Хармана, назвавшем его «по-настоящему радикальным»: «То же отличие, что между болью, о которой мне говорят, и болью, которую я чувствую, существует между красным цветом кожи, увиденным мною, и бытием красной кожи для этой шкатулки. Для нее быть красной означает то же, что для меня — чувствовать боль. Как есть “я” — имярек, так есть “я” — красный, “я” — вода, “я” — звезда. Все увиденное изнутри самого себя есть “я”» (Ортега-и-Гассет 1991, 99).

Искусство, исходя из этого, видится Ортегой таким языком, который не рассказывает о вещах, но представляет их осуществляющимися. А эстетический объект — это «любой предмет, превращенный в «я»» (Ортега-и-Гассет 1991, 103). Субъективность, проживаемая в опыте «я», таким образом выступает почвой для самого эстетического опыта как возможности свидетельствовать осуществлению вещей изнутри них самих. Собирая воедино данную актуализацию проблематики кантовских ноуменов (Харман 2021, 74) с предложенным Ортегой пониманием механизма метафоры, Харман приходит к формулированию своей стратегии взаимодействия с эстетическими объектами — стратегии замещения. Но теперь «я», проживаемое субъективно у Ортеги, полагается в качестве объекта, равного всякому другому объекту в универсуме объектно-ориентированной онтологии.

Харман сравнивает стратегию замещения с методом К. С. Станиславского в актерском мастерстве (Харман 2021, 83) и идет дальше, выдвигая гипотезу театра как первоискусства, а маски — как первого предмета искусства, не дошедшего до нас в силу хрупкости используемых для ее изготовления материалов. Вполне уместно, продолжая театральную метафору, обратиться к тематике спектакля (Ги Дебор). Недоступные для непосредственного доступа реальные объекты вместе с доступными чувственными объектами и качествами разыгрывают спектакль, в котором зрители то и дело замещают актеров, а актеры — зрителей. Здесь важно вновь отметить специфику объектно-ориентированного обращения к театральности. «Спектакль» первой половине XX века отличается как от архаического, так и от современного деантропологизирующего его прочтения: если в первом случае проживание осуществляется субъективно, через «Я», то в двух других имеет смысл говорить о некоей иммерсивности опыта и произвольности взаимного замещения его компонентов.

Заключение

Эстетика объектно-ориентированной онтологии прочерчивает путь от субъекта-свидетеля к объекту-заместителю. Пристальное внимание к различиям в осмыслении темы метафоры позволяет обозначить проблемные точки современной стратегии обращения к эстетическому. Харман приглашает нас оказаться в мире, принципиально отличном от того, в котором происходит рефлексия субъекта

Ортеги, стоящего на пороге надвигающейся глобализации. Как свидетель, он [Ортега] осознает разворачивающийся перед ним кризис и лишь предполагает его развитие. Тем не менее, стоит помнить, что, во-первых, данный кризис полагается им в социальной, культурной, эстетической и этической сферах, и тревога за будущее не переносится в сферу онтологического. Во-вторых, Ортега-и-Гассет, предполагая ход развития европейской цивилизации, все же удерживает субъективность сохранной как субъективность человеческую, пусть и в напряжении таких пар как «масса – избранные» («Восстание масс») или «люди выдающиеся – люди заурядные» («Уходящий аромат культуры»). Но сама массовая культура и следующие за ней явления глобализации и пост-глобализации не исчерпываются сценариями начала XX века. Рассматриваемая стратегия объектно-ориентированной онтологии ведет по другому пути: посредники субъекта в его свидетельствовании и восприятии мира (чувственная способность Канта, аура воспринимаемых произведений Беньямина, культурная память Ортеги) нивелируются, а сама субъективность уплощается и уравнивается со всем остальным в мире. Оставшаяся после такой процедуры чувственность, встречаясь с объектами опыта обеспечивает ставшему объектом «Я» перетекание от одного замещения эстетического предмета к следующему замещению, а также аффицирование такими замещениями.

Уход в эстетическое таким образом, как его предлагает Харман, деантропологизирован, даже если не в смысле полного уничтожения человека, то в смысле участия человека как лишь

компонента, равнозначного всем остальным. «Человек сплетен с миром, но это не значит, что человек как зритель с ним связан» (Шавлохова, Шенталь 2016).

Этот не в полной мере снятый антропологический компонент оставляет пространство для ряда вопросов. Может ли возникнуть на маргиналиях подобной «теории всего» некая новая субъективность: станет ли сплетенный с миром объект, бывший некогда субъектом, требовать для себя какого-то особого статуса? Можно ли пресытиться замещением в переполненном эстетическими объектами мире?

Все же Хармана подобные вопросы интересуют мало, после объявления масштабного проекта объектно-ориентированной онтологии философ достаточно быстро переключается на работу преимущественно в сфере современной эстетики и арт-критики, применяя свою теорию для обращения к предметам искусства от литературных произведений до памятников архитектуры. Сам же ранее заявленный проект новой метафизики, включая собственные противоречия и недосказанности, сегодня звучит одним из голосов в полифонии современных стратегий осмысления человека и мира.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Баумгартен, А. Г. (2021) *Эстетика*. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 760 с.
 Ортега-и-Гассет, Х. (1991) *Эстетика. Философия культуры*. М.: Искусство, 588 с.
 Харман, Г. (2012) О замещающей причинности. *Новое литературное обозрение*, № 2 (114), с. 75–90.
 Харман, Г. (2021) *Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»*. М.: Ад Маргинем Пресс, 272 с.
 Шавлохова, А., Шенталь, А. (2016) Грэм Харман: «За эстетикой — будущее философии». *Colta*, 24 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/HAR-30> (дата обращения 15.01.2022).

References

- Baumgarten, A. G. (2021) *Estetika [Aesthetica]*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 760 p. (In Russian)
 Harman, G. (2012) O zameshchayushchej prichinnosti [On substituting causation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (114), pp. 75–90. (In Russian)
 Harman, G. (2021) *Ob'ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego" [Object-oriented ontology: A new theory of everything]*. Moscow: Ad Marginem Press, 272 p. (In Russian)
 Ortega y Gasset, J. (1991) *Estetika. Filosofiya kul'tury [Aesthetics. Philosophy of Culture]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 588 p. (In Russian)
 Shavlokhova, A., Shental, A. (2016) Grem Kharman: "Za estetikoj — budushchee filosofii" [Graham Harman: "Behind aesthetics—the future of philosophy"]. *Colta*, 24 August. [Online]. Available at: <https://philpapers.org/rec/HAR-30> (accessed 15.01.2022). (In Russian)

Сведения об авторе

Анастасия Сергеевна Шевченкова

ResearcherID: [HHM-4452-2022](#), ORCID: [0000-0002-9876-7909](#), e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com

Ассистент кафедры философской антропологии и истории философии

Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Anastasia S. Shevchenkova

ResearcherID: [HHM-4452-2022](#), ORCID: [0000-0002-9876-7909](#), e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com

Assistant Professor, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Словарь культуры

УДК 791.43

EDN IAHNTDC

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-55-65>

Генезис кинематографа: от первобытности до начала XX века

О. А. Янутш^{✉1,2}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой,
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, д. 2

Для цитирования:

Янутш, О. А.
(2023) Генезис кинематографа:
от первобытности до начала XX века.
Журнал интегративных
исследований культуры, т. 5, № 1,
с. 55–65. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-55-65> EDN IAHNTDC

Получена 15 июня 2023; принята
21 июня 2023.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © О. А. Янутш (2023).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Если говорить о кинематографе не с технологической, а с онтологической точки зрения, то ни определить точное время его возникновения, ни указать конкретных создателей не получится. Данная статья направлена на выявление и анализ наиболее устойчивых свойств, внутренне определивших сущность кинематографа в процессе его генезиса как специфического феномена культуры. Были рассмотрены три основные составляющие. Во-первых, — практики членения движения на отдельные фазы и их последующая сборка. При этом подчеркивается, что наиболее значимым являлось не совершенствование технологий воспроизведения естественного движения, а художественное осмысление потенциала конструирования совершенно разных образов движения. Во-вторых, — процедуры чтения изображений, формировавшиеся на протяжении многих веков и базирующиеся на опыте суммирования зрительных впечатлений. В кинематографе в равной степени используется и представление готового результата суммирования, произведенного автором, и предоставление зрителю отдельных импульсов, суммировать которые предстоит ему самостоятельно. Наконец, — особый характер взаимодействия между экраном и зрителем, базирующийся на ценности ощущения реальности виртуального. Независимо от того, осуществляется ли просмотр коллективно (в кинозале), или индивидуально (на компьютере), на большом экране или на экране смартфона, ключевым моментом является со-бытие зрителя и фильма в условиях и контексте привычной реальности. В результате было показано, что своими корнями кинематограф уходит в глубокую древность, а как отдельный вид искусства оформляется лишь спустя примерно 10–15 лет после его технического изобретения братьями Люмьер.

Ключевые слова: генезис, кинематограф, первобытное искусство, иконопись, суммирование зрительного впечатления, со-бытие

The genesis of cinema: From primitive societies to the early 20th century

O. A. Yanutsh^{✉1,2}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Vaganova Ballet Academy, 2 Zodchego Rossi Str., Saint Petersburg 191023, Russia

For citation:

Yanutsh, O. A.
(2023) The genesis of cinema: From primitive societies to the early 20th century. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 55–65. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-55-65> EDN IAHTDC

Received 15 June 2023; accepted 21 June 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. A. Yanutsh (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. If we take an ontological instead of a technological perspective on cinema, it will be impossible to either determine the exact time of its origin or to specify individual creators. This article aims to identify and analyze the most stable properties that internally determined the essence of cinema during its genesis as a specific cultural phenomenon. In particular, the article focuses on three main components. First, the practice of dividing movement into separate phases and their subsequent assembly. It is emphasized that it was not the improvement of technologies for reproducing natural movement that was crucial, but the artistic understanding of the potential for constructing completely different images of movement. Second, procedures for reading images that have been formed over many centuries and are based on the experience of summing up visual impressions. Cinema uses the result of summation produced by the author and presents individual impulses to the viewer, which they will have to sum up on their own. Finally, a special nature of the interaction between the screen and the viewer based on the value of feeling the reality of the virtual. Regardless of whether the viewing is collective (in a cinema hall) or individual (on a computer), whether it takes place on a large screen or on a smartphone, the key point is the co-existence of the viewer and the film in the conditions and context of familiar reality. As a result, it was shown that cinema is rooted in ancient times and its formation as a separate art form happened only 10–15 years after its technical invention by the Lumiere brothers.

Keywords: genesis, cinematography, primitive art, iconography, summation of visual impressions, co-existence

В водной статье к хрестоматийной работе Ж. Садуля «Всеобщая история кино», С. Юткевич, перечисляя различные приемы и технологии создания движущихся изображений (от оптических аппаратов, изобретенных жрецами в Древнем Египте, до «волшебных фонарей»), отмечает, что «кинематографии так долго отказывали в праве называться искусством, что вполне оправданными кажутся сейчас поиски доказательств ее “благородного происхождения”» (Юткевич 1958, 6).

Уже в середине XX века эти поиски привели исследователей к мысли о том, что первые опыты анализа и воссоздания различных моментов (фаз) движения в рисунке относятся еще к первобытности (Иванов-Вано 1950). С начала 1990-х годов эту тему активно разрабатывает французский археолог Марк Азема. Проанализировав несколько десятков изображений из разных пещер, он пришел к выводу о том, что наложение изображений являлось не просто способом передачи *идеи движения*, а было,

по сути, прототипом покадровой анимации — в колеблющемся свете факелов возникала непосредственная *иллюзия движения* данных изображений (рис. 1).

Также было высказано предположение и о том, что по крайней мере некоторые костяные диски мадленской культуры, обнаруженные во Франции еще в конце XIX века (рис. 2), могли быть оптическими игрушками аналогичными тауматропу (рис. 3), изобретенному лишь в 1820-х годах (Azéma, Rivère 2013).

К аналогичным выводам в 2022 году пришла и группа британских ученых. Применив для исследования гравированных табличек из Монтаструка (мадленская культура) методы 3D-моделирования, моделирования виртуальной реальности и экспериментальной археологии, также пришла к выводу о том, что, вероятно, подобные таблички располагали вблизи костра, в блуждающем свете которого изображения приобретали «динамичный и живой вид» (Needham et al. 2022).

Рис. 1. Изображение бизона с мультиплицированными ногами из пещеры Шове, Франция, ориньякская культура (Источник: <https://stylishbag.ru/3-foto/naskalnye-risunki-peschery-shove-90-foto.html>)

Fig. 1. A bison with multiplied legs from the Chauvet cave, France, Aurignacian culture (URL: <https://stylishbag.ru/3-foto/naskalnye-risunki-peschery-shove-90-foto.html>)

Рис. 2. Костяной диск с изображением серны, лицевая и оборотная сторона, Франция, мадленская культура (Источник: <https://donsmaps.com/discs.html>)

Fig. 2. A bone disk with the image of a chamois, obverse and reverse, France, Madeleine culture (URL: <https://donsmaps.com/discs.html>)

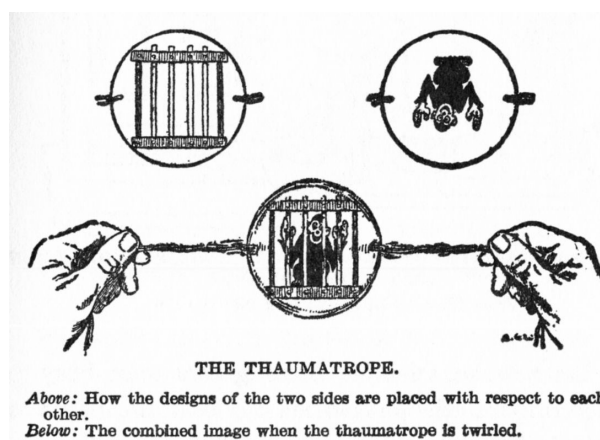

Рис. 3. «Тауматроп» с описанием принципа работы (иллюстрация XIX века) (Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/311100286737071438/>)

Fig. 3. A thaumatrope with the description of its operation principle (19th century illustration) (URL: <https://ru.pinterest.com/pin/311100286737071438/>)

Однако дело не только в поиске исторических «прототипов» кинематографа. Стоит отметить, что даже после его «официального изобретения» братьями Люмьер, вопрос о признании кино как искусства оставался весьма дискуссионным на протяжении нескольких десятилетий. В худшем случае, оно воспринималось как аттракцион, бестолковая забава, в лучшем — как нечто, чему еще только предстоит превратиться в истинное искусство (прежде всего, склоняясь в глубоком уважении перед завоеваниями искусства старого): «кинематограф — не враг театра, а именно детище его. Пусть это — блудный сын искусства, но в жертву для него театр отдаст свое лучшее достояние, раз простираться к нему молящие, слабые руки» (От редакции 1912). Теория кино как принципиально специфичного и самоценного вида искусства, отличного от всего, существовавшего ранее, начинает активно развиваться в 1920-х годах, однако «институционализована (например, включена в университетские программы) эта дисциплина была только после Второй мировой войны» (Эльзессер, Хагенер 2016, 17).

Другими словами, если говорить о кинематографе не с технологической, а с онтологической точки зрения, то, как и в случае с большинством значимых культурных феноменов, ни определить точное время его возникновения, ни указать конкретных создателей не получится. Цель данной статьи — рассмотреть наиболее устойчивые свойства, внутренне определивших сущность данного феномена в процессе его генезиса.

Первое из них, о котором немного уже было сказано выше, связано с самой природой «движущихся картин» и обусловлено представлени-

ем о движении как о совокупности статичных фаз. От интуиции первобытных художников, через научные поиски мыслителей и философов древнего мира и Античности, до научных экспериментов середины XIX века в сфере оптики, генезис кинематографа определялся поиском необходимого и достаточного количества фрагментов, на которые должно быть разделено естественное действие для возможности его последующего воссоздания. Однако своего апогея эта идея достигает не тогда, когда удается добиться «натурализма» — это получилось сделать уже в многочисленных оптических игрушках XIX века (фенакистископе, зоотропе, праксиноскопе и проч.), и кинематограф в этом отношении был лишь «научной новинкой» (Садуль 1958, 223). Действительным закреплением идеи дробления и последующей фиксации движения-времени как основы киноязыка, вероятно, следует признать появление экспериментов, связанных как раз с нарушением его естественного течения, возможности управления им в художественных целях.

В качестве примеров здесь можно вспомнить фильмы Ж. Мельеса (которого Ж. Садуль считал подлинным изобретателем кино как нового типа зрелища), активное использование рапида французскими киноимпрессионистами (Ж. Дюлак, Ж. Эпштейн и др.), создание С. Эйзенштейном монтажных тропов с помощью абсолютно статичных кадров (см., напр., склейку кадров со скульптурами льва в «Броненосце Потемкине» (рис. 4)) и использование стоп-кадров в целом (см., напр., фильмы Ф. Трюффо), использование обратной съемки и других технологий создания реверсивного движения в кадре (Ж. Кокто, О. Липский, К. Нолана и др.) и многое другое.

Рис. 4. Последовательность трех кадров из фильма С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», 1925 г. (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=GmUef84ybXk>)

Fig. 4. A sequence of three frames from S. Eisenstein's film Battleship Potemkin, 1925 (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GmUef84ybXk>)

Второе свойство связано с тем, что Б. А. Успенский называл «суммированием зрительного впечатления». В работе, посвященной изучению семиотики иконы, он указывает на существование двух принципов, использовавшихся в искусстве для передачи движения с древнейших времен. Первый заключается в совмещении в одном изображении различных стадий движущейся фигуры (рис. 5) или разных точек зрения на предмет (например, снаружи и внутри (рис. 6)). В этом случае, нам «представлены в произведении *результаты суммирования*. При этом... происходят определенные деформации изображаемого объекта» (Успенский 1995, 264).

Каким образом этот принцип работает в кино? Если вынести за скобки разного рода спецэффекты (включая такие, как, например, «Вертиго»), то наиболее показательным приемом можно считать использование полиэкрана. Начиная с 1910-х годов его применяли для объеди-

нения на экране событий, происходящих в одно и то же время в разных локациях, или, буквально, снаружи и внутри одного и того же помещения (А. Блом, Л. Вебер) (рис. 7–8).

В фильме А. Ганса «Наполеон» (1927 г.) полиэкранный используется уже несколько иначе, суммируя элементы не внешнего, а внутреннего мира героя — движения его мысли, комплекс ощущений, субъективное восприятие реальности (рис. 9).

В дальнейшем, и логика, и цели использования полиэкрана значительно менялись (ср., напр., фильмы «Милый сэр», реж. С. Донен, 1958 г., «Таймкод», реж. М. Фиггис, 2000 г. и «Чемоданы Тульса Люпера», реж. П. Гринуэй, 2003–2004 гг.). Однако в основе его восприятия лежат все те же процедуры чтения изображений, формировавшиеся на протяжении многих веков.

Другой принцип суммирования, выделенный Б. А. Успенским, заключается в том, что «худож-

Рис. 5. Пророк Михей. Миниатюра из рукописи Ветхого Завета IX века. Формы «кручения» фигуры как результат суммирования зрительного впечатления для передачи движения (Успенский 1995)

Fig. 5. The Prophet Micah. A miniature from the 9th century manuscript of Old Testament. The 'torsion' of a figure as a result of summing up visual impressions to convey movement (Uspenskij 1995)

Рис. 6. Положение Праскевы Пятницы во гроб, клейма иконы «Праскева Пятница в житии». Совмещение «внешней» и «внутренней» позиции при передаче интерьера (Успенский 1995)

Fig. 6. The position of Praskveva Friday in the coffin, the fragment of the icon Praskveva Friday in Life. Combining the 'external' and 'internal' positions to depict the interior (Uspenskij 1995)

Рис. 7. Полиэкранный кадр из фильма А. Блома «Торговля белыми рабынями», 1910 г. (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=olKjmTyqSTI&t=327s>)

Fig. 7. A multi-screen shot from A. Blom's film Den Hvide Slavehandel, 1910 (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=olKjmTyqSTI&t=327s>)

Рис. 8. Полиэкранный кадр из фильма Л. Вебер «Саспенс», 1913 г.
(Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=OH23rFRI5kc>)

Fig. 8. A multi-screen shot from L. Weber's film *Suspense*, 1913
(URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OH23rFRI5kc>)

Рис. 9. Полиэкранный кадр из фильма А. Ганса «Наполеон», 1927 г.
(Источник: <https://yandex.ru/video/preview/15336126098848004515>)

Fig. 9. A multi-screen shot from A. Gance's film *Napoléon*, 1927
(URL: <https://yandex.ru/video/preview/15336126098848004515>)

ник стремится передать не результаты суммирования, но *непосредственно зрительные впечатления* — и нам (зрителю) самим предоставляется их суммировать» (Успенский 1995, 266). Как и в искусстве древнейшего и древнего мира, «время здесь вводится в живописное произведение приемом чисто кинематографическим, т. е. расчленением непрерывного движения на отдельные фиксированные элементы покоя» (Успенский 1995, 268), которые совмещаются в пределах одного полотна (рис. 10).

В отличие от концепций М. Азема и британских исследователей первобытного искусства, о которых шла речь в начале статьи, никакой игры света и создания *иллюзии движения* здесь не подразумевается. Речь идет исключительно о когнитивных способностях самого человека. Аналогичный принцип синтеза изображений, не на уровне оптики восприятия, а на уровне работы сознания, использовался в искусстве и Древнего Египта, и Античности.

Рис. 10. Усекновение главы Иоанна Предтечи (XV век). Временная последовательность передается удвоением изображения, суммирующимся в сознании зрителя (Успенский 1995)

Fig. 10. Beheading of John the Baptist (15th century). The time sequence is transmitted by doubling the image, summed up in the viewer's mind (Uspenskij 1995)

Рис. 11. Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», 1925 г. (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=GmUef84ybXk>)

Fig. 11. A frame from S. Eisenstein's film Battleship Potemkin, 1925 (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GmUef84ybXk>)

Конечно, в кино этот принцип работает совершенно на другом уровне, однако можно утверждать, что суммирование образов в сознании реципиента — один из ключевых факторов, обеспечивающих возможность существования кинематографа как искусства (рис. 11). И формируется он также на основе указанной (многовековой) практики чтения различных изобразительных рядов. В теории и практике кинематографа данный принцип получил наиболее целостное и системное воплощение уже в киноэкспериментах 1920-х годов в сфере неповествовательной драматургии (В. Эггелинг, Х. Рихтер, В. Руттман), «монтаже аттракционов» С. Эйзенштейна, «эффekte Кулешова» и проч. Хотя в дальнейшем многие режиссеры и исследователи кинематографа критиковали эти концепции, сама идея примата синтезирующей работы сознания зрителя в процессе сборки значения и смыслов киноизображения сохраняется до сих пор в работах авторов, представляющих самые разные творческие направления и научные школы.

Наконец, еще одно свойство, на котором хотелось бы остановиться в данной статье — особый характер взаимодействия между экраном и зрителем. Особенности кинематографического пространства, одновременно физическое и дискурсивное, а также различные способы

подобного взаимодействия, подробно рассмотрены в книге Т. Эльзессера и М. Хагенера «Теория кино. Глаз, эмоции, тело» (Эльзессер, Хагенер 2016). Поэтому остановимся только на одном моменте, представляющемся наиболее значимым с точки зрения генезиса кино.

По-видимому, независимо от того, осуществляется ли просмотр коллективно (в кинозале), или индивидуально (на компьютере), на большом экране или на экране смартфона, ключевым моментом является со-бытие зрителя и фильма (воспроизводимого и, соответственно, наблюдаемого изображения) в условиях и контексте привычной реальности. Бинарное состояние, при котором периферическое зрение поставляет сигналы, позволяющие индивиду локализовать свое пребывание в знакомых и безопасных локациях, тогда как чувства, сознание, разум получают возможность контакта с реальностью альтернативной, продуцирует уникальный опыт переживания.

От сакральных практик первобытности через использование сложных проекций, создававшихся «волшебными фонарями» в фантазмагориях XVIII–XIX веков к современному кинопотреблению прослеживается общая тенденция — это встреча Я и Другого как равноценных и автономных сущностей (рис. 12).

Рис. 12. Фантазмагория Робертсона (Этьен-Гаспар Робера), Париж, 1797 г.

(Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/%C3%89tienne-Gaspard_Robert#/media/File:Fantasmagorie_de_Robertson.tif)

Fig. 12. Robertson (Étienne-Gaspard Robert)'s Phantasmagoria, Paris, 1797 (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/%C3%89tienne-Gaspard_Robert#/media/File:Fantasmagorie_de_Robertson.tif)

Современная, хотя пока и довольно короткая, история взлета и падения технологии VR (так же, как и провал попыток создания метавселенной) показывает, что возможность переживать *ощущение реальности виртуального* оказывается для зрителя более привлекательной, чем погружение в виртуальную реальность как таковую. Возможно, в будущем что-то изменится, но, вероятно, это будет уже совсем другая история.

Зрителей поражало то, как на заднем плане в фильмах братьев Люмьер, колышутся ветром листья или идет дым от погружения кузнецом раскаленного меча в воду. Совокупность подобных мелких деталей обеспечивала такую степень доверия происходящему, которую не могли обеспечить ни классические театральные постановки, ни фильмы У. Диксона, созда-

вавшиеся в лаборатории Т. Эдисона еще за несколько лет до «изобретения кино» братьями Люмьер, но, в силу технических особенностей, использовавшие театральные, по своей сути, декорации и построение мизансцен (рис. 13).

Окончательный же разрыв с театром произошел еще спустя полтора десятилетия, когда был осмыслен потенциал смены планов различной крупности в целом, а камера получила возможность двигаться и перемещаться в пространстве.

Таким образом, генезис кинематографа уходит корнями в глубокую древность, а его верхней гранью оказываются 1910–1920-е годы, когда три ключевые факторы-причины совпали в одном месте и в одно время и обусловили сущностное рождение этого удивительного феномена культуры — кино.

Рис. 13. Кадры из фильма «Кузнецы» Эдисона, 1893 (слева, Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=EG8M8neRQB0>) и «Кузнецы» Л. Люмьера, 1895 (справа, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3IBitXkYoik>)

Fig. 13. Shots from Edison's film *Blacksmith Scene*, 1893 (on the left, Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=EG8M8neRQB0>) and L. Lumière's *Les Forgerons* (*The Blacksmiths*), 1895 (on the right, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3IBitXkYoik>)

Литература

- Иванов-Вано, И. П. (1950) *Рисованный фильм*. М.: Госкиноиздат, 87 с.
От редакции. (1912) *Вестник кинематографии*, № 41, с. 1–2.
Садуль, Ж. (1958) *Всеобщая история кино. Т. 1*. М.: Искусство, 610 с.
Успенский, Б. А. (1995) Семиотика иконы. В кн.: *Семиотика искусства*. М.: Школа «Языки русской культуры», с. 221–294.
Эльзессер, Т., Хагенер, М. (2016) *Теория кино. Глаз, эмоции тело*. СПб.: Сеанс, 440 с.
Юткевич, С. (1958) Жорж Садуль и его всеобщая история кино. В кн.: Ж. Садуль. *Всеобщая история кино. Т. 1*. М.: Искусство, с. 5–23.
Azéma, M., Rivère, F. (2013) L'animation dans l'art paléolithique: observations récentes. In: J. Clottes (ed.). *L'art pléistocène dans le monde. Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010*. [S. l.]: Société Préhistorique Ariège-Pyrénées Publ., pp. 57–73. <https://doi.org/10.4000/palethnologie.2078>
Needham, A., Wisher, I., Langley, A. et al. (2022) Art by firelight? Using experimental and digital techniques to explore Magdalenian engraved plaquette use at Montastruc (France). *PLoS ONE*, vol. 17, no. 4, article e0266146. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0266146>

References

- Azéma, M., Rivère, F. (2013) L'animation dans l'art paléolithique: observations récentes. In: J. Clottes (ed.). *L'art pléistocène dans le monde. Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010*. [S. l.]: Société Préhistorique Ariège-Pyrénées Publ., pp. 57–73. <https://doi.org/10.4000/palethnologie.2078> (In French)
- Elsaesser, T., Hagener, M. (2016) *Teoriya kino. Glaz, emotsii telo [Film theory. An introduction through the senses]*. Saint Petersburg: Seans Publ., 440 p. (In Russian)
- Ivanov-Vano, I. P. (1950) *Risovannyj fil'm [Hand-drawn film]*. Moscow: Goskinoizdat Publ., 87 p. (In Russian)
- Needham, A., Wisher, I., Langley, A. et al. (2022) Art by firelight? Using experimental and digital techniques to explore Magdalenian engraved plaquette use at Montastruc (France). *PLoS ONE*, vol. 17, no. 4, article e0266146. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0266146> (In English)
- Ot redaksii [From editorial board]. (1912) *Vestnik kinematografii*, no. 41, pp. 1–2. (In Russian)
- Sadoul, G. (1958) *Vseobshchaya istoriya kino. T. 1 [General history of cinema. Vol. 1]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 610 p. (In Russian)
- Uspenskij, B. A. (1995) Semiotika ikony [Semiotics of Icons]. In: *Semiotika iskusstva [Semiotics of Art]*. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul'tury” Publ., pp. 221–294. (In Russian)
- Yutkevich, S. (1958) Zhorzh Sadul' i ego vseobshchaya istoriya kino [Georges Sadoul and his general history of cinema]. In: G. Sadoul. *Vseobshchaya istoriya kino. T. 1 [General history of cinema. Vol. 1]*. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 5–23. (In Russian)

Сведения об авторе

Ольга Александровна Янутш

Scopus Author ID: 57203757914, Researcher ID: G-8860-2018, ORCID: 0000-0003-2922-2320, e-mail: yanutsh@gmail.com

Доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент кафедры философии, истории и теории искусства Академии русского балета имени А. Я. Вагановой

Author

Olga A. Yanutsh

Scopus Author ID: 57203757914, Researcher ID: G-8860-2018, ORCID: 0000-0003-2922-2320, e-mail: yanutsh@gmail.com

Doctor of Science (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia; Associate Professor, Department of Philosophy, History and Theory of Art, Vaganova Ballet Academy

Публикации и переводы

УДК 72.035(410.1)

EDN JBIOIC

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-66-88>

Противопоставления, или Параллель между Благодородными
Постройками Средних Веков и соответствующими зданиями
наших дней, показывающая нынешний упадок вкуса.
В сопровождении подобающего текста.
Написано О. Уэлби Пьюджином, архитектором. Глава 3–5

О. У. Пьюджин

Перевод: В. В. Дегтярев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Пьюджин, О. У. Н. (2023) Противопоставления, или Параллель между Благодородными Постройками Средних Веков и соответствующими зданиями наших дней, показывающая нынешний упадок вкуса. В сопровождении подобающего текста. Написано О. Уэлби Пьюджином, архитектором. Глава 3–5 (Перевод В. В. Дегтярева). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 1, с. 66–88. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-66-88> EDN JBIOIC

Получена 29 марта 2023; **принята** 4 апреля 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. В. Дегтярев (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Contrasts: Or, A Parallel Between the Noble Edifices of the Middle
Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day, Shewing
the Present Decay of Taste. Accompanied by appropriate Text.
By A. Welby Pugin, Architect. Chapter 3–5

Augustus Welby Northmore Pugin

Translated by: V. V. Degtyarev^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Pugin, A. W. N. (2023) Contrasts: Or, A Parallel Between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day, Shewing the Present Decay of Taste. Accompanied by appropriate Text. By A. Welby Pugin, Architect. Chapter 3–5 (Translated by V. V. Degtyarev). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 66–88. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-66-88> EDN JBIOIC

Received 29 March 2023; **accepted** 4 April 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. V. Degtyarev (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Перевод выполнен по изданию: Pugin, A. W. (1841) *Contrasts: Or, a Parallel between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day; Shewing the Present Decay of Taste*. London: Charles Dolman Publ., 194 p.

Глава III.

О протестантском начале и грабеже
и разрушении церквей при Генрихе
Восьмом.

I sing the deeds of great King Harry,
Of Ned his son and daughter Mary;
The old Religion's alteration,
And the establishment's first foundation;
And how the King became its head,
How abbeys fell, what blood was shed,
Of rapine, sacrilege, theft
And Church of gold and land bereft.

(Пою дела великого короля Гарри,
Его сына Неда и дочери Мэри;
Изменение старой религии,
И основание утвержденной веры;
И как король стал ее главой,
Как пали аббатства, как пролилась кровь,
О насилии, святотатстве, воровстве
И о церкви, лишенной золота и земли).

Происхождение того, что в нашей стране обычно называется Реформацией, известно слишком хорошо, чтобы много распространяться об этом предмете; однако требуется сказать несколько слов, дабы разъяснить возрастание Протестантской или разрушительной доктрины.

Король Генрих восьмой, обнаружив тщетными все надежды на утверждение Понтификом его противозаконного развода, вознамерился освободиться от духовной узды Апостольского престола; и ради этого сделал так, чтобы его объявили высшим главой Английской Церкви. Этот самонадеянный и нечестивый шаг еще сильнее разжег негодование тех, у кого достало постоянства и твердости предпочесть интересы религии воле тирана, в коем воплотились несправедливость и нечестие мирянина, возжелавшего возглавить Христианскую Церковь.

Их возражения не принесли плода, и тяжкие гонения обрушились на тех, кто смело сопротивлялся этому неслыханному и опасному нововведению; и среди бесчисленных жертв этих событий довольно лишь назвать имена благочестивых и ученых епископа Фишера, Томаса Мора и аббата Уайтинга, чтобы показать всю несправедливость и жестокость сего безжалостного тирана.

Король же, когда утвердился в своем новом достоинстве, осыпав золотым дождем тех, кто был настолько низок, чтобы покориться его воле, и грозя плахой и виселицей каждому, кто

смел противиться его бесчинствам, нашел необходимым пополнить свои сундуки, и обеспечить сотрудничество, потребное для продолжения своих святотатственных затей.

Шаг, им предпринятый, означал полный переворот в религии и проложил дорогу всем тем бедствиям, что вскорости последовали одно за другим.

Со времени обращения этой страны в Христианскую веру, благочестивые и благородные личности всегда находили в себе рвение для устройства и содержания большого числа религиозных заведений; трудам же их насельников мы обязаны не только сохранением и развитием литературы и науки, но самим замыслом и, частично, исполнением как самих великих церковных зданий, так и изысканных и драгоценных изделий, некогда их наполнявших.

Неослабевающему рвению и трудолюбию этих людей, отрешившихся таким образом от всех земных забот, и приобретших чрез это возможность посвятить жизни свои изучению всего возвышенного и восхитительного, церкви их возрастали в великолепии; их сакристы были заполнены священными сосудами и роскошными облачениями, ценность материалов которых затмевалась лишь изысканностью форм, в кои они были воплощены; полки же их книгохранилищ ломались под тяжестью множества огромных томов, самый скромный из коих стоил мастерам многих годов упорного труда.

Можно было бы бесконечно распространяться о тех благах, доставляемых этими великолепными заведениями; довольно будет сказать, что через их безграничное милосердие и гостеприимство бедные были полностью обеспечены заботой.

Там находилось место, как для назидания юношества, так и для отдохновения старцев; и те великие успехи, кои достигли монашеские общины во всех родах искусств и наук, показывают, какое применение они находили времени, не посвященному богослужениям и отправлению непосредственных обязанностей, налагаемых орденом.

Для монарха же, не почитавшего ни святости, ни искусства, эти заведения были не более чем вызовом его алчности, и верный способ пополнения истощенной сокровищницы; и безотнositельно последствий столь святотатственного поступка, он продолжал пользоваться той властью, что давало ему новоприобретенное главенство, обратив себе на пользу и заставив служить своим целям земли, посвященные Господу древним благочестием и столь долгое

время служившие поддержкой верующих, ученых и бедных.

Он осуществил эту перемену самым искусным образом, назначив уполномоченных для предполагаемого исправления церковных злоупотреблений; в действительности же для завершения полного ниспровержения домов веры, облыжно обвинив их в неподчинении и подвергнув казни всех, кто противился его намерениям, как отрицающих высшую власть короля.

Такими мерами он добился парламентского акта о закрытии всех заведений, чьи доходы составляли не более 300 марок в год.

Эта чудовищное постановление, согласно которому были распущены 376 монастырей и огромное число верующих рассеяны за границей, предполагалось лишь как прелюдия к тому, которое вскоре последовало, и предписывало не что иное, как полное закрытие больших аббатств, а также множества колледжей, больниц и часовен, о чем Бейкер в своей «Хронике» приводит точные цифры: монастырей — 645, колледжей — 90, 100 больниц для бедных и 2374 часовни. Все земли, принадлежавшие этим заведениям, в совокупности со всевозможной церковной утварью огромной ценности, были присвоены этим алчным и нечестивым тираном и обращены к его пользе, в то время как законные владельцы остались обездоленными.

Эти действия могут считаться окончательным ударом, нанесенным церковной Архитектуре Англии, и с этого времени мы можем лишь следить за печальной чередой разрушений и уродований, либо полностью уничтоживших прекраснейшие постройки Средних Веков, либо настолько лишивших их первоначальных красот, что оставшееся способно только возбудить сожаление о том, что навсегда утрачено для нас.

С истреблением и рассеянием верующих все здания, строившиеся в то время, были, разумеется, немедленно остановлены строительством; многие из бывших обитателей оных бежали искать убежища в чужих краях, где древняя вера оставалась пока ненарушенной; оставшиеся же, ввергнутые в нищету, сделались униженными просителями милосердия, каковое прежде столь щедро расточали на других; со слезами и горькими сетованиями наблюдали они как здания, вобравшие в себя столь много труда и заботы, передаются в руки алчных придворных прихлебателей то по игре случая, то как награда за пресмыкательства.

Они видели, как сдирают свинец с крыш и шпилей их почтенных церквей, ради удовлетворения расточительной роскоши распутного

двора; и вся прекрасная и драгоценная утварь, заключающая в себе реликвии почивших святых или веками служившая для торжественнейших обрядов церкви, исчезает в огне плавильного горна, превращаясь в простой металл.

Их библиотеки были разорены, их архивы уничтожены; самые останки их славных покойников были выброшены из могил с варварской бесцеремонностью.

Все это случилось столь быстро, что многие здания оказались снесены, пока раствор, скрепляющий камни, еще не затвердел; и многие каменщики, чьи не знающие усталости резцы создавали прекрасные формы, собственными глазами увидели плоды своих трудов обезображенными топорами погромщиков.

Воздействие таких зрелищ на клириков, остававшихся в своих церквях и соборах, представить нетрудно. Удрученные участью своих братьев-монахов, они оставались бездвижны, и не делали дальнейших попыток украшать те постройки, разрушения коих они могли ожидать в скором времени; и они ожидали, в ужасе и напряжении, новых шагов, которые предпримет нечестивый тиран, когда его алчность или надобности толкнут его на это. Обычно считают, и считают ошибочно, что перемена религии в нашей стране была результатом общего настроения, однако большинство людей, напротив, были искренне привержены к старой вере; правда же состоит в том, что великое здание Церкви было подорвано постепенно, шаг за шагом, пока, как в случае всякой революции, она далеко не превзошла намерения своих первых сторонников; и я убежден, что сам Генрих, будь он в состоянии предвидеть все последствия своего первого нечестивого поступка, устранился бы идти далее в избранном направлении. Он сам породил протест против догматов Протестантизма в этой стране.

Своими Шестью Статьями он подтвердил все основные принципы Католической веры, и единственными изменениями, внесенными им, было устранение молитвы о папе из мессы и имени св. Фомы Беккета из молитвенников. *In fine*, в церквях остались образа, служили мессу, как было принято, и обряды старой религии все исполнялись за тем лишь отличием, что их великолепие сильно уменьшилось, вследствие того, что король присвоил ценнейшую церковную утварь для своего пользования.

И неверно было бы числить Генриха среди тех, кого называют Реформаторами, если только не его страсть к разорению и разрушению, присущая тем, позволит объединить его с ними; ибо он ни в каком отношении не походил на тех,

кто строил в дальнейшем на заложенном им основании. Он неразумно воображал, будто бы может присвоить богатства и власть Церкви и сохранить то же единство и дисциплину как те, кто хранил ее по апостольскому преемству; но был горько разочарован.

Подавление религиозных заведений и разграбление и осквернение святынь и мест, которые столь долго считались святыми, породило сомнение и неуверенность среди людей, которых было легче возбудить, нежели успокоить.

Частные суждения относительно предметов веры и различные еретические сочинения, завезенные из Германии, породили чувства неуважения к священству и презрения к религии, что только усиливались ежедневными нововведениями властей предрежащих, касающимися прав и собственности клириков; и Генрих при жизни с горечью увидел, что его приспешники и прихлебатели не смогли сохранить единство веры; напротив, колы скоро были разрушены чары, столь долго связывавшие людей воедино, они настолько же не были расположены подчиняться его предписаниям, как сам он — предписаниям старой веры, от которой он отступил.

В течение его жизни, однако, соборы и приходские церкви не особенно пострадали, помимо того, что они были лишены богатейших из своих украшений, а все разрушения пришлось на долю монастырских построек; и лишь когда вззошел на трон его малолетний сын Эдуард VI, проявились истинные чувства, порожденные новыми порядками, и в полную силу развернулись грабежи и разрушения.

Глава IV.

О грабежах и разрушениях церкви при Эдуарде VI и после окончательного утверждения новых доктрин актом Парламента

Какие бы бедствия ни принесла религии и церковной архитектуре вторая половина царствования Генриха, следующее царствование — Эдуарда VI — удвоило их.

Во главе Церкви в этой стране оказался мальчик девяти лет от роду, неспособный, конечно же, к самостоятельным мыслям и действиям и годный только на то, чтобы служить средством, для тех, кто составлял правительство.

Оно же, к несчастью, состояло из людей, смотревших на собственность Церкви не иначе, как на свою законную добычу, и которые, стра-

шась того, что в случае, если бы древняя религия была восстановлена, они не только утратили бы все возможности к дальнейшему обогащению, но и принуждены были бы возвратить то, что приобрели столь гнусным образом, нашли выход в создании нового учреждения, целиком зависящего от временной власти, под прикрытием которого они могли бы безнаказанно грабить; отменив же все высокое и величественное сопровождение, что столь многие века делало обряды Церкви столь торжественными и впечатляющими, они оставили бы в своем распоряжении всю церковную утварь, служившую для этого, смогли бы сократить священство в числе и даже снести значительные части церковных строений, присвоив себе материалы или нажившись на их продаже.

Для того чтобы этого добиться, те из старых епископов, кто не примирился бы с разорением своих епархий, были смещены, а их кафедры переданы людям, готовым отдать властям львиную долю своих владений, чтобы приобрести достоинство, на которое они не только не имели законного права, но и не могли питать надежд.

Вероломный и двуличный Кранмер, который при жизни Генриха внешне придерживался старых установлений, теперь сбросил маску, объявил себя злейшим врагом того, что исповедовал всю свою жизнь, и, желая втереться в доверие к временщикам, оказался настолько подл, что уступил им половину земель, принадлежавших Кентерберийскому Диоцезу.

Все земли Церкви были повсеместно урезаны сходным образом ради расширения поместий знати; но мародерство не ограничивалось земельной собственностью Церкви: так, когда у протектора Сомерсета родился замысел возвести на Стрэнде пышный особняк, это привело к разборке на строительные материалы великолепных галерей собора Св. Павла, нефа монастырской церкви Св. Варфоломея в Смитфидле (только что законченной), пяти церквей и трех дворцов епископов — столь мало почтения к религии или к искусству выказывали эти новые церковники. И после этого какие еще нужны доказательства полнейшего неуважения к постройкам, предназначенным для церковной службы, если сам лорд-протектор, будучи формально верховным главой Английской Церкви, разрушает изрядную часть столичного собора и прочие церковные постройки, лишь для того, чтобы удовлетворить свой суетный каприз.

Чтобы продолжить разорение и грабеж под маской возврата к первобытной простоте и пресечения суеверия, были изданы Акты для обезобразивания икон, разрушения алтарей

и конфискации всей церковной утвари, не попавшей в жадные руки уполномоченных Генриха, или оставленной как совершенно необходимая для исполнения обрядов в древнем стиле; и так церкви постепенно были опустошены, так что в каждой остались только по одному пожитку и дискусу. Миряне-реформаторы самым мелочным образом настояли на том, чтобы ни один из новых обрядов и церемоний не был бы утомительным или дорогостоящим, и не нуждался бы в ценных и красивых предметах, что помешало бы дальнейшему грабежу. И с тех самых пор, как была установлена новая религия, нужда во всех великих Церковных Постройках отпала; новые же обряды могли бы нисколько не хуже проводиться в большом сарае, лишь политика этих реформаторов заставила их сохранить некоторые из старых зданий, и оставить некоторые из старых титулов, чтобы обезопасить земли и пожертвования, которые, без подобных показных мер, как им казалось, было бы невозможно сохранить и собрать. И этим соображениям мы обязаны сохранением тех соборов, что можем видеть сейчас: не думай, читатель, будто бы великолепие их архитектуры (construction) или изящество их облика воздействовало на реформаторов и заставило их сберечь. Не высота шпиля в Солсбери, не размер фонаря (lantern) в Или, не освещение хора в Глостере или торжественное величие нефа Уикхема в Винчестере, были причиной того, что их выдвинули и пощадили посреди всеобщего возмущения. Многие рассыпающиеся руины, разбросанные по лицу этой страны, отмечают места, где некогда величественно вздымались церкви, столь же огромные и столь же прекрасные, как те, что мы видим ныне. Гластонбери, Кроулэнд, Рединг, Св. Эдмунд и многие другие не уступали прочим в размере или величии; в них были могилы прославленных умерших, алтари, часовни, и все было наполнено произведениями выдающегося мастерства. Но их больше нет; приговоренные к разрушению и пренебрежению, они гибли постепенно, и все, что остается ныне от их некогда великолепных громад, это бесформенные куски каменной кладки, слишком прочно соединенной, чтобы выгодно было их разрушать.

В таком же состоянии мы бы сейчас видели и соборы, если бы не было условлено сохранять от старого порядка все, что способно было послужить приверженцам нового; поскольку эти реформаторы, хоть и проповедовавшие возобновление апостольской простоты во всех вещах, поддержание которых требовало от них рас-

ходов или хлопот, никак не стремились сделаться продолжателями их бедности.

Дело было в другом; они не возражали против папистских названий декана, каноника или пребендаря, потому что к ним присовокуплялись изрядные доходы, хотя мне и не приходилось слышать о том, чтобы эти чины упоминались в Святом Писании, что для людей, всецело отвергающих традицию Церкви, должно было бы стать непреодолимым препятствием.

Но алтарь, ежедневное освещение и убранство которого требовало изрядных трат, а его богатые принадлежности могли обернуться существенными трофеями, должен был подвергнуться разрушению, и на его место водружен простой квадратный стол, как более подходящий апостолам. Почему же эти восстановители простоты не покинули церкви и не стали собираться в комнатах? Лишь потому, что им бы пришлось тогда отказаться от своих видов на земли; и они сидели, довольные, на тех же сиденьях, и в том же самом хоре, который раньше занимали их Католические предшественники.

Это лишь один пример непоследовательности, сопровождавшей основание Государственной Церкви; и я останавливаюсь на этом затем только, чтобы показать, каким приземленным и грязным побуждением мы обязаны частичным сохранением того, что остается, и сколь малую роль в этом сыграли любые соображения, помимо корыстных. Пока что я изображал ужасные воздействия на постройки совместных ударов алчности и фанатизма; далее я покажу, как они продолжали страдать, когда новые порядки были, наконец, закреплены законом.

Алтари были повсюду разрушены; цветные стекла во многих местах выбиты из окон, которые они столь прекрасно заполняли; статуи святых оставлены обезглавленными в обезображенных нишах, или полностью изуродованы; крест, величайший символ искупления, повсюду брошен под ноги; резьба сломана; дарохранительницы разбиты; и постройки очищены до возможного предела от изображений, указывавших на то, что они были посвящены исполнению торжественных обрядов древней Церкви, оставшись нагими настолько, насколько мог пожелать этого строжайший последователь Женевской Церкви.

Разорение к тому времени почти закончилось; все, что было богатого и ценного, давно исчезло; даже бронзы почти не стало; а свинцовые гробы усопших стали столь редки, что уже не могли насытить плавильный тигель.

Дальнейшие эксцессы были запрещены; здания провозгласили достаточно очищенными

от древнего суеверия; топор и молот были отложены в сторону; и опустошенным постройкам было предназначено претерпеть второе испытание, почти такое же разрушительное, как и первое – быть приспособленными для новых форм службы: и когда мы думаем о тех ужасных поновлениях, переделках и разрушениях, которые претерпели наши почтенные постройки, — всегда исполняемых равнодушными и скупыми священниками, грубыми и расчетливыми приходскими властями, и невежественными и лишенными вкуса строителями, — я, не колеблясь, заявляю, что у любителя древнего искусства больше поводов сожалеть о происходившем в то время, когда церкви использовались по их теперешнему назначению, нежели даже о случившемся в те трагические времена, когда они были осквернены.

Способ приспособления церквей для исполнения новой литургии состоял в перекрытии нефов и приделов фильтрами, называемыми фамильными скамьями; поверх этой массы перегородок вздымалась кафедра для проповедника и чтеца; одновременно квадратный стол, увенчанный королевским гербом, везде заменивший собой распятого Спасителя, завершает список необходимых нововведений, — вряд ли стоит говорить, что они настолько же неприглядны, насколько старинные предметы были уместны и красивы.

Если бы соображения приличия и удобства возобладали бы над экономией, старые церкви оказались бы вовсе заброшены, а новые дома молитвы строились бы похожими на нынешние часовни диссентеров; ибо все, что требовалось, и что, действительно, более всего соответствовало Протестантской службе, это большая, хорошо проветриваемая комната; кафедра, расположенная так, чтобы все собрание видело и слышало проповедника; стол для причастия посередине, и два или три яруса галерей; с их помощью многочисленная аудитория разместится в небольшом пространстве.

Старые здания являют собой противоположность всему перечисленному, и совершенно не приспособлены для любой службы, кроме той, для которой они были возведены; но они уже были, и их, так или иначе, приспособили для новой службы; отсюда и все нелепости, которые мы видим в старых приходских церквях.

Приделы разрезаны на части галереями всевозможных размеров и высоты; неф перегороден скамьями; сиденья для певчих убраны со своего старого места в алтарной части и перемещены в самые странные места; деревянные панели отталкивающего вида и полностью замазанные

краской, на которых написаны Символ веры и Заповеди, полностью закрыли собой алтарную резьбу, выступающие части которой к тому же еще и пришлось сбить. Значительные части церкви, для которых не нашлось применения, замурованы, чтобы сделать дом молитвы уютнее и комфортабельнее; порталы закрыты и превращены в машинные сараи¹, и так далее; и чем они стали после всего сделанного, кроме как неподходящими, неудобными для того, для чего они используются, зданиями? Признаю с горечью, что все эти непотребства не ограничиваются ни захолустными деревнями, ни даже приходскими церквями: гнусности, не менее отвратительные, чем те, что я перечислил выше, и достойные осуждения, намного более, поскольку происходят от людей, чье имя, образование и положение могли бы внушить нам надежду на лучшее, можно обнаружить в университетских церквях и в соборах, управляемых высшими классами, так же как и в строениях, вверенных попечению невежд.

Итак, я полагаю, что сумел показать, насколько тесно упадок церковной архитектуры в нашей стране связан с возрастанием протестантского начала.

Сперва я показал, как она была остановлена из-за разрушений алчного Генриха, и из-за потери тех чувств, которые поддерживали ее столь успешно многие века.

Далее я раскрыл, как алчность и фанатизм, будучи следствием новых взглядов, вызвали разграбление и разрушение все тех великолепных произведений, которые, будучи хранимы древней верою, обогащали и украшали собою все священные громады.

Затем я показал, каким убогим и низменным побуждениям мы обязаны сохранением того, что еще осталось; и наконец, я показал, что для того, чтобы сделать церкви подходящими к новому богослужению, многие из их величайших красот были разрушены, а их древнее и уместное убранство изуродовано.

Есть еще одно обстоятельство, о котором я до сих пор не говорил, однако оно — из числа наиболее ужасных, наиболее бедственных и самым серьезным образом препятствует созданию великих произведений церковного искусства: речь о полной утрате религиозного единства меж людьми. Когда были введены Общая Молитва и Статьи, тяжелые пени и наказания вплоть до смерти налагались на тех, кто

¹ Прекрасный южный портал некогда великолепной церкви в Хаудене, в Линкольншире был недавно переделан в ризницу.

не принимал их как единственное правило веры или способ религиозного отправления; и такими мерами люди были на краткое время принуждены к показному единообразию. Но куда девались внутреннее единство душ и вера, издревле связывавшая людей воедино?

Увы! Все это исчезло без следа. Где те незапные дары, искренние приношения, щедрые пожертвования, питавшие древнюю Церковь и служившие приобретению великолепных произведений? Все переменялось, и не только эти чувства исчезли, но даже простейшая починка зданий, возведенных в великолепии на добровольные людские дары, осуществлялась из налогов, выбиваемых под страхом закона у сопротивляющихся прихожан, две трети из которых, по разным причинам, равно ненавидели навязанный им порядок, который они вынужденно поддерживали. Сельские священники больше не считались пастырями народа, на высшее духовенство не смотрели с благоговением; в первых видели всего лишь род мытарей, собиравших налоги там, где их приходится платить, на вторых же с завистью взирали алчные аристократы, в то время как народ видел в них бесполезную кучку государственных чиновников. Нарастание таких настроений в течение первого столетия установленной церкви вызвало ниспровержение новой религии и полное прекращение ее обрядов при правлении узурпатора Кромвеля, время, настолько известное в английской истории, что о нем нет нужды более распространяться; и те же настроения сопутствовали ее возрождению при реставрации Стюартов, и даже сейчас открыто высказываются великим множеством людей.

Было бы справедливым заметить, что большая часть страшного опустошения, описанного в этой главе, была вызвана алчностью правительства или временных властей, в чьи руки вероломный Кранмер и его изменники-подручные предали клириков Английской Церкви, вынужденных сделаться безучастными свидетелями собственного крушения. Даже те, кто принял новую литургию, не стремились слишком отступать от древних Католических обычаев; однако будучи раз вовлеченными в воронку обновления, они попали под влияние Кальвинистской группировки, которая, наживаясь на беспорядках, лишила беззащитную Церковь ее торжественных обрядов лишь для того, чтобы захватить ее доходы. Многие святые и почтенные обычаи были малодушно отброшены в тщетной надежде примириться с этими гнусными еретиками, но, как можно догадаться, безуспешно; поскольку даже сейчас отступники

так же громко возмущаются бедным призраком древнего обряда, сохранившимся донныне, как возмущались они торжественными ритуалами Церкви в ее былой славе.

Глава V.

О Нынешнем недостойном Состоянии Церковных Зданий

Сейчас я перехожу к исследованию нынешнего состояния Церковных зданий после того, как они пережили три столетия разорения, небрежения и скверного возобновления.

Сперва я останавливаюсь на соборах, самых величественных из сохранившихся памятников прошлого, которые в силу этого заслуживают рассмотрения в самом начале.

Всякий, кто знает церковные древности и путешествовал по нашей стране для того, чтобы внимательно изучить эти удивительные постройки, которые, хотя и лишены более, чем половины своих красот, все еще гордо возвышаются над строениями, сооруженными рядом с ними бессильными руками нынешних людей, должен был с первого взгляда испытать удивление и восторг, которые быстро сменились огорчением и отвращением при виде большинства из них, умышленно изуродованных, и жалкого несоответствия их нынешних обитателей тем просторным и благородным зданиям, которые они занимают.

Когда возводились эти гигантские церкви, каждая их часть была предназначена для определенной цели, которой в точности соответствовало их расположение и украшение. Так, хор был предназначен исключительно для духовных лиц, каждый из которых занимал свое особое место; размеры нефа были рассчитаны для несметного сборища людей, которые, безотносительно звания или состояния, перемещивались в ритуале службы Господней; боковые же нефы предоставляли пространство для чинных шествий духовенства.

Различные часовни, каждая со своим алтарем, обслуживались разными священниками, которые, сменяя друг друга с шести часов утра, служили мессы, так что люди всех рангов и занятий могли уделять часть дня исполнению религиозного долга. Клуатры образовывали тихие и защищенные деамбулатории для размышлений клириков; дом же капитула был благородным залом, где они встречались ради возвышенного и повседневного общения.

Двери этих церквей закрывались лишь на несколько часов по ночам, так что они представляли собой места, где люди могли бы постоянно возносить свои молитвы. Но как же эти церкви используются сейчас? Раскрыты ли постоянно их двери, чтобы принимать верующих? Нет; за исключением двух кратких отрезков времени, предназначенных для того, чтобы поддерживать некоторую форму культа, их врата тут же закрываются, да и внутрь не попасть, не предложив мзду привратнику. Спросите о причинах этого явления, и вы услышите, что, будь церкви открыты, они были бы полностью обезображены, и даже стали бы сценой для всякого непотребства. Если все это правда, а я боюсь, что так оно и есть, каким, спрашиваю я, должно быть нравственное и религиозное состояние страны, где церкви нужно запирают, чтобы они не подверглись осквернению и разграблению со стороны народа? Как исчезли древняя вера и благочестие? В самом деле, чувство личной веры настолько потеряно в этих церквях, что всякого, кто преклонил бы там колена в любое время, нежели то, которое отведено для Божественной службы, или в любом месте, кроме специально предназначенного для этого, сочли бы повредившимся в рассудке и, возможно, попросили бы его покинуть здание. Нет; соборы посещаются, в силу совершенно других соображений, разными классами людей. Первый класс — те, кто связан с собором или живет неподалеку, они бывают там каждое воскресенье чисто механически; второй — те, кто не имеет вкуса к молитвам, но любит музыку, и поэтому забегает, как говорится, послушать гимн; третий класс образуют люди, проходящие, чтобы увидеть церковь. Это туристы; они едут, чтобы увидеть все то, что нужно увидеть; поэтому они осматривают церковь, — *id est*, они обходят ее кругом, читают эпитафии, находят ее очень милой, очень романтической, очень старой, предполагают, что она была построена в суверенную эпоху, меряют шагами длину нефа, пишут свои имена на колонне, и исчезают, поскольку времени мало, а увидеть нужно еще очень много.

Четвертый класс составляют те, кто в ярмарочные дни отправляется посмотреть на большую церковь, построенную древними Римлянами, поскольку они уже осмотрели все виды и выставки. Их обычно бывает много, чтобы причетник смог отправить с ними человека, показывающего им разные удивительные вещи и рассказывающего удивительные истории о монахах и монахинях; и после того, как они все обегут, они выходят наружу и обсуждают

увиденное, пока не заметят какую-нибудь диковину получше.

Таковы большинство родов посещающих эти удивительные строения, из которых никто ни в малейшей степени не ощущает ни святости места, ни величия постройки, и действительно, число тех, на кого эти обезображенные, но все еще достойные восхищения здания оказывают полное и глубокое воздействие, весьма невелико. Мало таких, кто, несмотря на все перемены и разорение, которые они претерпели, может вообразить себе все величие их ушедшей славы, и кто, горячо презирая бессердечную толпу, глазеющую по сторонам, оплакивают те навсегда ушедшие времена истинной веры, порождавшие разумы, способные замыслить столь грандиозные и славные постройки, и рвение, чтобы их осуществить. Именно такие души остро ощущают скудость, бесплодность и неуместность того применения, которое было навязано этим строениям; и в их глазах изящный современный священник, перемещающийся от входа к ризнице, произносящий молитвы, и вновь возвращающийся от ризницы ко входу, как нельзя более неуместный среди всей благородной обстановки, достоин только презрения. Что общего у него, спрошу я, со служителями церкви прошлых времен? Можем ли мы его видеть после окончания службы молитвенно преклонившим колена в уединении какой-нибудь часовни? Можем ли мы его видеть прогуливающимся в размышлении в тех сводчатых клуатрах, что были построены как раз для уединенных размышлений духовных лиц? Нет; он заходит в церковь лишь тогда, когда долг зовет его; он покидает ее, как только возможно; он относится к зданию только как к источнику дохода; он живет религией — это его ремесло. Тем не менее, такие люди с холодными и черствыми сердцами, равнодушные к любому проблеску прежней искренней веры, с презрением и насмешкой говорят о тех великих душах, чей могучий разум и благородные сердца создали все эти сооружения, и чьей благочестивой щедрости они обязаны каждым своим шиллингом.

Способны ли они на обычную благодарность? Нет; каждый день они повторяют клевету и поношения на ту религию и веру, благодаря которым появилась собственность, которой они пользуются, и влияние которой только и могло воздвигнуть здания, которыми они якобы восхищаются, при этом осуждая и высмеивая породившее их дело.

Можем ли мы надеяться на что-то хорошее, пока такие люди пользуются, или, лучше сказать, владеют этими великолепными громадами?

Люди, которые либо оставляют церкви разрушаться от небрежения, либо, если они считают, что обладают кое-каким вкусом и располагают деньгами, порождают бедствия, намного сильнее, нежели само время, неуместностью и бессмысленностью своих нововведений. Из этого разряда те, что были предприняты Епископом Баррингтоном в Солсбери и осуществлены недоброй памяти Джеймсом Уайеттом, заслуживают строжайшего осуждения.

Во время этого улучшения, как его называли, почтенная колокольня, величественное и выразительное сооружение, стоявшее с северо-восточной стороны церкви, была снесена, а колокола и все материалы — проданы; были разрушены часовни Хангерфорда и Бошана, а надгробия совершенно неподобающим образом помещены между колоннами нефа; и совершилось множество прочих варварств и искажений, слишком многочисленных, чтобы пересказывать их.

Ничуть не менее отвратительно было уничтожение старинных оконных переплетов и стекол в восточном окне и окнах боковых приделов Часовни Св. Георгия в Виндзоре и замена их новыми, исполненными Уэстом, художником робким и топорным, работы которого в любом случае стали бы позором, а здесь, заменив собой прекрасные произведения старого архитектора, сделались еще ничтожнее. *In fine*, куда бы мы ни посмотрели, мы увидим, что, были ли здания заброшены или подвергались улучшениям, то и другое оказывалось в высшей степени пагубным.

Нельзя отрицать, что эти сооружения совершенно не приспособлены для нынешних обрядов Государственной Церкви, будучи лишены того, в чем сейчас так нуждаются — комфорта; и, поскольку хоры были приспособлены для целей приходской церкви, нуждающейся в гостинице, ради чего все черты старинной архитектуры были быстро уничтожены. Что может быть отвратительнее, чем, зайдя на хоры собора, увидеть, что скамьи, номинально предназначенные для служителей Церкви, заняты мирянами всякого звания? И даже епископский трон, самая кафедра, в отсутствие епископа может быть обитаема какой-нибудь случайной дамою? Чувство приличия и уместности здесь настолько потеряно, что, если бы не присутствие здесь нескольких поющих мужчин и мальчиков и не голова одинокого священника, бросающего взгляды поверх подушки, собравшихся можно было бы счесть группой индипендентов, занявших хоры как временную молельню. А потом наступает мгновение, когда хористы,

викарии и вся паства разом устремляется к дверям, создавая давку самого неприличного свойства.

Все это произошло из-за того, что было изменено старое правило, отводящее хоры исключительно для духовенства; но оно было отменено новыми церковниками, посчитавшими, что их вид недостаточно представительен, так что они впустили внутрь народ, чтобы скрыть изъяны своего облика.

Это привело к перегораживанию хоров скамьями, что стало одним из худших нововведений, которые соборы когда-либо претерпели; так, все изменения, которыми были подвергнуты соборы в Питерборо и Норидже, привели к полному разрушению образа хоров, середины которых были заполнены скамьями и сиденьями, что превратило великолепие открытого пространства в тесный коридор.

Тщетно украшать переднюю часть этих сидений резьбой и панелями; самый принцип порочен, и все, что делается, лишь выставляет изъян более явно.

Эта картина современного состояния соборов ужасна, но не преувеличена; всякий может убедиться в ее истинности, самостоятельно исследовав соборы и то, как проходят в них службы.

Зайдите в прекрасную церковь в Или и сами увидите результаты небрежения: вода, сочащаяся сквозь прорехи в кровле, разрушает самую сердцевину здания; трещины в восточной башне, которые, не получая ремонта, быстро расширяются. Потом взгляните на то, что раньше было домом капитула, но теперь забито скамьями и прочим хламом, притащенным из приходской церкви, которую причт отказался ремонтировать. Посмотрите на то, как не подходящие друг к другу кивории составлены парами и побелены. Оценив общий упадок церкви, вспомните, что в Или все же собирают богатые пожертвования. Каковы же сердца тех людей, из которых состоит причт? Но они еще вполне приличны на фоне прочих.

Я говорю об этом только потому, что Или — одна из наиболее интересных сохранившихся церквей, но она находится в самом жалком состоянии.

То же самое будет верно в отношении большинства других великих церквей. Само Вестминстерское Аббатство, несомненно, лучшее из зданий столицы (если его очистить от неуместных и отвратительных монументов), находится в прискорбном небрежении, и его продолжают уродовать, воздвигая в нем очередные уродливые глыбы мрамора. Получив недавно возмож-

ность осмотреть интерьер этой прекрасной церкви, я испытал невероятное отвращение, обнаружив, что половину часовни Св. Павла занимает огромная фигура Джеймса Уатта, сидящего в кресле на громадном квадратном пьедестале с какими-то безвкусными украшениями, которые, поскольку они не похожи ни на Греческие, ни на Римские орнаменты, скульптор, по-видимому, посчитал Готическими.

Создал это творение не кто иной, как сэр Ф. Чантри². Вне всякого сомнения, эту фигуру изначально предполагалось поставить в центр какого-нибудь большого террасного сада; она не могла предназначаться для интерьера аббатства: на своем теперешнем месте она настолько ужасна, что, если бы сэр Френсис действительно намеревался ее туда поместить, его бы стоило раздавить под ее огромным пьедесталом, чтобы не дать ему снова совершить столь тяжкое прегрешение против хорошего вкуса.

Но должно ли это благородное сооружение вечно загромождаться и уродоваться постоянно воздвигаемыми неуместными и безвкусными памятниками? Неужели у декана и причта не хватит власти, чтобы пресечь их появление? Но чего мы можем от них ожидать или на что надеяться, когда они допускают, чтобы мерзкие куклы выставлялись внутри священных стен, делая аттракцион более привлекательным для отдыхающих? О, души усопших аббатов, можете ли вы это вынести? Грандиозные здания, что вы построили, могилы великих людей, что лежат внутри них, — все это недостаточно привлекает толпу; к этому нужно добавить марионеток, чтобы причт собирал медяки. О, горькое унижение!

И это происходит в величайшей церкви нашей столицы. В мавзолее наших королей; в месте, представляющем огромный интерес искусностью постройки и связанными с нею историческими воспоминаниями.

Можем ли мы удивляться тому, что я ранее утверждал, — и, как мне кажется, сумел доказать, — что наши соборные церкви стали не более, чем развлечением для народа и рассматриваются духовенством только как источник дохода?

Небрежение, в котором находится эта церковь, некогда величественная, есть национальный позор. В то время, как десятки тысяч ежегодно выделяются на пустяковые цели, и сотни тысяч были недавно потрачены на сущие архитектурные уродства, никто не предложил даже небольшой суммы, чтобы сохранять в порядке

погребальные монументы наших старых королей, и странно видеть такое равнодушие среди тех, кто, по своему происхождению и положению могут считаться законными хранителями наших национальных древностей.

Где еще мы найдем, не в Англии даже, но во всей Европе, место, в котором было бы так много великолепных памятников древнего искусства — вдвойне интересных благодаря историческим ассоциациям, связанным с ними? Если мы встанем сразу за высокой алтарной преградой, прекрасной работы и с интересными изображениями, мы окинем одним взглядом могилы Эдуарда I, вторгшегося в Шотландию; Генриха III, перестроившего само огромное аббатство; доброй и благочестивой Королевы Элеоноры; Генриха V, завоевателя Франции; Эдуарда III и его королевы Филиппы; Короля Ричарда II; и последним по порядку, но не по значению, гробница Св. Эдуарда, которая, хоть и лишилась своих прекрасных и богатых украшений, все еще хранит гораздо большую ценность, мощи этого святого исповедника, чьи добродетели пережили бедствия так называемой Реформации, и до сих пор сохраняются, чтобы служить образцом нашим монархам при торжестве их коронации.

Через арки часовни Генриха V можно видеть массивные бронзовые ворота и величественный вход в монументальную капеллу Седьмого Генриха — несравненный образец позднего стиля. Вдоль могил, которые я описывал, простираются приделы и боковые капеллы, заполненные изображениями священнослужителей и благородных людей, о которых говорится в английских хрониках, исполненные с несравненным совершенством; и все это находится в самом конце церкви огромной длины, сводчатый потолок которой поднимается более, чем на сто футов над мозаичным полом — церкви, история которой переплетена с историей нашей страны, и должна быть дорога нам благодаря всему, что с ней связано религиозного, древнего и национального. Нет нужды быть архитектором, антикварием или художником, чтобы понимать, как следует почитать аббатство Св. Петра в Вестминстере. Тот, у кого есть хотя бы одна искра той любви к родине и гордости за свой народ, которая должна гореть в груди каждого человека, будет почитать, как святыню каждый камень этого благородного здания; но как мучительно день за днем сидеть, как это сделал я, и видеть тот род людей, которые пришли осмотреть эту церковь и их чувства, с какими они бродят по ее священным приделам — стадо отдыхающих, приехавших в Лондон ради достопримечатель-

² Френсис Легат Чантри (1781–1841) — английский скульптор.

ностей и заглянувших в Аббатство по пути в Суррейский Зоологический Сад. Можно ожидать, что, благодаря близости Аббатства к Зданиям Парламента, Католические депутаты будут посещать его священные стены и пытаться впитать частицу благочестивого духа прежних времен, каковую его почтенная архитектура и надгробные памятники не смогут не внушить, и каковая была бы немалым утешением для Католической души, вынужденной присутствовать при шумных схватках политических битв. Однако я весьма сомневаюсь, чтобы эти господа когда-либо проникали к западу от Капеллы Генриха Седьмого. Равнодушие королевских особ к этой священной постройке весьма прискорбно; мы много слышим о том интересе, который проявляется некоторыми почтенными людьми к представлениям ученой обезьяны или конному спорту, но сколь малое внимание уделяют они месту упокоения своих предков.

Даже если они откажутся поделиться небольшой суммой из тех тысяч, которые они ежегодно растрачивают на пустыки, на столь благородный и достойный предмет, как реставрация национальных памятников, посещение забытой и оскверненной громады Вестминстера может преподать им урок о том, что почивших королевских особ легко забывают, и если памяти о тех великих королях Англии, которые, благодаря своей доблести и энергии, достигли важнейших побед, и были первыми в битве и совете, не достаточно, чтобы обеспечить достойное уважение к их гробнице, то какое забвение и ничтожество после смерти ожидает тех суверенов, жизнь которых есть рутинная модная роскошь, чье величайшее достижение прогулка на пони, а основное занятие — обеды!

Все же я готов признать, что в последние годы произошло значительное улучшение в тех частичных реставрациях, которые производились в некоторых соборах и других церквях, в отношении профилей и прочих деталей. Механическую сторону Готической архитектуры сейчас понимают хорошо, но чувства, которое влияло на старое искусство, и души, которая видна в старых работах, очень не хватает: их можно возродить, как я уже говорил ранее, только восстановив прежние чувства и настроения. Лишь они одни могут вернуть остроконечную архитектуру к ее прежнему великолепию; без этого все, что делается, будет лишь робкой и бездушной копией, верной в отношении механизмов стиля, но полностью лишенной тех чувств и настроений, которые отличают старинные вещи.

Поэтому все нововведения на хорах в Норидже и Петерборо настолько нехороши; детали

сами по себе аккуратны и хорошо исполнены, но общая композиция настолько чужда старому зданию, что я, не колеблясь, назову общее впечатление почти отвратительным. Нечто подобное можно сказать и о Кентербери, где я, тем не менее, склонен одобрить реставрацию. Была потрачена уйма денег, и, я прибавлю, с толком; в самом деле, перестройка северо-восточной башни это предприятие, вполне достойное старых добрых времен.

В этих работах, пока дело идет о профилях и прочих деталях, а также о покраске и позолоте, все делается как нельзя лучше; но когда мы увидим новый алтарь, то удивимся, как среди такого количества произведений искусства, которые хранятся в этой церкви, не появилась идея получше. Он в высшей степени нелеп и убог, и не содержит ни капли искренности прежних времен — это простое повторение одинаковых панелей; однако все это порождено нынешними настроениями.

Когда эту церковь использовали для древней службы, высокой алтарь привлекал всеобщее внимание: сама церковь была построена ради той жертвы, которая там приносилась; для его украшения не жалели ни золота, ни камней, ни серебра; старые художники, горевшие ревностью и благочестием, посвящали ему свои лучшие усилия. Целое было великолепно; каждая деталь изысканна и уместна. Такое произведение не получалось простым умножением панелей, и не служило задником для обыкновенного стола. Нет; художник чувствовал величие работы, которую ему поручили осуществить; алтарь служил для отправления самых торжественных обрядов церкви, и величие предмета наполняло его душу возвышенными чувствами и приводило к выдающемуся результату. Из таких чувств произошло все старинное искусство; и я повторяю, что без них остроконечная архитектура не сможет подняться выше слепого воспроизведения механических частей искусства.

Между этими громадными постройками и протестантской службой нет соответствия. Первые проповедники новых учений были настолько убеждены в этом, что обращали против них весь пыл своих инвектив. Новой религии соответствуют тайные собрания и моленные дома, но она не имеет ничего общего с величием прошлых дней; среди множества новых вероучений современная Англиканская Церковь единственная, что сохраняет соборы и епископство: и эти остатки древней Церкви так плохо совмещаются с нынешними мнениями и временным управлением, что общественное мнение

всегда на них ополчалось, и новый закон мог бы отменить их в одно мгновение.

Что за перспектива! Какому новому испытанию, каким новым разрушениям еще подвергнутся эти злосчастные строения? При этой мысли невольно вздрагиваешь. Обнесут ли их, как в Шотландии, стенами и поделят на моленные дома для диссентеров и Унитариян? Переделают ли их в фабрики или склады, как церкви Франции во время фатальной революции 1790 года; или, разрушенными, лишенными кровель, заброшенными, их оставят распадаться, как многие прекрасные здания, погибшие при перемене веры, от которых остались лишь несколько рассыпающихся арок, показывающих, что здесь что-то было? Что-то из перечисленного, вне всякого сомнения, произойдет, если нынешняя Государственная Церковь прекратит существование. Правда, эту гнетущую перспективу оживляет один луч надежды; что, если роковой день настанет, множество благочестивых и мыслящих людей могут возвратиться в лоно Католичества, что найдутся сердца и руки, желающие и способные уберечь эти славные громады от дальнейшего осквернения, и, в соответствии с духом ушедших времен, вернуть их к прежнему великолепию и вернуть для прежней службы.

Если же мы от соборов обратимся к тем церковным постройкам, которыми они окружены, мы увидим, что изменения и разрушения, которые они претерпели, чтобы удовлетворить идеям и капризам каждого нового обитателя, столь велики, что лишь с огромным трудом можно обнаружить черты их первоначального облика.

Все черты старой архитектуры были полностью изменены, ибо после того, как духовенство оставило церковную дисциплину ради покоя и комфорта; променяло старое гостеприимство на формальные визиты; и сделалось мирянами в любом отношении, кроме дохода и звания, оно нашло старые здания плохо приспособленными к изменившемуся обиходу; что служило начитанному, самоуглубленному священнику или щедрому, гостеприимному прелату прежних времен, нисколько не подходило для женатого, общительного, веселого клирика или современного епископа, чья супруга должна соответствовать обычаям светской жизни.

Поэтому епископские дворцы были либо снесены и отстроены заново в уменьшенном виде, либо их лучшие части были оставлены на произвол судьбы, как бесполезные, а обитаемые части изуродованы ремонтом. Жилища ректоров и каноников не избегнули еще худшей

участи: многие старые постройки были полностью снесены, а вместо них появились уродливые квадратные коробки; и все было изуродовано: домовые часовни повсеместно разрушены или приспособлены для чего-то низкого; старые дубовые потолки оштукатурены; панели убраны или заклеены обоями; стрельчатые окна растесаны и снабжены обычными подъемными рамами; появились огромные простые кирпичные постройки, чтобы обеспечить место для приемов; веранда и возможно оранжерея. И вот, таким способом дома каноников делаются пригодными для проживания в течение трех месяцев.

Далее, если мы исследуем здания, которые в старину строились для викариев, служащих в соборах, как в Уэлсе, мы увидим, сколь печальную перемену они претерпели! Когда эти здания строились, викарии были уважаемой когортой священников, живущих коллегиальным образом; у каждого была своя комната или две; общая зала, где они собирались на трапезу, и часовня (над которой была библиотека, полная богословской и исторической мудрости), располагались в противоположных концах клуатра. Все эти здания были весьма красивого облика, а щедрый Епископ Бекингтон их значительно расширил; и так хорошо устройство каждой части этого строения и его связь с собором через клуатр с роскошными воротами, что, несмотря на все утраты и переделки, которые ему довелось претерпеть, и его нынешний упадок, оно до сих пор остается одним из интереснейших образцов церковных зданий, соединенных с соборами, и дает наилучшее представление о достоинстве жилищ церковнослужителей, и о соответствии их облика облику тех строений, к которым они образовывали дополнения.

Но, как только все ощутили пагубное влияние новых мнений, этот оплот благочестия и учености претерпел фатальную перемену.

Число викариев сократили до трети их первоначального количества, и их земли настолько разграбили, что эту церковную функцию передали мирянам, единственным умением которых было заурядное пение, так что жалкие гроши, которые у них остались, хотя и недостаточные для человека, служащего церкви, могут до сих пор заставить бедного лавочника дважды день отложить счета и бежать на службу, чтобы потом вновь поспешить к недовольным покупателям.

Когда здания, возведенные щедростью Рождера де Салопия и Томаса де Бекингтона, попали в руки подобных людей, результат легко можно вообразить.

Постепенно они впали в убожество; жилье сдавалось разным нанимателям, которые изменяли его как им было угодно; а большая зала могла использоваться только тогда, когда какому-нибудь очередному мошеннику требовалось большое помещение, чтобы выставить плоды своей ловкости, или, что еще хуже, сдавалась внаем для школы танцев.

Библиотеки таким людям были не нужны, ведь они никогда не брали в руки никаких книг, кроме бухгалтерских записей, а из страниц любого древнего автора могли бы сделать только обертки для своих покупок.

Поэтому не нужно удивляться, что отдельные страницы манускриптов, да несколько заплеванных томов, сваленных в углу чулана с документами, это все, что остается от собрания, которое, судя по учености его основателей, было столь же полезным, сколь любопытным и содержательным.

Эти так называемые мирские викарии настолько опустились, что среди них можно встретить даже трактирщика. Такого человека, вырвавшегося из паров пунша и клубов табачного дыма, и с криками посетителей. еще звучащими в ушах, можно видеть бегущим от стойки к хорам, где он наденет стихарь, пока заключительная молитва не позволит ему поспешить назад, отвечая «Иду, сэр!» на аминь, который еще не успел замереть на его устах.

Как мы можем удивляться тому презрению, которого удостоилась Государственная Церковь, если ее устройство порождает такие отвратительные сцены? Где, спрашиваю я, те пресловутые блага, которые принесла нам так называемая Реформация? Факты говорят сами за себя, и я полагаю, что сумел убедительно показать многим, в какое ужасающее состояние пришли церковные постройки и сами церковники из-за введения нынешних порядков.

Если бы объем работы позволил, я мог бы исчерпывающим образом показать, насколько пагубным было влияние Протестантов на искусство в тех странах, где они на какое-то время стали государственной церковью; ведь даже во Франции, где их господство продолжалось не более года, они произвели такое опустошение, что основные церковные сокровища и большая часть лучших произведений искусства были разграблены и уничтожены.

Действительно, говорим ли мы о фанатике Ноксе в Шотландии, о Гугенотах во Франции, об основателях Английской Церкви, или о пуританах Кромвеля, мы можем видеть, что, как бы ни расходились они в своих раскольнических доктринах, они были едины, словом и делом,

в грабеже и разрушении. Святость и искусство равным образом ничего для них не значили; жажда золота и страсть разрушать все то, что превышало их разумение, в смеси с самым диким фанатизмом, толкали их к преступлениям, мучительным для души, с точки зрения как обычного человеколюбия, так и любви к высокому искусству.

Если эти страсти мало-помалу стихли, это случилось лишь благодаря тем теплохладным чувствам, которые большинство народа в нашей стране испытывает к религии; еще совсем недавно распятие или изображение Мадонны вызывало у ревнителей благочестия намного больший ужас и большее порицание, нежели самый гнусный и непристойный идол, порожденный худшими суевериями язычества; и я скажу не колеблясь, что среди последователей фанатических сект, известных под общим наименованием диссентеров, есть многие, которые не только станут ликовать, разрушая еще сохранившиеся прекрасные церкви, но и сочтут своим триумфом уничтожение всякой религиозной власти.

Я не могу завершить эту часть своей работы, не сделав некоторых замечаний о нынешней практике строительства церквей и часовен — практике столь низкой, столь корыстной и столь непочтительной по отношению к вере Господней, что она достойна всяческого презрения; и я скажу, что среди самых прискорбных грехов нашего времени нужно поместить тех, кто думает, какова минимальная сумма, за которую можно возвести церковное здание, и какой процент от суммы, выделенной на его строительство, можно выгадать, сдавая внаем церковные скамьи.

Именно спекуляция священными предметами настолько похожа на осквернение храма, вызвавшее у нашего Спасителя такое негодование, что Он, в противоположность мягкой снисходительности, которую он до того выказывал, плетью изгнал нечестивцев из святого места.

Да; строительство церквей, как и все, что порождалось рвением или искусством в прежние времена, выродилось в простую торговлю. Никого больше не волнует ни святость предприятия, ни благородный замысел архитектора или искусство ремесленника, участвующих в строительстве; но только дешевизна исполнения, поскольку она рассчитывается, исходя из ничтожной стоимости каждого сиденья; а облик здания и каждое окно, профиль и орнамент должны соответствовать этой жалкой сумме.

О чувствах, с которыми прежние священники возводили свои церкви, мы легко получим

представление, обратившись к торжественным словам посвящения: — *Domus quam aedificari volo Domino, talis esse debet, ut in cunctis regionibus nominetur; praeparabo, ergo ei necessaria*³.

*Magnus est Deus noster super omnes deos; quis, ergo, praevalere ut aedificet dignam Deo domum*⁴.

Инструкции Церковных комиссионеров представляют собой обратное этим благородным чувствам. Они требуют здания простого, как только возможно, которое можно построить за небольшие деньги, и скромных размеров, как ради экономии, так и для того, чтобы лучше слышать проповедника, поскольку из всей службы учитывается только проповедь; и я скажу, не колеблясь, что до сих пор не было архитектуры настолько убогой и вместе с тем настолько нелепой, как в массе этих жалких церквей, возведенных под покровительством комиссионеров, и которые теперь загромождают собой все новые части столицы и ее окрестности — позор для нашего времени, как с точки зрения их облика, так и с точки зрения тех скудных денег, которые были отпущены на их строительство.

При их проектировании не принимали в расчет ни уместность, ни красоту. У некоторых портики Греческих храмов, окруженные шпилями с жалким силуэтом и еще более жалкими деталями. Другие представляют собой смесь искаженных Греческих и Римских зданий; большинство же было построено в совершенно неопишуемых стилях, образуя самый отвратительный род зданий. В некоторых случаях архитекторы отваживались придать внешней оболочке сходство со старинными остроконечными церквами, и, пока не видны внутренности, здание может казаться старым; однако, когда мы видим интерьер, иллюзия пропадает, и мы обнаруживаем, что то, что имело вид старой католической церкви, есть в действительности

³ 1-я Паралипоменон, 22, 5: «...дом, который следует построить для Господа, должен быть весьма величествен, на славу и украшение пред всеми землями: итак буду я заготовлять для него».

⁴ 2-я Паралипоменон, 2, 5-6.

не что иное, как современный молельный дом со всеми галереями, скамьями и прочим. *In fine*, спроектировать величественное здание, подходящее для мелкотравчатости теперешней службы, настолько невозможно, что церкви, чтобы произвести впечатление, притворяются всем, чем угодно, только не тем, что они есть на самом деле; отсюда происходят все нелепости и несоответствия, в форме и отделке, которые в изобилии находятся в новых зданиях, построенных для религиозных целей.

Что касается стиля этих спекулятивных часовен, то он вне всякой критики. Их воздвигают люди, выбирающие между закладной, железной дорогой и часовней, как между способами выгодного вложения денег, и, поддавшись на красноречие модного проповедника, строят четыре стены с отверстиями для окон, заполняя пространство скамьями, сдающимися внаем; при этом они настолько охочи до презренного металла, что делают внизу обширный сухой подвал, который вскорости занимает какой-нибудь виноторговец.

Об ужасающем нечестии торговли церковными зданиями я говорил выше более развернуто; и я повторю, что никакое прегрешение не воспламенит быстрее гнева Господня, или не вызовет Его мщенья, нежели такое уничижение имени веры ради частных выгод отдельных персон.

И в заключение, хотя я несколько не отрицаю, что, если люди не могут позволить себе большего, то молитвы, возносимые из самой убогой постройки, окажутся столь же угодными Господу, как и те, что творятся в самом богатом здании; — все же, когда повсюду роскошь только возрастает, и люди богаче, чем когда-либо ранее, незначительные здания, возводимые повсюду ради религиозной службы, и плачевное состояние старинных церквей показывают недостаток искренней веры и теплохладность в отношении веры Господней, столь же позорные для нации, сколь оскорбительны они должны быть для Всевышнего.

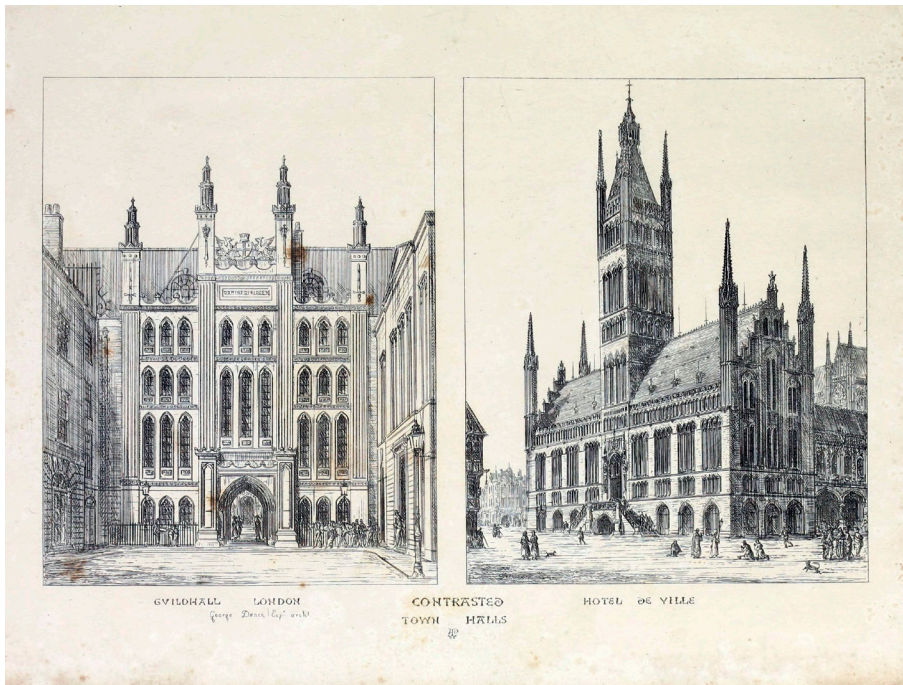

Рис. 1 Противопоставленные ратуши

Fig. 1. Contrasted town halls

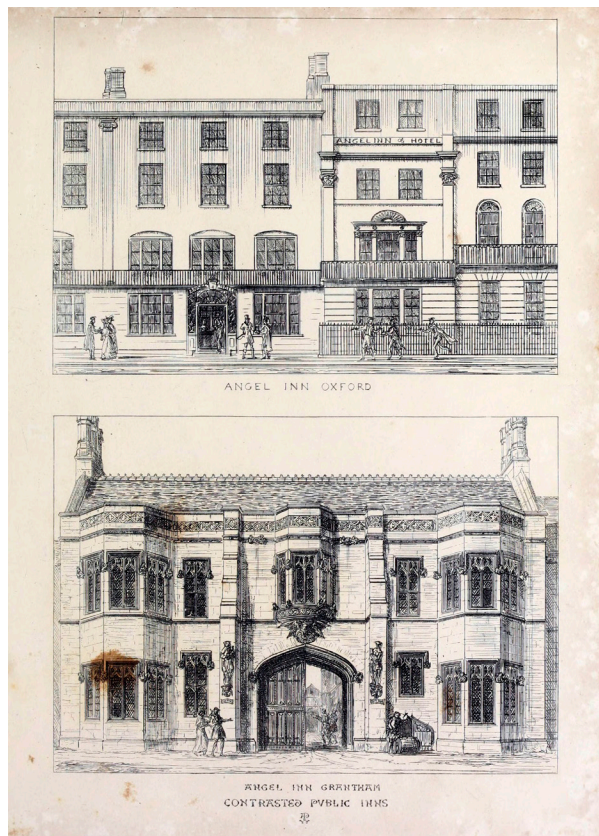

Рис. 2. Противопоставленные гостиницы

Fig. 2. Contrasted public inns

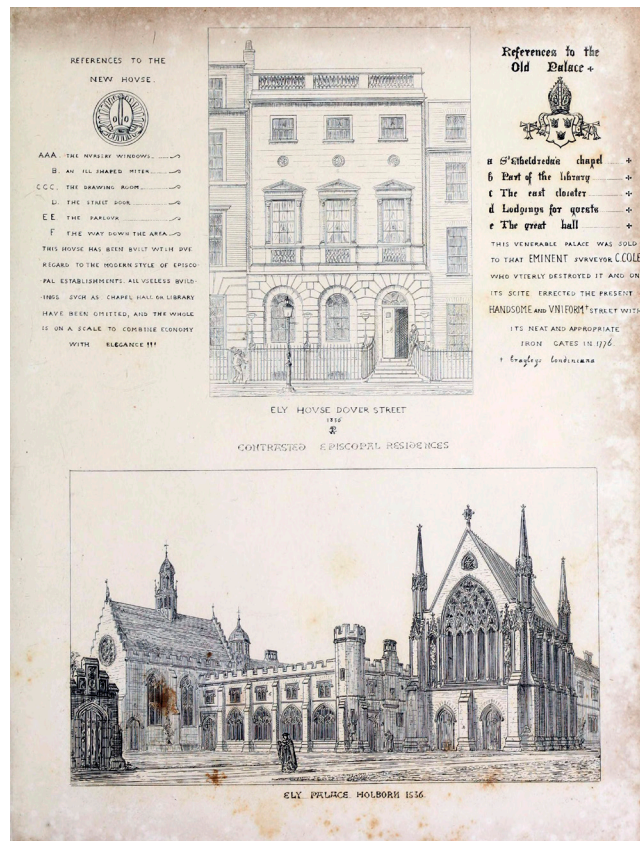

Рис.3. Противопоставленные епископские резиденции

Fig. 3. Contrasted episcopal residences

Рис. 4. Католический город в 1440 году (внизу) и тот же город в 1840 году

Fig. 4. Catholic town in 1440 [below] and the same town in 1840

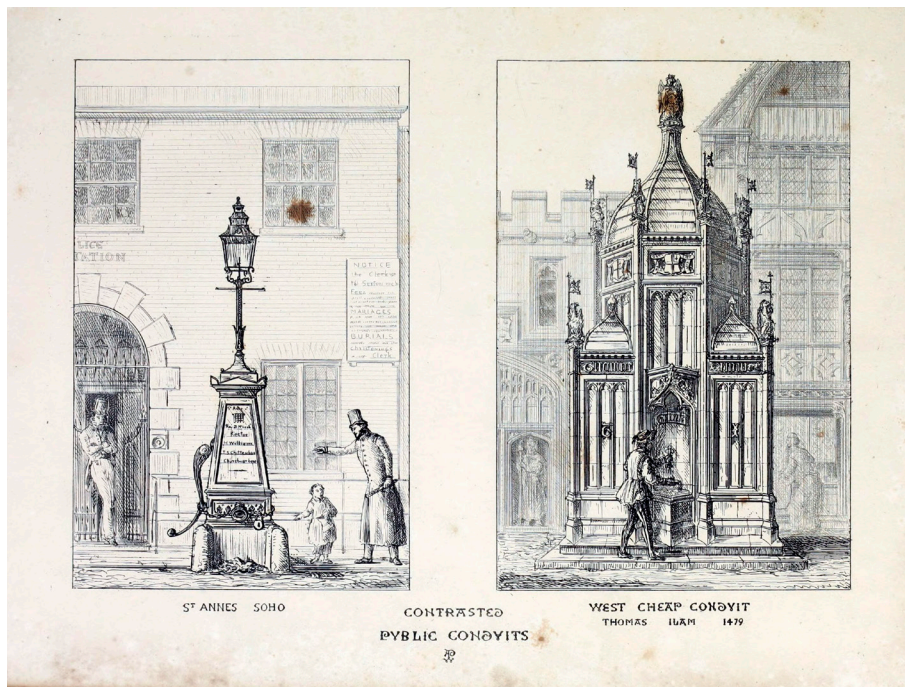

Рис. 5. Противопоставленные водоразборные колонки

Fig. 5. Contrasted public conduits

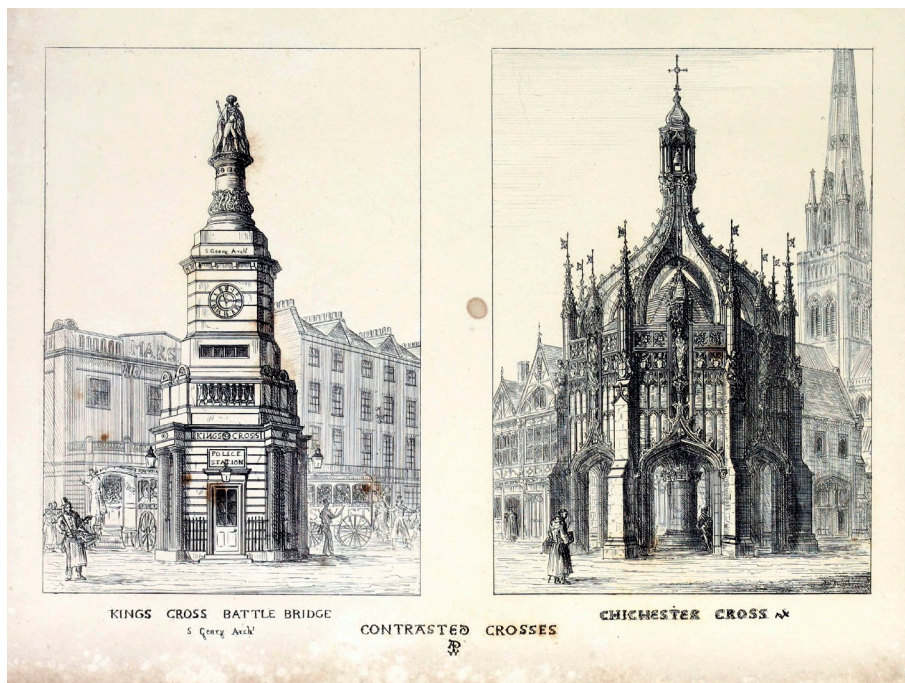

Рис. 6. Противопоставленные кресты

Fig. 6. Contrasted crosses

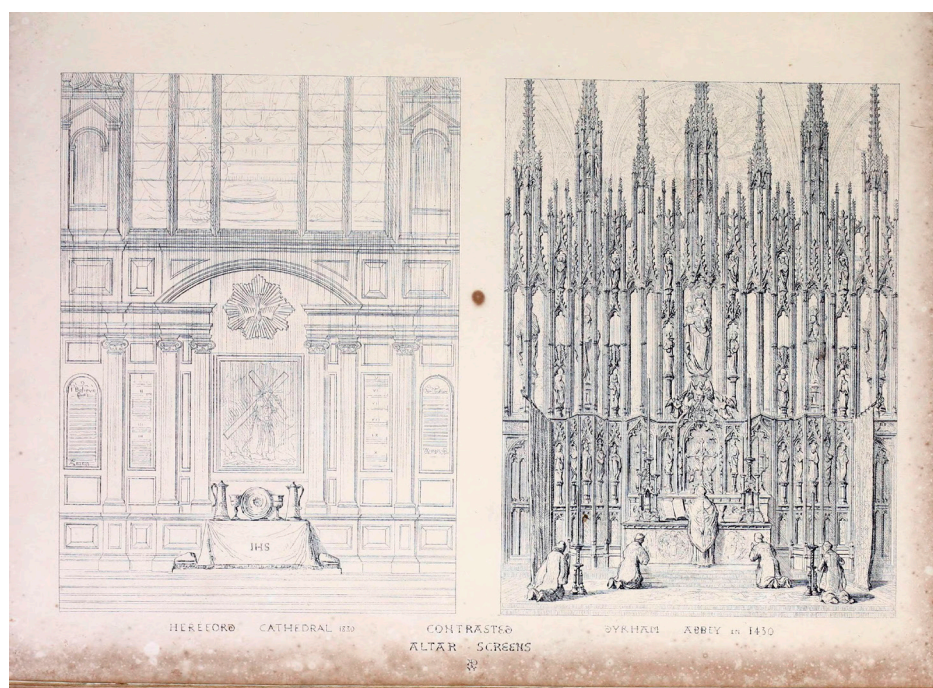

Рис. 7. Противопоставленные алтари

Fig. 7. Contrasted altar screens

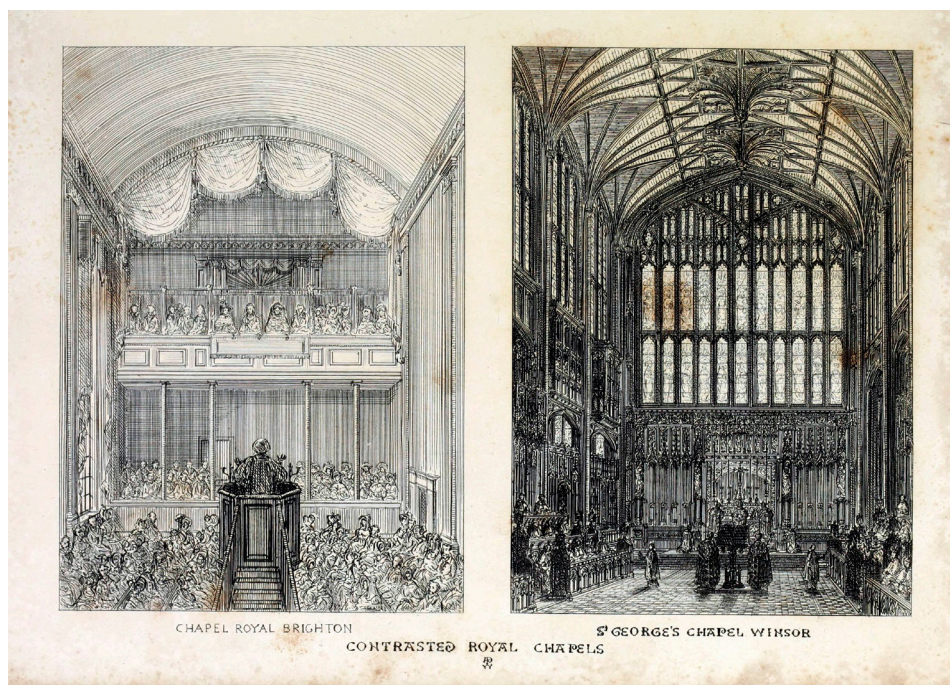

Рис. 8. Противопоставленные королевские часовни

Fig. 8. Contrasted royal chapels

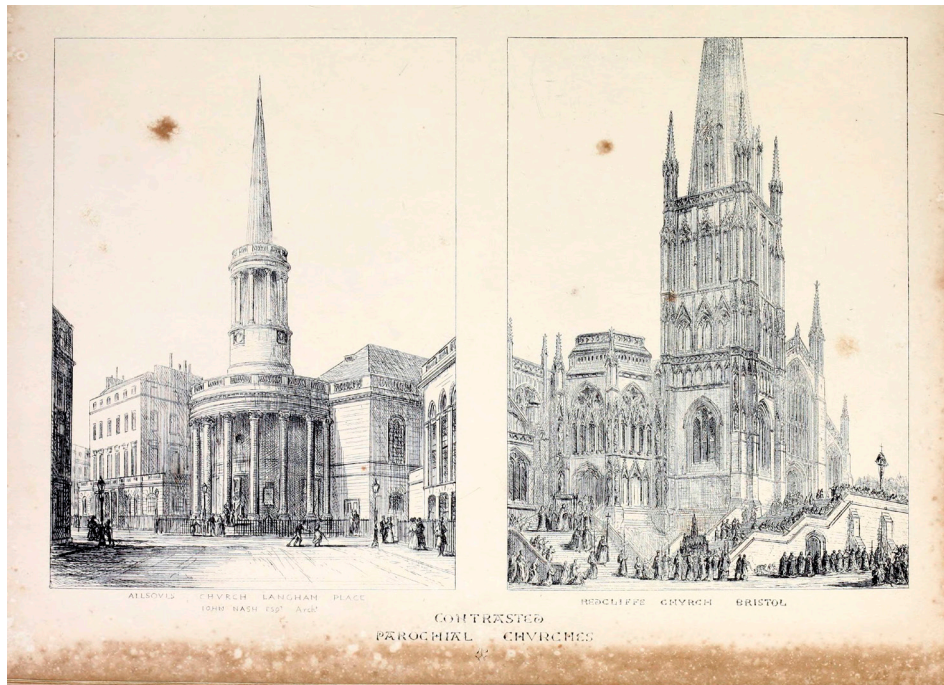

Рис. 9. Противопоставленные приходские церкви

Fig. 9. Contrasted parochial churches

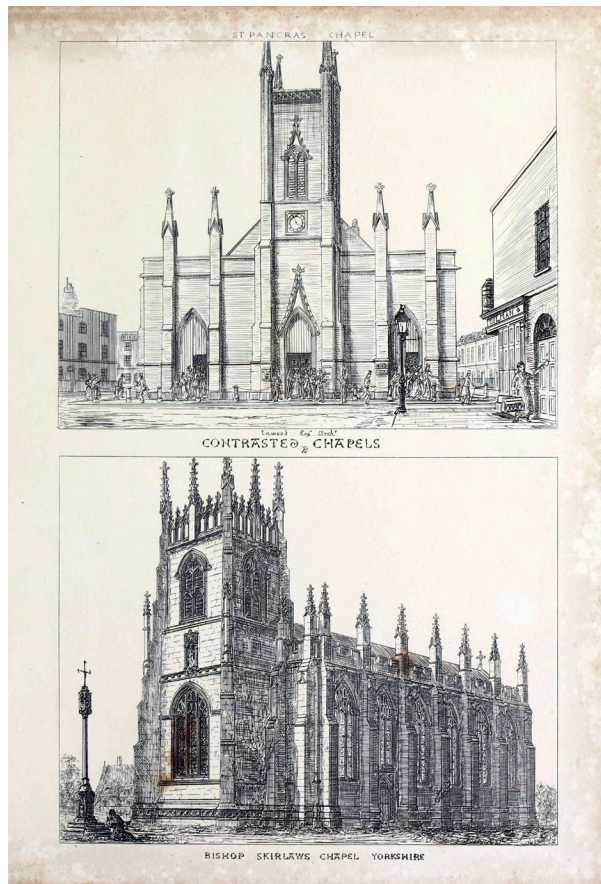

Рис. 10. Противопоставленные часовни

Fig. 10. Contrasted chapels

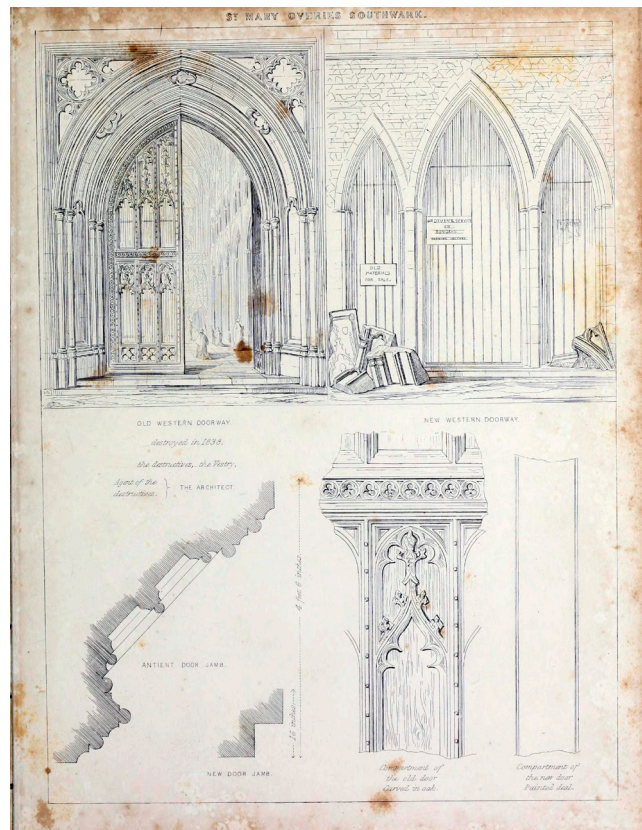

Рис. 11 Церковь Св. Марии, Саутворк. Сравнение старых и новых архитектурных деталей

Fig. 11. St. Mary Overie, Southwark. A comparison of old and new architectural details

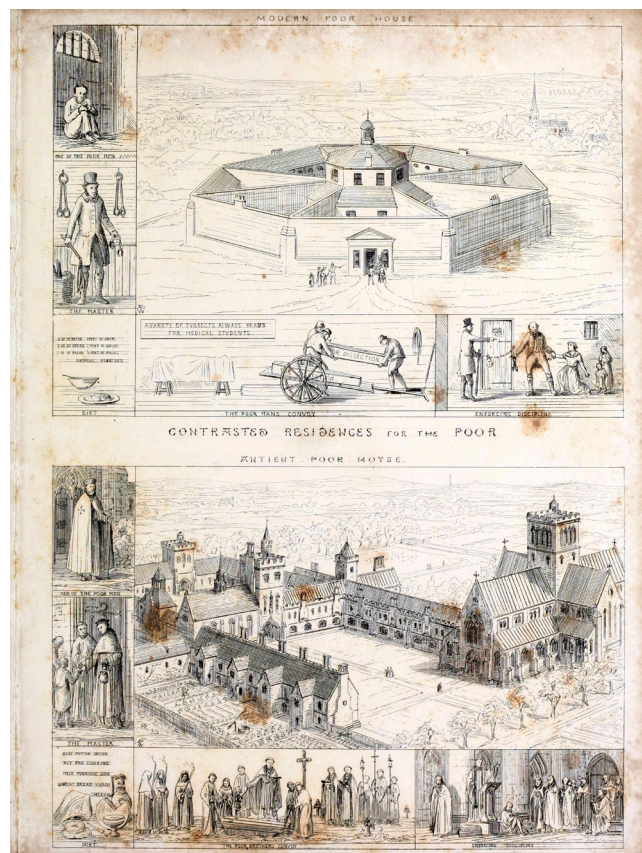

Рис. 12. Противопоставленные приюты для бедных

Fig. 12. Contrasted residences for the poor

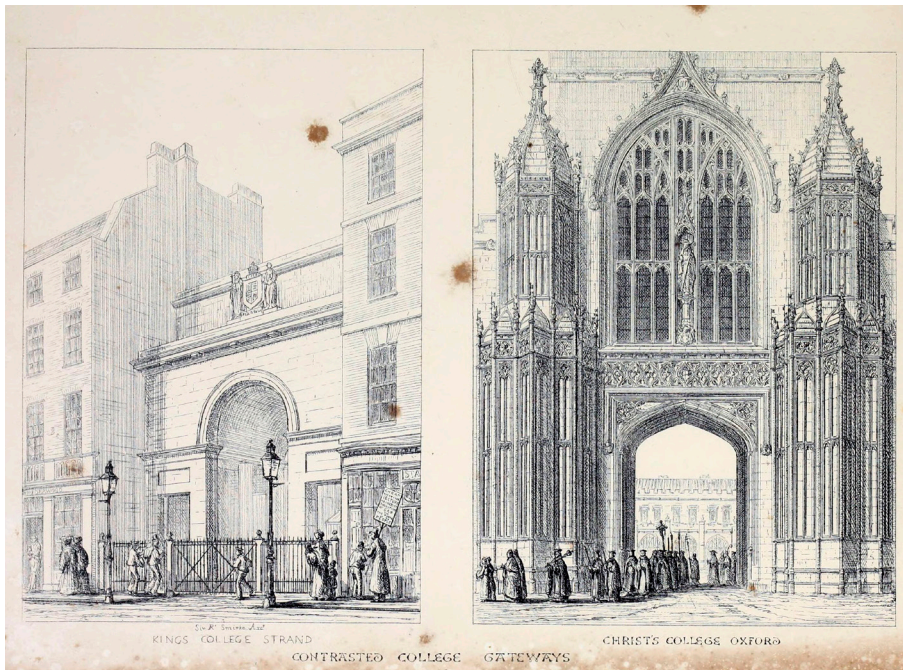

Рис. 13. Противопоставленные ворота колледжей

Fig. 13. Contrasted college gateways

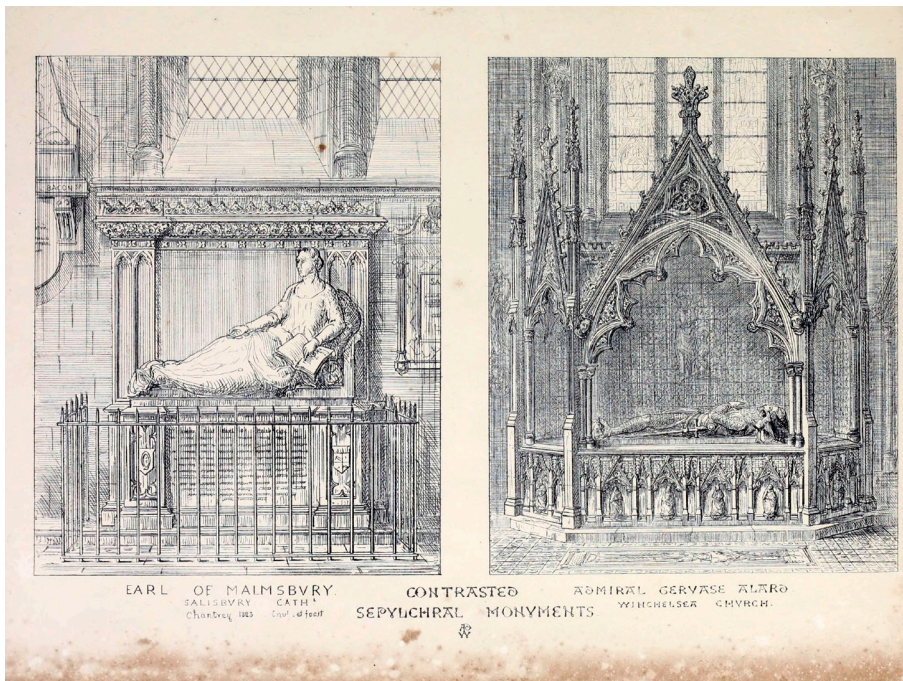

Рис. 14. Противопоставленные надгробные памятники

Fig. 14. Contrasted sepulchral monuments

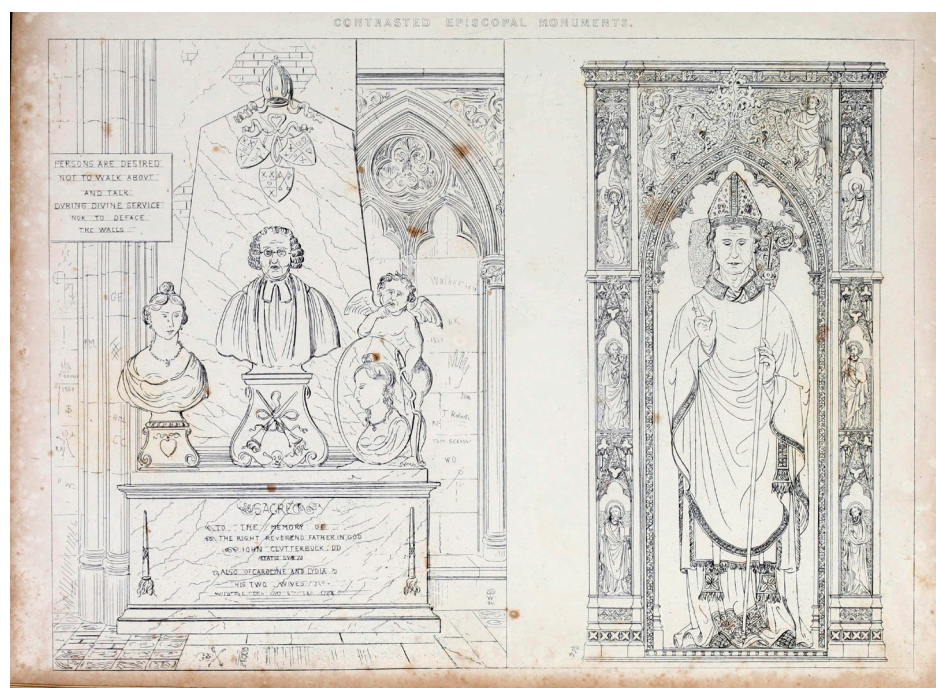

Рис. 15. Противопоставленные надгробия епископов

Fig. 15. Contrasted episcopal monuments

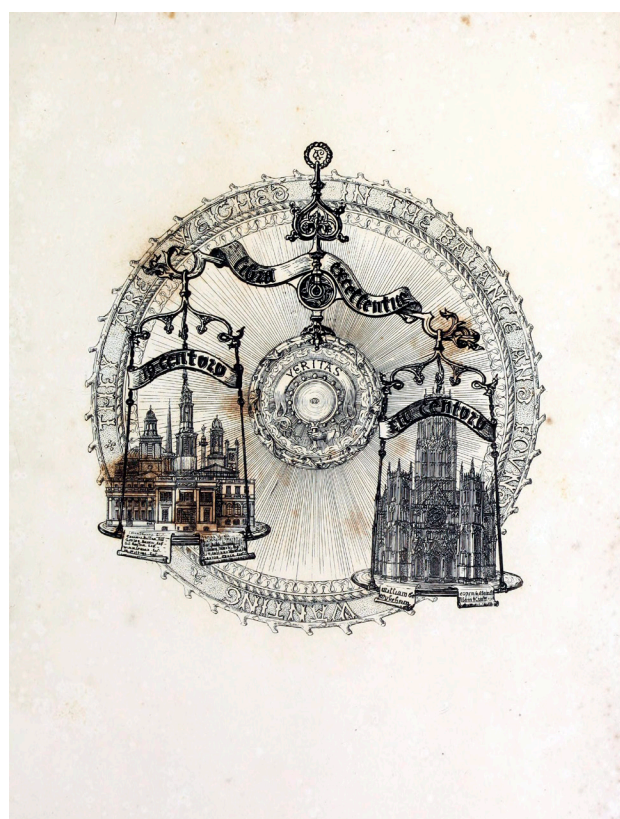

Рис. 16. «Весы достоинства». На круглой рамке надпись: «Взвешен и признан недостойным» (Дан. 5, 25–28), в центральном медальоне — «Истина». На левой чаше весов — здания XIX века, на правой — собор XIV столетия

Fig. 16. “Libra excellentiae” The inscription on the circular frame: “They are weighed in the balance and found wanting” (Dan. 5, 25–28); in the central medallion: “Veritas”. On the left side of the scales are 19th century buildings; on the right side is the 14th century cathedral

Сведения о переводчике

Владислав Владимирович Дегтярев

ORCID: [0000-0002-7720-2028](https://orcid.org/0000-0002-7720-2028), e-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Translator

Vladislav V. Degtyarev

ORCID: [0000-0002-7720-2028](https://orcid.org/0000-0002-7720-2028), e-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Senior Research Fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia